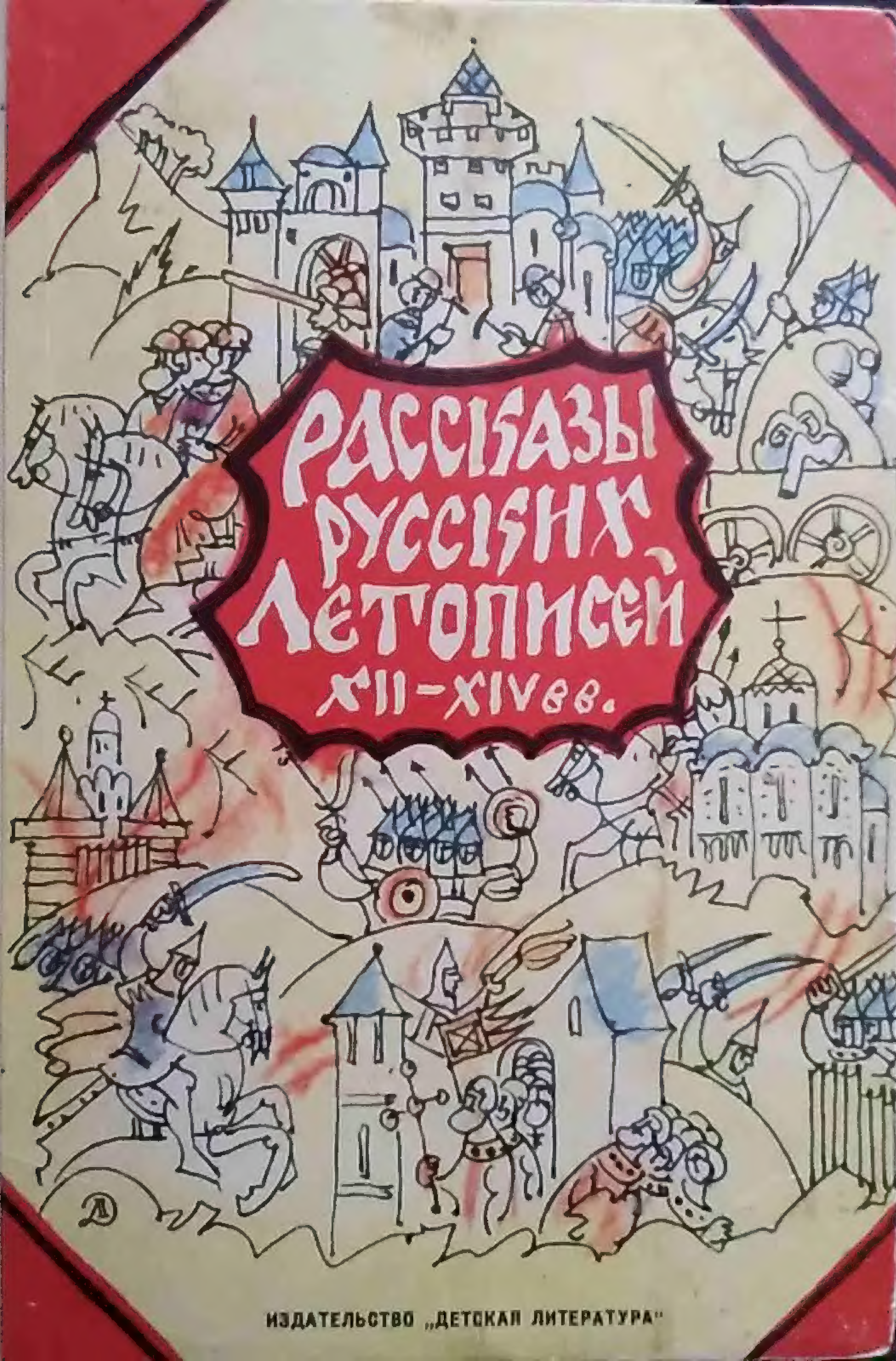
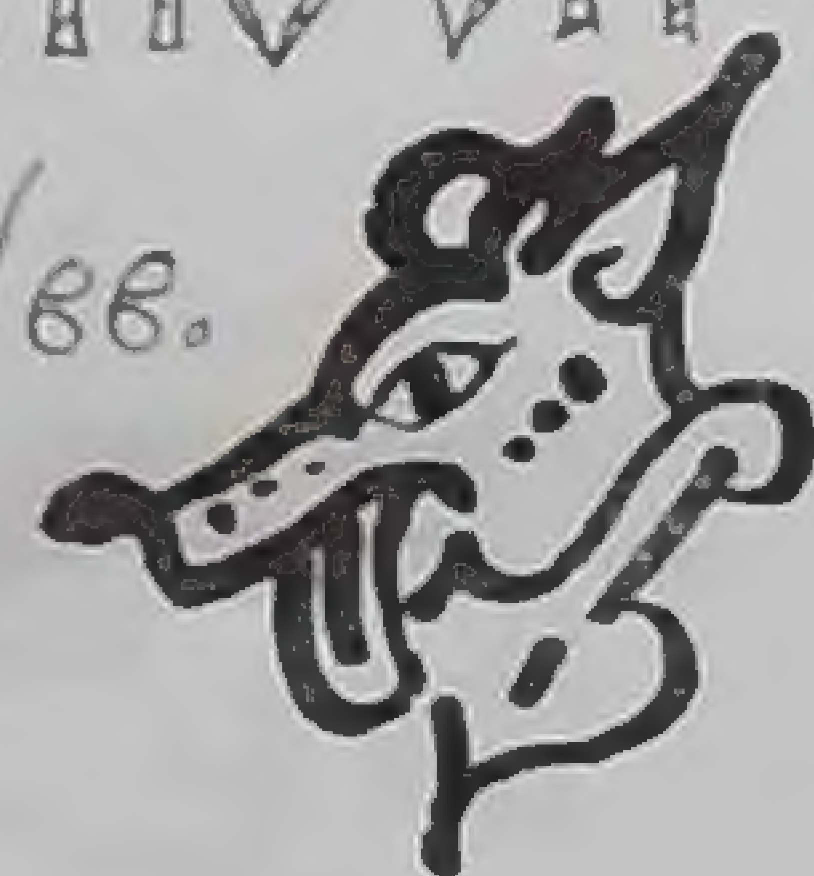
PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

РАССКАЗЫ
РУССКИХ
ЛЕТОПИСЕЙ
XII–XIV вв.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РАССКАЗЫ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XII–XIV вв.

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕРУССКОГО

Рисунки Т. МАВРИНОЙ

Москва „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" 1973

Р 1
Р 24

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Составление, предисловие, перевод и пояснения
Т. Н. Михельсон

Научный редактор
Д. С. Лихачёв

Рассказы русских летописей XII—XIV вв.
Р 24 Предисл., пер. с древнерус. и пояснения Т. Михельсон. Науч. ред. Д. Лихачёв. Рис. Т. Мавриной. 2-е изд. М., «Дет. лит.», 1973.
256 с. с ил.+16 вкл. (Школьная б-ка).

В книгу входят избранные рассказы из русских летописей, повествующие о событиях XII—XIV веков: о смерти Владимира Мономаха, о княжеских распрях и борьбе за киевский стол, о жизни в Новгороде и Владимире, о князе Александре Невском, о монголо-татарском нашествии, о победе Дмитрия Донского над Ордою. Рассказы из «Повести временных лет» о событиях более древних — X — XI веков можно прочитать в ранее выпущенной нами книге «Рассказы начальной русской летописи» (1964, второе издание — 1966).

Р $\frac{0763-282}{101(03)73}$ 189—73 Р1

Перед вами рассказы русских летописей XII, XIII, XIV веков. Эти рассказы написаны современниками, очевидцами, участниками тех далеких событий. Летописцы создавали их под непосредственным впечатлением только что случившегося. Наверное, поэтому, читая летопись, мы словно видим все своими глазами и остро переживаем былое.

Рассказы эти среди многих других находятся в древних рукописях, которыми по праву гордятся наши библиотеки.

Как в святилище, входим мы в сумрачные сводчатые залы Отдела рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде. Залы уставлены шкафами и высокими столами-витринами. Там, в металлическом сейфе, вместе с еще несколькими ценнейшими рукописями хранится летопись, которая называется Лаврентьевской, по имени человека, переписавшего ее в 1377 году. «Аз (я) худой, недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних (монах)»,— читаем мы на последней странице.

Книга эта написана на «ха́ртии», или «телятине»,— так называли у нас на Руси пергаме́н, особым образом обработанную телячью кожу. Летопись, видно, много читали: ее листы обветшали, во многих местах следы восковых капель от свечей, кое-где стерлись красивые, ровные строчки, в начале книги бегущие через всю страницу, дальше разделенные на два столбца. Много видела эта книга на своем почти шестисотлетнем веку.

В Рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Ленинграде хранится Ипатьевская летопись. Она была передана сюда в XVIII веке из знаменитого в истории русской культуры Ипатьевского монастыря под Костромой. Написана она в XIV веке.

Это большая книга в тяжелом переплете из двух деревянных досок, обтянутых потемневшей кожей. Пять медных «жуков» украшают переплет. Вся книга написана от руки четырьмя разными почерками — значит, над ней работало четыре писца. Писана книга в два столбца черными чернилами с ки́новарными (ярко-красными) заглавными буквами. Особенно красив второй лист книги, на котором начинается текст. Он весь написан киноварью, словно пламенеет. Заглавные же буквы выведены, напротив, черными чернилами. Много потрудились писцы, создавая эту книгу. С благоговением приступали они к работе. «Летописец Русский с богом починаем. Отче благий», — написал писец перед текстом.

Самый древний список русской летописи сделан на пергамене в XIV веке. Это Синода́льный список Новгородской Первой летописи. Его можно увидеть в Историческом музее в Москве. Он принадлежал Московской синодальной библиотеке, отсюда его название.

Интересно посмотреть иллюстрированную Радзиви́ловскую, или Кенигсбергскую, летопись. Одно время она принадлежала панам Радзивилам и была обнаружена Петром Первым в Кенигсберге (ныне Калининграде). Теперь эта летопись хранится в Библиотеке Академии наук в Ленинграде. Написана она полууставом в конце XV века, по-видимому, в Смоленске. Полуустав — почерк более быстрый и простой, чем торжественный и медлительный устав, но тоже очень красивый.

Радзивиловскую летопись украшает 617 миниатюр! Только подумать: 617 рисунков в цвете — цвета яркие, жизнерадостные — иллюстрируют то, что описано на страницах летописи. Тут вы можете увидеть и войска, идущие в поход с развевающимися стягами, и битвы, и осады городов. Тут изображены князья, восседающие на «столах», — столы, служившие троном, в самом деле напоминают нынешние небольшие столики. А перед князем стоят послы со свитками речей в руках. Укрепления русских городов, мосты, башни, стены с «заборо́лами», «пору́бы», то есть темницы, «ве́жи» — кибитки кочевников — все это можно наглядно представить по чуть-чуть наивным рисункам Радзивиловской летописи. А что говорить об оружии, доспехах, — они изображены здесь с избытком. Недаром один исследователь назвал эти миниатюры «окнами в исчезнувший мир». Репродукции их вы, наверное, видели в учебниках, в книгах

по русской истории. Но они обычно даются в черно-белом воспроизведении, а это совсем не то, что в цвете. Кроме того, ведь миниатюры существуют не сами по себе. Они написаны на листах рукописи. Очень большое значение имеет соотношение рисунков и листа, рисунков и текста, текста и полей. Все сделано с большим вкусом. Ведь каждая рукописная книга — произведение искусства, а не только памятник письменности.

Таковы самые древние списки русских летописей. Они называются списками потому, что переписаны с более древних, не дошедших до нас летописей.

Наши книгохранилища берегут свыше тысячи списков русских летописей. Многие из этих ценнейших документов напечатаны и вошли в обширное издание, которое носит название «Полное собрание русских летописей». Но это издание далеко не закончено, и целый ряд летописных списков еще ждет опубликования.

Текст любой летописи состоит из погодных (составленных по годам) записей. Каждая запись начинается: «В лето такое-то», и далее следует сообщение о том, что случилось в данное «лето», то есть год. (Года считались «от сотворения мира», и чтобы получить дату по современному летосчислению, надо вычесть цифру 5508 или 5507.) Сообщения бывали длинными, развернутыми повестями, а бывали и очень короткими — вроде: «В лето 6741 (1233) подписана (расписана) бысть церковь святые Богородицы в Суздале и измощена мрамором разноличным», «В лето 6898 (1390) бысть мор во Пскове, яко же (как) не бывал таков; где бо единому выкопали, ту и пятеро и десятеро положиши», «В лето 6726 (1218) тишина бысть». Писали и так: «В лето 6752 (1244) не бысть ничтоже» (то есть ничего не было).

Если в один год произошло несколько событий, то летописец соединял их словами: «в то же лето» или «того же лета».

Записи, относящиеся к одному году, называются статьей. Статьи шли подряд, выделяясь лишь красной строкой. Только некоторым из них летописец давал заглавия. Таковы повести об Александре Невском, князе Довмонте, о Донской битве (см. стр. 98, 105, 119) и некоторые другие.

На первый взгляд может показаться, что летописи так

и велись: год за годом добавлялись всё новые записи, словно бусины нанизывались на одну нить. Однако это не так.

Дошедшие до нас летописи — очень сложные произведения по русской истории. Летописцы были публицистами и историками. Их волновали не только современные им события, но и судьбы родины в прошлом. Они делали погодные записи о том, что происходило при их жизни, и добавляли в записи предшествующих летописцев новые сообщения, которые они находили в других источниках. Эти добавления они вставляли под соответствующими годами. В результате всех добавлений, вставок и использования летописцем летописей своих предшественников получался «свод».

Возьмем пример. Вы будете читать рассказ Ипатьевской летописи о борьбе Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким за Киев в 1151 году (см. стр. 27). В этом рассказе три главных участника: Изяслав, Юрий и сын Юрия — Андрей Боголюбский. У каждого из этих князей был свой летописец. Летописец Изяслава Мстиславича восхищался умом и военной хитростью своего князя. Летописец Юрия подробно описал, как Юрий, будучи не в состоянии пройти вниз по Днепру мимо Киева, пустил ладьи через Доло́бское озеро. Наконец, в летописи Андрея Боголюбского описывается доблесть Андрея в битве.

После смерти всех участников событий 1151 года их летописи попали к летописцу нового киевского князя. Он соединил их известия в своем своде. Получился яркий и очень полный рассказ.

Но как же удалось исследователям выделить из поздних летописей более древние своды?

Помог этому метод работы самих летописцев. Наши древние историки относились с большим уважением к записям своих предшественников, так как видели в них документ, живое свидетельство о «прежде бывшем». Поэтому они не переделывали текстов полученных ими летописей, а только отбирали в них интересующие их известия.

Благодаря бережному отношению к работе предшественников известия XI—XIV веков сохранены почти в неизменном виде даже в сравнительно поздних летописях. Это и позволяет их выделить.

Очень часто летописцы, как настоящие ученые, указывали, откуда они получили известия. «Когда я пришел в

Ладогу, рассказали мне ладожане...», «Се же слышал от самовидца»,— писали они. Переходя от одного письменного источника к другому, они отмечали: «А се от иного летописца» или: «А се с другого, старого», то есть списано с другой, старой летописи. Много есть таких интересных приписок. Летописец-псковичей, например, делает заметку киноварью против того места, где он рассказывает о походе славян на греков: «О сем писано в чудесах Стефана Сýрожского».

Летописание с самого своего возникновения не было личным делом отдельных летописцев, которые в тиши своих келий, в уединении и безмолвии записывали события своего времени.

Летописцы всегда находились в самой гуще событий. Они сидели в боярском совете, присутствовали на вече. Они сражались «подле стремени» своего князя, сопровождали его в походы, были очевидцами и участниками осад городов. Наши древние историки выполняли посольские поручения, следили за строительством городских укреплений и храмов. Они всегда жили общественной жизнью своего времени и чаще всего занимали высокое положение в обществе.

В летописании принимали участие князья и даже княгини, княжеские дружинники, бояре, епископы, игýмены. Но были среди них и простые монахи, и священники городских приходских церквей.

Летописание было вызвано общественной необходимостью и отвечало общественным требованиям. Оно велось по повелению того или иного князя, или епископа, или посáдника. В нем отразились политические интересы разных центров — княжеств, городов. В них запечатлелась острая борьба разных социальных групп. Летопись никогда не была бесстрастна. Она свидетельствовала о заслугах и добродетелях, она обвиняла в нарушении прав и законности.

Даниил Гáлицкий обращается к летописи, чтобы засвидетельствовать измену «льстивых» бояр, которые «Даниила князем себе называли, а сами всю землю держали». (О Данииле Галицком вы прочитаете на стр. 88—92 и 187—191.) В острый момент борьбы «печатник» (хранитель печати) Даниила отправился «исписать грабительства нечестивых бояр». Несколько лет спустя сын Даниила Мстислав велел занести в летопись измену жителей Берéстья (Бреста), «и вписал я в летопись крамóлы их»,— пишет летописец. Весь

свод Даниила Галицкого и его ближайших преемников — это повесть о крамоле и «многих мятежах» «лукавых бояр» и о доблестях галицких князей.

Иначе дело обстояло в Новгороде. Там победила боярская партия. Прочитайте запись Новгородской Первой летописи об изгнании Всеволода Мстиславича в 1136 году (стр. 24). Вы убедитесь, что перед вами настоящий обвинительный акт против князя. Но это только одна статья из свода. После событий 1136 года было пересмотрено все летописание, которое до того велось под покровительством Всеволода и его отца Мстислава Великого.

Прежнее название летописи, «Русский временни́к», было переделано в «Софийский временник»: летопись велась при соборе святой Софии — главном общественном здании Новгорода. Среди некоторых дополнений была сделана запись: «Прежде Новгородская волость, а потом Киевская». Древностью Новгородской волости (слово «волость» означало и «область» и «власть») летописец обосновывал независимость Новгорода от Киева, его право избирать и изгонять князей по своей воле.

Политическая идея каждого свода выражалась по-своему. Очень ярко она высказана в своде 1200 года игумена Вы́дубицкого монастыря Моисея. Свод составлен в связи с торжеством по случаю окончания грандиозного по тому времени инженерно-технического сооружения — каменной стены для предохранения горы у Выдубицкого монастыря от размыва водами Днепра. Вам, наверное, будет небезынтересно прочитать подробности.

Стена была поставлена на средства Рюрика Ростиславича, великого князя киевского, который имел «любовь несытну ко зданью» (к созиданию). Князь нашел «подходящего для подобного дела художника», «мастера не проста», Петра Милоне́га. Когда стена была «совершена», в монастырь приехал Рюрик со всей семьей. После молитвы «о приятии труда его» он сотворил «пир не мал» и «накормил игуменов и всякого чина церковного». На этом торжестве игумен Моисей выступил с вдохновенной речью. «Дивно днесь видят очи наши,— говорил он.— Ибо многие прежде нас жившие желали видеть то, что мы видим, и не видели, и слышать не сподобились». Несколько самоуничиженно, по обычаю того времени, игумен обратился к князю: «Нашея грубости писание прими, как дар словесен на похваление

добродетели княжения твоего». Он говорил далее о князе, что его «держава самовластная» сияет «паче (больше) звезд небесных», она «не только в Русских концах ведома, но и сущим в море далече, ибо по всей земле прошла слава о христолюбивых делах» его. «Не на берегу стоя, но на стене создания твоего, пою тебе песнь победную»,— восклицает игумен. Он называет постройку стены «новым чудом» и говорит, что «кыя́не», то есть жители Киева, стоят теперь на стене и «отовсюду веселие в душу им входит и мнится им яко (будто) аера достигше» (то есть, что они парят в воздухе).

Речь игумена — образец высокого витийственного, то есть ораторского, искусства того времени. Ею кончается свод игумена Моисея. Прославление Рюрика Ростиславича связано с восхищением мастерством Петра Милонега.

Летописям придавалось огромное значение. Поэтому составление каждого нового свода было связано с важным событием в общественной жизни того времени: со вступлением на стол князя, освящением собора, учреждением епископской кафедры.

Летопись была официальным документом. На нее ссылались при разного рода переговорах. Например, новгородцы, заключая «ряд», то есть договор, с новым князем, напоминали ему о «старине и пошлине» (об обычаях), о «Ярославлих грамотах» и своих правах, записанных в новгородских летописях. Русские князья, отправляясь в Орду, возили с собой летописи и по ним обосновывали свои требования, решали споры. Звенигородский князь Юрий, сын Дмитрия Донского, доказывал свои права на московское княжение «летописцами и старыми списками и духовною (завещанием) отца своего». Высоко ценились люди, которые могли «говорить» по летописям, то есть хорошо знали их содержание.

Летописцы сами понимали, что они составляют документ, который должен был сохранить в памяти потомков то, чему они были свидетелями. «Да и сие не забвенно будет в последних родах» (в следующих поколениях), «Да сущим по нас оставим, да не до конца забвенно будет»,— писали они. Документальность известий они подтверждали документальным материалом. Они использовали дневники походов, донесения «сторо́жей» (лазутчиков), письма, разного рода грамоты (договорные, духовные, то есть завещания).

Грамоты всегда производят впечатление своей подлинностью. Кроме того, они раскрывают подробности быта иногда и духовный мир людей Древней Руси.

Такова, например, грамота волынского князя Владимира Васильковича (племянника Даниила Галицкого). Это завещание. Оно написано смертельно больным человеком, понимавшим, что конец его близок. Завещание касается жены князя и его падчерицы. На Руси был обычай: княгиня после смерти мужа постригалась в монастырь. Грамота начинается так: «Се аз (я) князь Владимир, сын Васильков, внук Романов пишу грамоту». Далее перечисляются города и села, которые он давал княгине «по своем животе» (то есть после жизни: «живот» означало «жизнь»). В конце князь пишет: «Если захочет в черни́цы пойти, пусть идет, если не захочет идти, а как ей любо. Мне не восстать смотреть, что кто будет чинить (делать) по моем животе». Падчерице своей Владимир назначил опекуна, но велел ему «не отдавать ее замуж неволею ни за кого».

Мы подчас считаем, что женщины в Древней Руси были бесправны. Но, как видите, в конце XII века жил человек, который ратовал за свободу женщин выбирать свою судьбу.

Летописцы вставляли в своды произведения самых разных жанров — поучения, проповеди, жития́ святых, исторические повести. Благодаря привлечению разнообразного материала летопись стала огромной энциклопедией, включающей сведения о жизни и культуре Руси того времени. «Если хочешь все узнать, прочти летописца старого Ростовского»,— писал суздальский епископ Си́мон в широко когда-то известном сочинении начала XIII века — в «Киево-Печерском патерике́».

Для нас русская летопись — неисчерпаемый источник сведений по истории нашей страны, подлинная сокровищница знаний. Поэтому мы с огромной благодарностью относимся к людям, которые сохранили для нас сведения о былом. Нам чрезвычайно драгоценно все, что мы можем о них узнать. Нас особенно трогает, когда со страниц летописи доносится до нас голос летописца. Ведь наши древнерусские писатели, как и зодчие и живописцы, были очень скромны и редко называли себя. Но иногда, словно забывшись, они говорят о себе в первом лице. «Случилось и мне, грешному, тут же быть»,— пишут они. «Аз многие словеса́ слышал, е́же (которые) и вписал в летописаньи сем». Иногда лето-

сцы вносят сведения о своей жизни: «В то же лето поставили меня попом». Эту запись о себе сделал священник одной из новгородских церквей Герман Воя́та (Воята — сокращение от языческого имени Воеслав).

Из упоминаний летописца о себе в первом лице мы узнаем, присутствовал ли он при описываемом событии или слышал о случившемся из уст «самовидцев», нам становится ясно, какое положение занимал он в обществе того времени, каково его образование, где он жил, и многое другое. Вот он пишет, как в Новгороде стража стояла у городских ворот, «а другие на о́ н о й стороне», и мы понимаем, что это пишет житель Софийской стороны, где был «город», то есть дети́нец, кремль, а правая, Торговая сторона была «другая», «о́ н а я».

Иногда присутствие летописца ощущается в описании явлений природы. Он пишет, например, как «выло» и «стучало» замерзающее Ростовское озеро, и мы можем представить себе, что он был где-то на берегу в это время.

Бывает, что летописец выдает себя в грубоватом просторечье. «А он пролгался»,— пишет пскович об одном князе.

Летописец постоянно, даже не упоминая о себе, все же словно незримо присутствует на страницах своего повествования и заставляет нас смотреть его глазами на происходившее. Особенно явственно звучит голос летописца в лирических отступлениях: «О горе, братья!» или: «Кто не подивится тому, кто не восплачет!» Иногда наши древние историки передавали свое отношение к событиям в обобщенных формах народной мудрости — в пословицах или в поговорках. Так, летописец-новгородец, говоря, как сместили с должности одного из поса́дников, добавляет: «Кто копает под другим яму, сам в нее ввалится».

Летописец не только рассказчик, он и судья. Он судит по нормам очень высокой морали. Его постоянно волнуют вопросы добра и зла. Он то радуется, то негодует, восхваляет одних и порицает других.

Последующий «сводчик» соединяет противоречивые точки зрения своих предшественников. Изложение становится полнее, разностороннее, спокойнее. В нашем сознании вырастает эпический образ летописца — мудрого старца, который бесстрастно зрит на суету мира. Этот образ гениально воспроизвел А. С. Пушкин в сцене Пимена и Григория. Этот образ жил уже в сознании русских людей в древности. Так,

«В Московской летописи под 1409 годом летописец вспоминает «начального летословца Киевского», который все «временнобогатства» земные (то есть всю суетность земную) «не обинуяся показует» и «без гнева» описывает «все доброе и недоброе».

Над летописями трудились не только летописцы, но и простые писцы.

Если вы посмотрите на древнерусскую миниатюру, изображающую писца, вы увидите, что он сидит на «стульце» с подножием и держит на коленях свиток или пачку перегнутых в два — четыре раза листов пергамена или бумаги, на которых он пишет. Перед ним на низком столике стоит чернильница и песочница. В те времена непросохшие чернила присыпали песком. Тут же на столике лежит перо, линейка, ножик для чинки перьев и подчистки неисправных мест. На подставке лежит книга, с которой он списывает.

Труд писца требовал большого напряжения и внимания. Писцы работали нередко от рассвета до темноты. Им мешали усталость, болезни, чувство голода и желание спать. Чтобы немного отвлечься, они делали приписки на полях своих рукописей, в которых изливали свои жалобы: «Ох, ох, голова мя болить, не могу писати». Иногда писец просит бога рассмешить его, так как его мучает дремота и он боится, что сделает ошибку. А тут еще попадется «лихое перо, невольно им писати». Под влиянием голода писец делал ошибки: вместо слова «хлябь» писал «хлеб», вместо «купе́ль» — «кисель».

Неудивительно, что писец, дописав последнюю страницу, передает свою радость припиской: «Аки заяц рад, сети избег, так рад писец, последнюю страницу дописав».

Длинную и очень образную приписку сделал монах Лаврентий, закончив свой труд. В этой приписке чувствуется радость свершения большого и важного дела: «Радуется купец при́куп сотворив, и кормчий в оти́шье пристав, и странник в отечество свое пришед; так же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако ж и аз худый недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних... А ныне, господа отцы и братья, оже ся (если) где описал, или переписал, или не дописал, чтите (читайте), исправляя бога де́ля (ради бога), а не кляните, зане́же (так как) книги ветшаны, а ум молод, не дошел».

Древнейший дошедший до нас русский летописный свод называется «Повестью временных лет». Он доводит свое изложение до второго десятилетия XII века, но до нас он дошел лишь в списках XIV и последующих веков. Составление «Повести временных лет» относится к XI—началу XII веков, к тому времени, когда Древнерусское государство с центром в Киеве было относительно едино. Вот почему у авторов «Повести» был такой широкий охват событий. Их интересовали вопросы, представлявшие значение для всей Руси в целом. Они остро сознавали единство всех русских областей.

В конце XI века благодаря экономическому развитию русских областей происходит их обособление в самостоятельные княжества. У каждого княжества появляются свои политические и экономические интересы. Они начинают соперничать с Киевом. Каждый стольный город стремится подражать «матери городов русских». Достижения искусства, зодчества и литературы Киева оказываются образцом для областных центров. Культура Киева, распространяясь на все области Руси XII столетия, попадает на подготовленную почву: в каждой области были до того свои самобытные традиции, свои художественные навыки и вкусы, уходившие в глубокую языческую древность и тесно связанные с народными представлениями, привязанностями, обычаями.

Из соприкосновения несколько аристократической культуры Киева с народной культурой каждой области выросло многообразное древнерусское искусство, единое и благодаря славянской общности, и благодаря общему образцу — Киеву, но везде разное, самобытное, непохожее на соседа.

В связи с обособлением русских княжеств ширится и летописание. Оно развивается в таких центрах, где до XII века велись разве что разрозненные записи, например в Чернигове, Переяславле Русском (ныне Переяслав-Хмельницкий), в Ростове, Владимире-на-Клязьме, в Рязани и в других городах. Каждый политический центр чувствовал теперь острую необходимость иметь свое летописание. Летопись стала необходимым элементом культуры. Нельзя было жить без своего собора, без своего монастыря. Точно так же нельзя было жить без своей летописи.

Обособление земель сказалось на характере летописания. Летопись становится уже по охвату событий, по кругозору

[illegible] Она замыкается рамками своего [illegible]. Но и в этот период феодальной раздробленности сохранялось общерусское единство. В Киеве интересовались событиями, которые происходили в Новгороде. Новгородцы присматривались к тому, что делается во Владимире и Ростове. Владимирцев волновала судьба Переяславля Русского. И конечно, все области обращались к Киеву.

Этим объясняется, что в Ипатьевской летописи, то есть в южнорусском своде, мы читаем о событиях, имевших место в Новгороде, во Владимире, в Рязани и т. д. В северо-восточном своде — в Лаврентьевской летописи рассказывается о том, что происходило в Киеве, Переяславле Русском, Чернигове, Новгороде-Северском и в других княжествах.

Больше других замкнулись в узких пределах своей земли Новгородская и Галицко-Волынская летописи, но и там мы найдем известия о событиях общерусских.

Областные летописцы, составляя свои своды, начинали их с «Повести временных лет», где рассказывалось о «начале» Русской земли и, следовательно, о начале каждого областного центра. «Повесть временных лет» поддерживала у наших историков сознание общерусского единства.

Наиболее красочной, художественной по изложению была в XII веке Киевская летопись, вошедшая в Ипатьевский список. Она вела последовательное изложение событий от 1118 до 1200 года. Этому изложению была предпослана «Повесть временных лет».

Киевская летопись — летопись княжеская. В ней много повестей, в которых главным действующим лицом был тот или другой князь.

Перед нами проходят рассказы о княжеских преступлениях, о нарушении клятв, о разорении владений враждующих князей, об отчаянии жителей, о гибели огромных художественных и культурных ценностей. Читая Киевскую летопись, мы словно слышим звуки труб и бубнов, треск ломающихся копий, видим облака пыли, скрывающие и всадников и пеших. Но общий смысл всех этих полных движения, запутанных рассказов глубоко гуманный. Летописец настойчиво восхваляет тех князей, которые «не любят кровопролития» и в то же время исполнены доблести, желания «пострадать» за Русскую землю, «всем сердцем желают ей

…ра». Таким образом создается летописный идеал князя, который отвечал народным идеалам.

С другой стороны, в Киевской летописи звучит гневное осуждение нарушителей порядка, клятвопреступников, князей, которые начинают напрасные кровопролития.

Летописец вовлекает нас в свой рассказ, и события восьмивековой древности оживают, кажутся современными, у нас появляются свои симпатии и антипатии, мы радуемся и негодуем вместе с летописцем.

Летописание в Новгороде Великом началось еще в XI веке, но окончательно оформилось в XII веке. Первоначально оно, как и в Киеве, было летописанием княжеским. Особенно много сделал для Новгородской летописи сын Владимира Мономаха Мстислав Великий (см. стр. 24 и 134). После него летопись велась при дворе Всеволода Мстиславича. Но Всеволода новгородцы изгнали в 1136 году, и в Новгороде установилась вечевая боярская республика (см. стр. 24 и 135). Летописание перешло ко двору новгородского владыки, то есть архиепископа. Оно велось при соборе святой Софии и в некоторых городских церквах. Но от этого оно отнюдь не стало церковным.

Новгородская летопись всеми корнями уходит в народную толщу. Она грубовата, образна, пересыпана пословицами и сохранила даже в написании характерное «цóканне».

Большая часть повествования ведется в форме кратких диалóгов, в которых нет ни одного лишнего слова. Вот небольшой рассказ о споре князя Святослава Всеволодовича, сына Всеволода Большое Гнездо, с новгородцами из-за того, что князь хотел сместить неугодного ему новгородского посадника Твердислава. Спор этот происходил на вечевой площади в Новгороде в 1218 году.

«Князь же Святослав прислал своего ты́сяцкого на вече, рече́ (говоря): «Не могу быть с Твердиславом и отнимаю от него посадничество». Рекóша же новгородцы: «Е (есть) ли вина его?» Он же рече: «Без вины». Рече Твердислав: «Тому есмь рад, оже (что) вины моей нету; а вы, братья, в посадничестве и в князех» (то есть новгородцы вправе давать и снимать посадничество, приглашать и выгонять князей). Новгородцы же отвеща́ша: «Княже, оже нету вины его, ты к нам крест целовал без вины мужа не лишити (не снимать

[illegible]); а тебе ся кланяем (кланяемся). а [illegible] [illegible]; а в то ся не вдадим» (а на то мы не пойдем). И бысть мир».

Вот так кратко и твердо отстояли новгородцы своего [illegible]. Формула «А тебе ся кланяем» не означала поклона с просьбой, а, напротив, кланяемся и говорим: иди прочь. Святослав это отлично понял.

Новгородский летописец описывает вечевые волнения, смены князей, постройки церквей. Его интересуют все мелочи жизни родного города: погода, недород, пожары, цены на хлеб и на репу. Даже о борьбе с немцами и шведами летописец-новгородец рассказывает деловито, кратко, без лишних слов, без каких-либо прикрас.

Новгородское летописание можно сопоставить с новгородской архитектурой, простой и суровой, и с живописью — сочной и яркой.

В XII веке возникает летописное дело и на северо-востоке — в Ростове и во Владимире. Эта летопись вошла в свод, переписанный Лаврентием. Она также открывается «Повестью временных лет», которая попала на северо-восток с юга, но не из Киева, а из Переяславля Русского — вотчины Юрия Долгорукого.

Владимирское летописание велось при дворе епископа при Успенском соборе, построенном Андреем Боголюбским (см. стр. 31—33, 146—148 и 236). Это наложило на него свой отпечаток. В нем много поучений, религиозных размышлений. Герои произносят длинные молитвы, но редко ведут друг с другом живые и краткие разговоры, которых так много в Киевской и особенно в Новгородской летописи. Владимирская летопись суховата и в то же время многоречива.

Но во владимирском летописании сильнее чем где-либо прозвучала мысль о необходимости собирания Русской земли в одном центре. Для владимирского летописца этим центром, разумеется, был Владимир. И он настойчиво проводит мысль о главенстве города Владимира не только среди других городов края — Ростова и Суздаля, но и в системе русских княжеств в целом. Владимирскому князю Всеволоду Большое Гнездо присваивается впервые в истории Руси титул великого князя. Он становится первым среди прочих князей.

Летописец изображает владимирского князя не столько воином, сколько строителем, рачительным хозяином, строгим и справедливым судьей, добрым семьянином. Владимирское летописание становится все более торжественным, как торжественны владимирские соборы, но ему не хватает высокого художественного мастерства, которого достигли владимирские зодчие.

Под 1237 годом в Ипатьевской летописи киноварью горят слова: «Побоище Батыево». В других летописях также выделено: «Батыева рать».

После татарского нашествия летописание прекратилось в целом ряде городов. Однако, заглохнув в одном городе, оно подхватывалось в другом. Оно становится короче, беднее по форме и известиям, но не замирает.

Основная тема русских летописей XIII века — ужасы монголо-татарского нашествия и последующего ига. На фоне довольно скупых записей выделяется повесть об Александре Невском, написанная южнорусским летописцем в традициях киевского летописания (см. стр. 98).

Владимирская великокняжеская летопись переходит в Ростов — он меньше пострадал от разгрома. Здесь летопись велась при дворе епископа Кирилла и княгини Марии.

Княгиня Мария была дочерью убитого в Орде князя Михаила Черниговского (см. стр. 85) и вдовой погибшего в битве с татарами на реке Си́ти Василька́ Ростовского (см. стр. 79). Это была выдающаяся женщина. Она пользовалась огромным почетом и уважением в Ростове. Когда князь Александр Невский приезжал в Ростов, он кланялся «святе́и Богородице и епископу Кириллу и великой княгине» (то есть княгине Марии). Она же «чтила князя Александра с любовью». Мария присутствовала при последних минутах жизни брата Александра Невского — Дмитрия Ярославича, когда он, по обычаю того времени, постригался в чернецы́ и в схи́му. Смерть ее описана в летописи так, как обычно описывали кончину только выдающихся князей: «Того же лета (1271) бысть зна́мение в солнци, яко (будто) погибнути ему всему до обеда и па́кы (снова) наполнится. (Вы понимаете, речь идет о солнечном затмении.) Тое же зимы преставися благоверная, христолюбивая княгиня Василькова месяца декабря в 9 день, яко (когда) литурги́ю поют по всему городу.

[illegible] тихо и нетрудно, безмятежно. Слышавше же весь град Ростова преставление ее и стекошася вси в монастырь святого Спаса, епископ Игнатий и игумены, и попы, и клирицы, певше над нею обычные песнопения и похорониша ю (ее) у святого Спаса, в ее монастыре, с многими слезами».

Княгиня Мария продолжала дело отца и мужа. По ее указанию в Ростове было составлено житие Михаила Черниговского. Она построила в Ростове церковь «во имя его» и установила ему церковный праздник.

Летописание княгини Марии проникнуто идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость родины. В нем рассказывается о мученической смерти русских князей, стойких в борьбе с врагом. Таким выведен Василек Ростовский, Михаил Черниговский, рязанский князь Роман. После описания его лютой казни идет воззвание к русским князьям: «О возлюбленные князья русские, не прельщайтесь пустою и обманчивою славою света сего... возлюбите правду и долготерпение и чистоту». Роман ставится в пример русским князьям: мученичеством он приобрел себе царствие небесное вместе «со сродником своим Михаилом Черниговским».

В рязанском летописании времен татарского нашествия события рассматриваются под другим углом. В нем звучит обвинение князей в том, что они причина разорения Русской земли татарами. Обвинение прежде всего касается владимирского князя Юрия Всеволодовича, который не послушал мольбы рязанских князей, не пошел им на помощь. Ссылаясь на библейские пророчества, рязанский летописец пишет, что еще «прежде сих», то есть до татар, «отнял господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложил в нас за грехи наши». Летописец высказывает мысль, что Юрий «уготовал путь» татарам княжескими усобицами, Липецкой битвой (см. стр. 60), и теперь за эти грехи русские люди терпят казнь божию.

В конце XIII — начале XIV века развивается летописание в городах, которые, выдвинувшись в это время, начинают оспаривать друг у друга великое княжение.

Они продолжают мысль владимирского летописца о вер-

...жестве своего княжества в Русской земле. Такими городами были Нижний Новгород, Тверь и Москва. Их своды отличаются широтой. Они соединяют летописный материал разных областей и стремятся стать общерусскими.

Нижний Новгород стал стольным городом в первой четверти XIV века при великом князе Константине Васильевиче, который «честно и грозно боронил (оборонял) отчину свою от сильнее себя князей», то есть от князей московских. При его сыне, великом князе суздальско-нижегородском Дмитрии Константиновиче, в Нижнем Новгороде устанавливается вторая на Руси архиепископия. До этого только владыка новгородский имел сан архиепископа. Архиепископ подчинялся в церковном отношении непосредственно греческому, то есть византийскому, патриарху, тогда как епископы были подчинены митрополиту всея Руси, который в это время уже жил в Москве. Вы сами понимаете, насколько было важно с политической точки зрения для нижегородского князя, чтобы церковный пастырь его земли не зависел от Москвы. В связи с учреждением архиепископии была составлена летопись, которая называется Лаврентьевской. Лаврентий, инок Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде, составил ее для архиепископа Дионисия. Летопись Лаврентия уделила большое внимание основателю Нижнего Новгорода Юрию Всеволодовичу, владимирскому князю, погибшему в битве с татарами на реке Сити. Лаврентьевская летопись — бесценный вклад Нижнего Новгорода в русскую культуру. Благодаря Лаврентию мы имеем не только самый древний список «Повести временных лет», но и единственный список «Поучения Владимира Мономаха детям».

В Твери летопись велась с XIII по XV век и наиболее полно сохранилась в Тверском сборнике, Рогожском летописце и в Симеоновской летописи. Начало летописания ученые связывают с именем тверского епископа Симеона, при котором была построена «великая соборная церковь» Спаса в 1285 году. В 1305 году великий князь Михаил Ярославич Тверской положил начало великокняжескому летописанию в Твери.

В Тверской летописи много записей о постройках церквей, о пожарах и междоусобных бранях. Но в историю русской литературы Тверская летопись вошла благодаря ярким повестям об убиении тверских князей Михаила Ярославича и Александра Михайловича в Орде.

Тверской летописи мы обязаны и красочным рассказом о восстании в Твери против татар (см. стр. 110 и 202).

Изобразительное искусство Твери пока нам известно довольно мало. Памятники же архитектуры вовсе погибли и воссоздаются лишь на материале археологических раскопок. Поэтому совершенно особый интерес представляют для нас произведения литературы этого княжества, свидетельствующие о его высокой культуре.

Первоначальное летописание Москвы ведется при Успенском соборе, построенном в 1326 году митрополитом Петром, первым митрополитом, который стал жить в Москве. (До того митрополиты жили в Киеве, с 1301 года — во Владимире.) Записи московских летописцев были краткими и суховатыми. Они касались постройки и росписей церквей — в Москве в это время велось большое строительство. Они сообщали о пожарах, о болезнях, наконец, о семейных делах великих князей московских. Однако постепенно — это началось уже после Куликовской битвы — летописание Москвы выходит из узких рамок своего княжества.

По своему положению главы русской церкви митрополит интересовался делами всех русских областей. При его дворе собирались областные летописи в копиях или в подлинниках, летописи свозились из монастырей и соборов. На основании всего собранного материала в 1409 году в Москве был создан первый общерусский свод. В него вошли известия из летописей Великого Новгорода, Рязани, Смоленска, Твери, Суздаля и других городов. Он осветил историю всего русского народа еще до объединения всех русских земель вокруг Москвы. Свод послужил идейной подготовкой для этого объединения.

Можно было бы еще многое рассказать об истории русского летописания, но, повторяя слова летописца, скажем: «за умножение словес и не писано оставим».

Т. Михельсон

1

СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА[1]

В лето 1125 преставился благоверный князь Владимир Мономáх, братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец[2] за Русскую землю. Он просветил ее, как солнце, испускающее лучи. Слух о нем прошел по всем странам, и все боялись его, более же всего был он страшен поганым[3].

Тело его положили в святой Софии возле отца его Всево-

---

[1] Пояснения к рассказам см. в конце книги, стр. 131—216.

[2] Страдалец — труженик, от слова «страда» — труд.

[3] Погаными (от латинского слова paganus — «язычник») в Древней Руси называли язычников и вообще всех нехристиан; в данном случае погаными названы половцы.

лода[1] и пели над ним обычные песнопения. Весь народ и все люди плакали по нему, как дети по отцу или по матери. Плакали и сыновья его Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Юрий и внуки его. И разошлись все люди с жалостью великой. Так же и сыновья его разошлись каждый в ту волость, которую дал ему отец.

МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ

В то же лето Мстислав, старший сын Владимира Мономаха, сел на столе в Киеве на месте отца своего. Это был Мстислав Великий. Он унаследовал пот[2] отца своего Владимира Мономаха Великого. Владимир сам стоял на Дону и много пота утер за землю Русскую, а Мстислав посылал своих мужей и загнал половцев за Дон, за Волгу и за Яик[3]. Так избавил бог Русскую землю от поганых.

После смерти Мстислава Ярополк, второй сын Мономаха, вошел в Киев.

ИЗГНАНИЕ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА[4] ИЗ НОВГОРОДА

Вълѣ ҂ЅХМД · 6644 · 1136

В лето 1136 новгородцы призвали псковичей и ладожан и порешили на вече изгнать князя своего Всеволода. И посадили его на епископ двор с женою и с детьми и с

---

[1] Собор св. Софии построен в Киеве при Ярославе Мудром. В нем были похоронены сам Ярослав, его сын Всеволод и Владимир Мономах.

[2] То есть труд.

[3] Яик — река Урал, впадающая в Каспийское море.

[4] Всеволод Мстиславич — сын Мстислава Великого. (Родословную русских князей см. на стр. 217—222.)

...дью. И стража стерегла его день и ночь с оружием по 30 мужей на день. И сидел он 2 месяца, и отпустили его из города. А вот вины его:

1. Не блюдет смердов.
2. «Зачем ты хотел сесть в Переяславле?»[1]
3. «Бежал с поля битвы прежде всех».

И не пустили его, пока другой князь не придет.

В то же лето пришел в Новгород князь Святослав Ольгович из Чернигова.

В лето 1137 7 марта бежал Константин-посадник ко Всеволоду и несколько других добрых мужей[2]. И дали посадничество в Новгороде Якýну Мирославичу.

Всеволод же пошел в Киев к стрыю своему Ярополку[3]. Тогда поехали к нему псковичи, били челом и взяли Всеволода княжить к себе. И когда приехал ко Пскову, священноиноки и священники и все множество народа встретили его с честью с крестами, пели ему многая лета и посадили его на столе.

Когда услышали новгородцы, что Всеволод во Пскове, то поднялся мятеж великий в Новгороде, так как не захотели люди Всеволода. А другие побежали к Всеволоду во Псков. Тогда новгородские люди разграбили дóмы их. Искали еще и то, кто из бояр был приятель Всеволоду, и брали с них до полторы тысячи гривен. Брали и с невиновных. И дали те деньги купцам снаряжаться на войну.

Потом Святослав Ольгович, собрав всю землю Новгородскую, привел брата своего и курян[4] с половцами и пошел на Псков прогонять Всеволода. И не покорились им псковичи,

---

[1] Переяславль (Южный, или Русский) — ныне Переяслав-Хмельницкий. (Здесь и далее см. карты на стр. 168, 205.)

[2] Добрые мужи — бояре.

[3] Стрый — дядя со стороны отца. Ярополк — сын Владимира Мономаха.

[4] Куряне — жители Курска.

не выгнали от себя князя, но стали остерегаться, устроили засеки [1].

Подумав на пути, князь Святослав Ольгович и все люди повернули назад, сказав:

— Не будем проливать крови со своею братьею. Может быть, бог уладит своим промыслом.

Тогда же преставился князь Всеволод Мстиславич во Пскове и положен был в церкви святой Троицы, которую сам создал [2].

КНЯЖЕСКИЕ РАСПРИ

В лето 1139 Всеволод Ольгович [3] привел половцев к Прилу́ку, взял и иные города, захватил Посу́лье [4]. Ярополк же собрался против него с братьями своими и с сыновца́ми [5], с суздальцами и ростовцами, с полочанами и со смольнянами. И у́горский король [6] послал ему помощь. Собрав много воинов, Ярополк пошел к Чернигову.

Всеволод же, узнав, что у Ярополка много воинов, испугался. А люди черниговские возопили к Всеволоду:

— Ты надеешься бежать к половцам, а волость свою не боишься погубить? На что ты вернешься? Лучше оставь

---

[1] Засеки — оборонительные линии. Валили деревья и делали их непроезжим.

[2] Церковь св. Троицы стояла в Пскове в Дети́нце (в Кремле) на том месте, где и теперь стоит Троицкий собор, построенный уже в XVII в.

[3] Всеволод Ольгович — старший сын Олега Святославича черниговского князя; он приходился двоюродным братом сыновьям Владимира Мономаха.

[4] Прилука — город на реке Удай (бассейн Днепра) в современной Черниговской области. Посулье — земли по реке Суле, притоке Днепра.

[5] Ярополк — сын Владимира Мономаха. Сыновец — племянник со стороны брата.

[6] Угорский король — венгерский король Бела Слепец (1131—1141).

высокоумие свое и проси мира. Мы знаем милосердие Ярополка, он не радуется кровопролитию, но ради бога захочет мира, ибо он блюдет землю Русскую.

Всеволод, слышав это, согласился и начал посылать послов с мольбою к Ярополку, прося мира. Ярополк же был благ и милостив нравом и, рассудив все, не захотел сотворить кровопролитие, но заключил мир.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ ЮРИЕМ ДОЛГОРУКИМ

В лето 1152 Георгий[1] князь в Суздале был, и отверз ему бог разумные очи на церковное здание[2], и многие церкви поставил он в Суздальской земле. И церковь поставил каменную на Нерли́ святых мучеников Бориса и Глеба, и святого Спаса в Суздале, и святого Георгия во Владимире каменную же. И Переяславль-город перевел от Кле́щина[3] и заложил великий град и церковь каменную в нем святого Спаса и наполнил ее книгами и мощами святых дивно, и Юрьев-град заложил и в нем церковь каменную святого мученика Георгия.

БОРЬБА ИЗЯСЛАВА МСТИСЛАВИЧА[4] С ЮРИЕМ ДОЛГОРУКИМ ЗА КИЕВ

В лето 1150 Изяслав сел в Киеве на столе деда своего и отца своего с честию великой.

---

[1] Георгий (Гюргий, Юрий) — варианты одного и того же имени) — Юрий Долгорукий, сын Владимира Мономаха.

[2] Здание — созидание, строительство.

[3] Клещино, или Плеще́ево,— озеро, на котором стоит Переяславль-Залесский.

[4] Изяслав Мстиславич — сын Мстислава Великого.

В лето 1151 Юрий пошел к Киеву, и много диких половцев пришло ему на помощь.

Изяслав же не давал Юрию перейти Днепр. И начали они биться в насáдах[1] по Днепру от Киева и до устья Десны. Одни из Киева в насадах выезжали биться, а другие из станов крепко сражались. Юрий же не мог ничего успеть против Киева, так как Изяслав дивно исхитрил ладьи. Гребцов в них не было видно, виднелись только весла, ибо ладьи были покрыты досками. Бойцы стояли наверху в броне и стреляли, а кормчих было двое — один на носу, а другой — на корме, куда хотели, туда и шли, не оборачивая ладей.

Юрий хотел вниз пойти к Вяти́чевскому броду, но не смел пустить ладьи мимо Киева, и пустил их в озеро Доло́бское[2] и оттуда волочил берегом в Золотчю, по Золотчи же вошел во Днепр. А половцы Юрьевы шли по лугу.

Изяслав же с дружиною своею и с киевлянами и с черными клобука́ми[3] пошел по этой стороне Днепра по горе, а ладьи его по Днепру пришли и стали на Вятичеве у Мирославского села. И, стоя там, сражались в насадах за брод, и не давал Изяслав Юрию перейти брод, нельзя было ни тем перейти на эту сторону, ни этим на ту.

Тогда Юрий сказал своим:

— Братья, стоим здесь и до чего достоимся. Как бы взять у них Зарубовский брод и перейти на ту сторону Днепра.

Это всем полюбилось.

Сын Юрия Андрей[4] и дикие половцы пришли к Зарубовскому броду. А на этой стороне был Шварн, боярин Изяслава, со сторо́жами[5]. Половцы увидели, что у Шварна мало

---

[1] Насад — лодка с поднятыми, надставленными бортами.

[2] Долобское озеро — озеро против Киева, за Днепром.

[3] Черные клобуки́ — разноплеменное тюркское население по реке Рось, находившееся на службе у русских князей. Они носили черные шапки, «клобуки».

[4] Андрей — будущий князь владимиро-суздальский Андрей Боголюбский.

[5] Сторожи — передовые отряды.

сторожей и пошли на них в брод на конях, в бронях, прикрываясь щитами, с копьями в руках, готовые биться. И покрылся Днепр множеством воинов, а Русь переехала в ладьях. Шварн же, увидев это, побежал к Изяславу. Брод не был тверд, ибо не было там князя, а боярина не все слушаются.

Изяслав Мстиславич, дружина его, и черные клобуки, и киевляне решили не ходить против Юрия, но подпустить его к себе и тогда уже биться с ним. И сказал Изяслав:

— Да поможет нам бог, а уж мы их отобьем: ведь они не крылаты, а перелетевши Днепр, сядут где-нибудь, если повернут от нас, то тогда, как нам бог даст с ними.

Поклонившись святой Богородице Деся́тинной [1] и святой Софии, Изяслав выступил из города. Киевляне же сказали ему:

— Пусть пойдут все, кто может хотя бы палку в руки взять. А кто не пойдет, выдай тех нам, мы их сами побьем.

И так пошли, не отставая друг от друга, но все с радостью за своим князем, и на конях и пешие. Их было многое множество.

Наутро в пятницу, когда зори начали заниматься, в полках у Юрия ударили в бубны и затрубили в трубы, и полки начали готовиться. Так же и у Изяслава начали бить в бубны и в трубы трубить, и полки стали облачаться в доспехи.

Андрей Юрьевич начал выстраивать полк отца своего, ибо был тогда старшим среди братьев. Увидев, что половцы стоят позади, он погнал коня к ним и укрепил их на брань [2], а потом въехал в полк свой и укрепил дружину свою.

Изяслав же въехал в свой полк и послал по всем полкам сказать:

— Смотрите на мой полк, как он пойдет, так и вы идите.

---

[1] Богородица Десятинная — церковь, построенная при князе Владимире Святославиче в 989 году, сразу после принятия христианства. Владимир отдал ей десятую часть доходов.

[2] Брань — битва.

И так пошли полки.

Андрей же Юрьевич взял копье и поехал вперед. Он прежде всех вступил в бой и изломил копье свое. Тогда был ранен конь его в ноздри и начал опускаться под ним, и шлем упал с Андрея, и щит на нем был оторван, но он остался невредим.

Изяслав также впереди всех полков один въехал в полки ра́тных[1] и сломал свое копье. В это время ему рассекли руку саблей, а копьем прободили бедро. И он слетел с коня.

Была сеча крепка. Бог же и святая Богородица и сила честна́го животворящего креста помогли Изяславу, и победил он Юрия. Юрьевы половцы, не пустив ни одной стрелы, побежали, а потом Ольговичи, а затем побежал и Юрий с детьми. Когда они бежали через реку Рут, много дружины потонуло, а иных убили, других в плен взяли.

Изяслав же лежал на поле ранен. Когда он приподнялся, пешие киевляне, не узнав его и думая, что это ратный, решили убить его.

Изяслав же сказал:

— Я князь.

Тогда один из них ответил:

— А, так тебя-то нам и надобно,— и, вынув меч свой, начал сечь по шлему.

Был же на шлеме над челом золотой Пантеле́ймон[2]. Киевлянин ударил по шлему мечом и пробил шлем до лба. Изяслав же сказал:

— Я Изяслав, князь ваш,— и снял с себя шлем.

Тут узнали его киевляне, и, услышав его слова, многие подняли его на руки свои с радостью как царя и князя своего и воскликнули: «Ки́рие элє́йсон!»[3] Все полки радовались, что полки ратные побеждены, а князь их жив.

---

[1] Ратный — вражеский воин.

[2] На передней части княжеского шлема было принято изображать святого — покровителя князя.

[3] «Господи помилуй!» (по-гречески).

СМЕРТЬ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

В лето 1155 Юрий вошел в Киев. Ему навстречу вышло множество народа, и сел он на столе отцов своих и дедов, и приняла его с радостью вся земля Русская.

Тогда же он роздал волости детям: Андрея посадил в Вышгороде, а Бориса — в Турове, Глеба — в Переяславле.

В лето 1157 Юрий пировал у осмя́ника[1] у Петрилы. В тот день на ночь разболелся и, проболев пять дней, преставился месяца мая 15 в среду на ночь. Наутро его похоронили в монастыре святого Спаса[2]. И много зла сотворилось в тот день. Разграбили двор его Красный и другой двор его за Днепром, который он сам назвал Раем. И Васильков двор, сына его, разграбили в городе и избивали суздальцев по городам и по селам и добро их грабили.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

В лето 1155 Андрей Юрьевич ушел от отца своего из Вышгорода в Суздаль против отцовской воли. Он взял из Вышгорода икону святой Богородицы, которую привезли вместе с Пирого́щею из Цареграда на одном корабле[3]. Он оковал ее более чем тридцатью гривнами золота, не считая

---

[1] Осмяник — заведовал сбором торговых пошлин, обладал судебно-административными полномочиями, участвовал в княжеско-церковном суде.

[2] Юрий Долгорукий похоронен в храме Спаса на Бере́стове, возле Печерского монастыря, под Киевом.

[3] Речь идет о знаменитой иконе, получившей несколько позже название Владимирской Богоматери. Икона Пирогощая не сохранилась. В древнем Киеве она высоко почиталась.

серебра и дорогих каменьев и крупного жемчуга, и, украсив, поставил ее в своей церкви святой Богородицы во Владимире [1].

В лето 1157 сдумали ростовцы, и суздальцы, и владимирцы и взяли Андрея, старшего сына Юрия, и посадили его на отцовском столе в Ростове, и Суздале, и Владимире, ибо был он любим всеми за премногую свою добродетель.

По смерти отца своего он великую память себе сотворил: церкви украсил, и монастыри поставил, и закончил церковь каменную святого Спаса, которую прежде него заложил его отец [2]. Сам князь Андрей заложил церковь каменную святой Богородицы и дал ей много имения, и купленные слободы с данями, и села лучшие, и десятину со стад своих, и торг десятый [3]. И установил в ней епископью. И город Владимир больший заложил. К нему построил ворота золотые, а другие серебром обил.

В лето 1161 закончена была церковь каменная святой Богородицы во Владимире благоверным и боголюбивым князем Андреем. И украсил ее дивно многоразличными иконами, и дорогим каменьем без числа, и сосудами церковными. И верх ее позолотил. По вере его и по достоянию к святой Богородице бог привел ему мастеров изо всех земель. И украсил ее больше всех церквей.

Создал князь Андрей себе город каменный, именем Боголюбов, так же далеко от Владимира, как Вышгород от Киева [4]. Этот благоверный и христолюбивый князь Андрей, как палату красную, душу украсив всеми добрыми нравами, уподобился царю Соломóну, поставившему храм госпо-

---

[1] Имеется в виду Успенский собор во Владимире (см. стр. 236).

[2] Церковь Спаса построена в 1164 году недалеко от Золотых ворот.

[3] То есть десятую часть доходов от торговых пошлин.

[4] Вышгород находится в 10 километрах от Киева, Боголюбов — в 10 километрах от Владимира.

день[1]. Князь же Андрей поставил церковь преславную Рождества Богородицы каменную посреди города Боголюбова и украсил ее больше всех церквей. Сотворил он ее в память себе и украсил ее иконами многоценными, и золотом, и каменьями дорогими, и жемчугом великим и бесценным. И всяким узброчьем[2] украсил ее и светлостью. Так что дивились все приходящие, и все, видевшие ее, не могут словами высказать изрядную красоту ее. С низу и до верха по стенам и по столпам кованое золото, и двери и ободверье золотом же оковано, и сень золотом украшена от верха и до де́исуса[3], и всею добродетелью церковною исполнена и измечтана всею хитростью.

ПОХОД МСТИСЛАВА ИЗЯСЛАВИЧА НА ПОЛОВЦЕВ

В лето 1169 Владимир Мстиславич, Рюрик и Давыд Ростиславичи послали за Мстиславом Изяславичем[4]. Киевляне с черными клобуками от себя послали за ним. И пошел Мстислав в Киев на стол отца и деда своего.

В лето 1170 вложил бог в сердце Мстиславу Изяславичу мысль благую о Русской земле, ибо хотел ей добра всем сердцем, и созвал он братию свою и начал думать с ними, сказав им так:

— Братья, пожалейте о Русской земле и о своей о́тчине

---

[1] Соломон — иудейский царь. В Библии подробно описывается построенный им храм в Иерусалиме.

[2] Узорочье — предметы роскоши и украшения.

[3] Деисус — изображение Христа на троне с Богоматерью и Иоанном Предтечей по сторонам.

[4] Владимир Мстиславич — брат Изяслава Мстиславича (см. стр. 27), врага Юрия Долгорукого. Рюрик и Давыд Ростиславичи — племянники Изяслава, сыновья Ростислава Мстиславича. Мстислав Изяславич — сын Изяслава Мстиславича.

и дедине. Половцы каждый год уводят христиан в свои вéжи[1], клянутся нам о мире и всегда нарушают клятву, а теперь уже отнимают у нас Греческий путь и Соляной и Залозный[2]. Хорошо было бы нам поискать пути отцов и дедов своих и своей чести.

И угодна была речь его всей братье и мужам их, и сказали ему братья:

— Бог тебе, брат, помоги, а нам дай бог за христиан и за Русскую землю головы свои сложить.

Соединились все полки и пошли из Киева. Шли девять дней. Была весть половцам от пленника от Гаврилки от Иславича, что идут на них князья русские, и побежали половцы, бросив жен своих и детей и повозки свои. Князья же русские, узнав об этом, быстро поехали за ними и взяли их вежи на Угле-реке, а самих настигли у Черного леса и, притиснув их к лесу, избили их, а иных руками взяли[3], а за иными многими гнались, избивая их, и такое множество взяли полóна, что всем русским воинам достались в изобилии и пленники, и пленницы, и дети их, и челядь, и скот, и кони. Христиан же, взятых в плен, отпустили на свободу. Князья, съехавшись, огляделн полки свои, все оказались у них здравы; из всех полков только разве двое было убитых.

ВЗЯТИЕ КИЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

В то время княжил в Суздале Андрей Юрьевич. Он не имел любви к Мстиславу Изяславичу, киевскому князю. В то же лето новгородцы прислали к Мстиславу, прося у него сына себе в князья. Он дал им Романа. И поднялась

---

[1] Вежи — кибитки кочевников и их станы.

[2] Соляной путь — днепровский; Залозный — путь от Среднего Поднепровья к устью Дона.

[3] Взять руками — взять в плен.

большая вражда всей братии к Мстиславу. И начали они сноситься речами против Мстислава и утвердились крестным целованием.

В ту же зиму послал Андрей сына своего Мстислава с полками своими из Суздаля на киевского князя на Мстислава на Изяславича с ростовцами и с владимирцами и с суздальцами, и иных князей 11 и воеводу Бориса Жидиславича. Глеб Юрьевич из Переяславля, Роман Ростиславич из Смоленска, Владимир Андреевич из Дорогобу́жа, Рюрик Ростиславич из Вручего, Давыд Ростиславич из Вышгорода и брат его Мстислав, Олег Святославич и Игорь, брат его, из Новгород-Северского, и Всеволод Юрьевич и Мстислав Андреевич, внук Юрия, все соединились в Вышгороде[1].

В лето 1171 все князья, неприятели Мстислава Изяславича, обступили город Киев. Мстислав затворился в Киеве и бился из города. И была брань крепкая 3 дня, и Мстислав стал изнемогать в городе. Берендеи и то́рки[2] изменили ему. Дружина же стала говорить:

— Что, княже, стоишь? Поезжай из города, нам их не перемочь.

И помог бог Мстиславу Андреевичу с братьею, и взяли они Киев. Мстислав же Изяславич бежал из Киева во Владимир Волынский.

---

[1] Против Мстислава Изяславича, князя киевского, выступили: его двоюродные братья, сыновья Ростислава Мстиславича,— Рюрик, Давыд и Мстислав Храбрый; Ольговичи, всегдашние враги Мстиславичей,— Олег и Игорь Святославичи (Игорь — герой «Слова о полку Игореве»); Юрьевичи — Глеб и Всеволод, братья Андрея Боголюбского. (Всеволод Юрьевич — знаменитый впоследствии князь владимиро-суздальский, прозванный Большое Гнездо.) Владимир Андреевич Дорогобужский — внук Владимира Мономаха, двоюродный брат Андрея Боголюбского и его братьев Глеба и Всеволода. Возглавлял поход Мстислав, внук Юрия, сын Андрея Боголюбского.

[2] Берендеи и торки — кочевые племена, которые были на службе у русских князей.

Взят был Киев месяца марта 8, на второй неделе поста в среду, и 2 дня грабили весь город, Подол и Гору и монастыри, и Софию, и Десятинную Богородицу, и не было помилования никому ниоткуда. Церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен вели в плен, разлучая силою с мужьями, младенцы рыдали, смотря на матерей своих. Взяли множество богатства, церкви обнажили, сорвали в них иконы, и ризы, и колоколы, взяли книги, все вынесли смольняне, и суздальцы, и черниговцы. А половцы зажгли монастырь Печерский святой Богородицы, но бог молитвами святой Богородицы оберег его от такой беды.

И было в Киеве стенание, и ту́га[1], и скорбь неутешная, и слезы непрестанные. Все же это случилось из-за наших грехов.

Мстислав же Андреевич посадил стрыя своего Глеба Юрьевича в Киеве на столе, а сам пошел в Суздаль к отцу Андрею.

САМОВЛАСТИЕ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

В лето 1173 преставился благоверный князь Глеб, сын Юрьев, внук Владимира, в Киеве, прокняжив 2 года, и сел Владимир Мстиславич на столе киевском. Андрею же не любо было, что Владимир сидит в Киеве, и он послал к нему, веля идти из Киева, а Роману Ростиславичу велел идти из Смоленска в Киев.

В лето 1174 Владимиру Мстиславичу была болезнь крепка, ею же скончался. В то же лето прислал Андрей к Ростиславичам, говоря так:

— Вы нарекли меня отцом себе, и я хочу вам добра, потому даю Роману, брату вашему, Киев.

---

[1] Туга — печаль, скорбь; отсюда — глагол «тужить».

В то же лето начал Андрей винить Ростиславичей и прислал к ним ме́чника[1] Михна, говоря так:

— Выдайте мне Григория Хото́вича, и Степанца, и Алексу Святословца, ибо они уморили брата моего Глеба и враги всем нам.

Ростиславичи не послушались Андрея. Тогда Андрей, исполнившись высокоумия, возгордившись, надеясь на множество воинов своих, распалился гневом и опять послал мечника Михна:

— Поезжай к Ростиславичам и скажи им: не хо́дите в моей воле, так идите в Смоленск. А Мстиславу[2] скажи: от тебя-то все и сталось. Не велю тебе в Русской земле быть.

Мстислав же с юности привык никого не бояться, кроме бога единого. Он повелел схватить Михна, посла Андреева, и остричь ему перед собою голову и бороду. И сказал ему:

— Иди ко князю и скажи ему: «Мы тебя до сего времени почитали как отца, но если ты прислал ко мне с такими речами, не как к князю, но как к подручнику или простому человеку, то делай, что замыслил, а бог со всеми».

Когда Андрей услышал это от Михны, лицо его побледнело, и он взострился на рать. Он послал собирать воинов своих — ростовцев, суздальцев, владимирцев, переяславцев, белозерцев, муромцев, новгородцев и рязанцев. Он насчитал их 50 тысяч и послал с ними сына своего Юрия и воеводу Бориса Жидиславича, повелев им изгнать Рюрика и Давыда из отчины.

— А Мстислава схватите, но ничего ему не делайте, а приведите ко мне.

Андрей князь умен был во всех делах и доблестен, но погубил разум свой невоздержанием: распалившись гневом, произнес такие дерзкие слова. А перед богом гордость постыдна и мерзка. Но мы возвратимся к прежнему.

Ростиславичи не затворились в Киеве, но ушли в свои

[1] Мечник — воин, дружинник князя.

[2] Мстислав Ростиславич Храбрый.

города. Рюрик затворился в Белгороде, а Мстислав — в Вышгороде, а Давыд поехал в Галич [1].

Полки Андреевы пошли к Вышгороду, и было всех князей более двадцати. Первыми подошли младшие князья со своими полками. Увидев пришедшую рать, Мстислав Ростиславич выстроил полки свои и выехал из города против них. Обе стороны еще ждали боя, и выступили стрельцы их и начали перестреливаться между собою. Мстислав же, увидев, что стрельцы его смешались с ратными, устремился к ним. Ратные стояли на 3 полка — новгородцы и ростовцы, посредине же их Всеволод Юрьевич со своим полком. Мстислав сшибся с полками их и потоптал средний полк. А иные ратные, увидев то, окружили Мстислава, ибо был он с малой дружиной, и так смешались все. И был стон и крик раненых, и голоса незнаемы, и лом копий, и звук оружия. От густой пыли нельзя было распознать ни конного, ни пешего. И так бились крепко и разошлись. Много было раненых, мертвых же было немного.

А после того подошли все силы Андреевы и окружили Вышгород, и делали приступы каждый день. Мстислав выходил из города и бился крепко. И много было в его дружине ранено и убито добрых людей. И стояли около города 9 недель. После этого подошел Ярослав Луцкий [2] со всею своею Волынской землею, договорился о Киеве с Ростиславичами и пошел им на помощь. Узнав об этом, испугались ратные и, не дождавшись рассвета, в смятении великом побежали через Днепр. Много их потонуло. Увидев то, Мстислав выехал из города с дружиною своею, и гналась дружина его за ними, и ударила на обозы их, и захватила множество пленных. Мстислав же много пота утер с дружиною своею и немало мужества показал с мужами своими.

---

[1] Белгород и Вышгород — города, расположенные в 10 километрах от Киева. Галич — город на реке Днестре в Станиславской области.

[2] Луцк — город на реке Стыри в Волынской области.

Так возвратилась вся сила Андрея, князя суздальского. Собрал он все земли, и множеству воинов его не было числа. Пришли они с высокомыслием, а в до́мы свои отошли со смирением.

Ростиславичи же признали старшим Ярослава Изяславича Луцкого и дали ему Киев.

УБИЙСТВО АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Въ лѣт ҂ЅХПГ·6683·1175

В лето 1175 убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха.

Был у него слуга, возлюбленный им, Яким. Услышав от кого-то, будто князь велел казнить его брата, он побежал, дьяволом наученный, с криком к друзьям своим, злым советникам, как Иуда, стремясь угодить отцу своему сатане, и начал говорить:

— Сегодня его казнят, а завтра нас. Так промыслим о князе.

Окаянные уговорились убить князя в ту же ночь. Когда пришла ночь, они, схватив оружие, устремились к его спальне, словно звери свирепые. И когда они шли, охватил их страх и трепет. Они сбежали с сеней, сошли в меду́шу [1] и напились вина. Начальник же убийцам был Петр, Кучков зять [2], с ним были ключник Анба́л, яси́н [3], да Яким Кучко́вич, а всех неверных убийц было 20 человек. Они собирались в тот день на окаянный совет у Петра, у Кучкова зятя.

Напившись вина, они пошли опять на сени и пришли к

[1] Медуша — погреб для меда, хмельного напитка.

[2] Боярин Ку́чка, по преданию, владел селом Кучковом, на месте которого возникла Москва.

[3] Ясин — осетин.

спальне, где лежал князь Андрей. И сказал один, стоя у дверей:

— Господин, господин!

А князь спросил:

— Кто это?

Он же сказал:

— Прокопий.

Князь сказал на это:

— Нет, паробче, это не Прокопий.

Услышав слова князя, они начали бить в двери и силой выломали их. Князь вскочил, хотел взять меч, но в ножнах меча не было. Ключник Анбал еще днем вынул его. А меч был святого Бориса [1].

И ворвались двое окаянных в спальню и схватились с князем. И князь сбросил одного. Тут вбежали остальные. Они подумали, что упал князь, и ранили своего же друга. А потом они узнали князя и жестоко боролись с ним, так был он силен; они секли его мечами и саблями, наносили раны копьями. Он говорил им:

— Горе вам, нечестивые, вы уподобились Горясéру [2]. Какое зло я вам сделал? Если вы прольете мою кровь, то бог отомстит вам за мой хлеб.

Нечестивые же, думая, что Андрей убит, взяли раненого друга своего и, трепеща, ушли.

Князь же Андрей, оторопев, выскочил за ними и пошел под сени с громкими стонами. Они же, услышав его голос, возвратились. И сказал один из них:

— Я видел, как князь сходил с сеней вниз.

И сказали все:

— Ищите его.

Побежали посмотреть его в спальне и, увидев, что его там нет, сказали:

---

[1] Борис и Глеб — братья Святополка Окаянного, убитые по его приказу в 1015 году. Они были причислены к лику святых и считались покровителями русских князей и русского воинства.

[2] Горясер — дружинник Святополка Окаянного, убивший Глеба.

— Мы погибли. Скорее ищите его.

И зажгли свечи и нашли его по кровавому следу. Он сидел за столпом восхо́дним [1]. Тут окаянные бросились к нему. Петр же, Кучков зять, отсек ему руку правую. Так умер князь Андрей.

И наутро окаянные убили Прокопия, ми́лостника [2] Андрея, а затем пошли на сени и вынули золото, и каменья дорогие, и жемчуг, и всякое узорочье, и самое любимое добро княжеское, сложили все на коней милостниковых и увезли прочь еще до рассвета. А сами взяли себе любимое оружие князя и начали собирать себе дружину, говоря:

— Зачем ждать, пока на нас приедет дружина владимирская!

Собрав полк, они послали сказать владимирцам:

— Что вы замышляете на нас? Мы хотим покончить с вами. Не одни мы были в думе против князя, и от вас были в той же думе.

И сказали владимирцы:

— Кто с вами был в думе, тот пусть и остается с вами, а нам он не надобен.

И пришел Кузьмища Киянин и начал спрашивать:

— Где убитый господин?

И ответили:

— Лежит в огороде. Но не смей брать его. Кто возьмет его, тот наш враг и того убьем.

И стал плакать над ним Кузьмища.

— Господине мой, как не раскрыл ты скверных и нечестивых врагов своих, идущих к тебе, как не сумел победить их, ведь побеждал ты полки поганых бо́лгар [3].

---

[1] Столп восходний — каменный столп, вокруг которого вьется винтовая лестница.

[2] Милостник — приближенный, любимец, который получал от князя милости.

[3] Поганые болгары — волжские и камские болгары, исповедовавшие мусульманство (см. сноску на стр. 23).

И так плакался. И пришел Анбал, ключник, ясин родом. Тот ключник держал весь дом княжеский, и князь надо всеми волю ему дал. И сказал Кузьмища, взглянув на него:

— Анбал, сбрось ковер или что-либо, что постелить и чем прикрыть господина нашего.

И сказал Анбал:

— Иди прочь.

И сказал Кузьмища:

— О еретик. Помнишь ли, Иуда, в каких одеждах пришел сюда? Ты нынче в оксами́те[1] стоишь, а князь наг лежит, но молю тебя, сбрось мне что-либо.

И бросил Анбал ковер и ко́рзно[2].

Кузьмища, обернув тело князя, понес его в церковь и сказал:

— Отомкните мне божни́цу.

И ответили ему:

— Оставь его тут в притво́ре[3].

И сказал Кузьмища:

— Уже тебя, господина, слуги твои не знают. Бывало, гости приходили из Царьграда, и из иных стран, и из Русской земли, и из латинян, и от всех христиан, и от всех поганых, и князь вводил их в церковь на пола́ти[4], да видят истинное христианство и крестятся. И болгары, и евреи, и все язычники, видевшие славу божию и украшение церковное, и те больше плачут по тебе, а эти и в церковь не велят положить.

И так положил его в притворе у церкви и прикрыл его корзном. И лежал тут князь 2 дня и 2 ночи. На третий день пришел Арсений, игумен святого Козьмы и Демьяна, и сказал:

— Долго ли этому князю лежать здесь? Отомкните мне божницу, да отпою его.

---

[1] Оксамит — дорогая восточная ткань.

[2] Корзно — княжеский плащ.

[3] Притвор — помещение перед входом в церковь.

[4] Полати — хоры.

И пришли клирошáне боголюбские, и взяли его, и внесли его в божницу, и положили в гроб каменный, и отпели над ним погребальное пение с игуменом Арсением.

Горожане же боголюбские разграбили дом княжóй и мастеров, которые пришли строить здания. Они тащили золото и серебро, одежду и пáволоки [1] — добро, которому не было числа, и много зла сотворили в волости, ограбили домы посадников и тиунов, а самих их и дéтских [2] и мечников княжеских убили, не знали они, что сказано: «Где закон, там и обид много». Грабители же приходили и из сел. Грабили также и во Владимире. Тогда протопоп Богородичной церкви [3] Микýлица стал ходить в ризах по городу с иконой святой Богородицы, и грабеж утих.

На шестой день владимирцы сказали игумену Федуле и Луке, домéстику [4] святой Богородицы:

— Приготовьте носилки. Мы поедем в Боголюбово, привезем князя и господина своего Андрея.

А протопопу Микулице сказали:

— Пусть попы, облачившись в ризы, соберутся и выйдут перед Серебряные ворота с иконою святой Богородицы дожидаться там князя.

И сделали так. Игумен Федор с клирошанами и с владимирцами поехали за телом князя в Боголюбово. И, взяв тело его, привезли во Владимир с честию и с плачем великим. Когда люди у Серебряных ворот увидели, как двинулся стяг от Боголюбова, они не могли сдержаться и стали плакать, от слез не могли смотреть. Вопли их были далеко слышны, и начал весь народ причитать:

— Не в Киев ли ты поехал, господине, теми Золотыми воротами в ту церковь, которую ты послал делать на великом дворе на Ярославлем? Ты говорил: «Хочу создать цер-

[1] Паволока — драгоценная ткань.

[2] Детские — княжеские слуги.

[3] Богородичная церковь — Успенский собор во Владимире, построенный при Андрее. Протопоп — главный священник.

[4] Доместик — церковная должность.

ковь такую же, как ворота сии Золотые, да будет память всему отечеству моему».

И так плакался о нем весь город, и погребли тело его с честью и с пением в чудной, хвалы достойной церкви Богородицы Златоверхой, которую сам создал.

МСТИСЛАВ ХРАБРЫЙ[1] В НОВГОРОДЕ

В лето 1178 послали новгородцы мужей своих к Мстиславу к Ростиславичу, приглашая его в Великий Новгород. Он же не хотел идти из Русской земли и сказал им:

— Не могу идти из отчины своей и расстаться с братьями своими.

Он говорил так, ибо от всего сердца непрестанно хотел страдать за отчину свою, всегда стремился к великим делам, думал думу с мужами своими, желал преисполнить славою свое отечество.

Но братья его и мужи понудили его идти, говоря ему:

— Брат, раз зовут тебя с честию, то иди: разве там не наша отчина?

Он же послушал братьев своих и мужей своих и пошел с боярами новгородскими. А сам порешил в уме своем: «Если бог даст мне здоровья, то не забуду Русской земли».

Пришел Мстислав в Новгород, и встретили его с крестами епископ, и новгородцы, и игумены. Все вошли во святую Софию и поклонились святому Спасу и святой Богородице, и сел Мстислав на столе деда своего и отца своего со славою и с честию великой. Когда Мстислав сел в Новгороде Великом, вложил бог в сердце его мысль благую пойти на чудь[2]. Он созвал мужей новгородских и сказал им:

---

[1] Мстислав Ростиславич Смоленский, приказавший остричь бороду Михне, послу Андрея Боголюбского, и успешно воевавший с войсками Боголюбского под Вышгородом (см. стр. 36—39).

[2] Чудь — прибалтийские племена. Их язык был непонятен славянам и считался «чудным».

— Братья, нас обижают язычники. Надеясь на бога и на помощь святой Богородицы, отомстим за себя и освободим от них Новгородскую землю.

Была люба́ его речь всем новгородским мужам, и они ответили ему:

— Княже, если это любо богу и тебе, то мы готовы.

Мстислав собрал новгородских воинов, насчитал их 20 тысяч и пошел на Чудскую землю. Он повоевал и пожег их землю и, захватив челядь и скот, возвратился восвояси.

Всю зиму провел он в Новгороде. А весною, сдумав думу с мужами своими, пошел на Полоцк на зятя на своего на Всеслава. Ибо ходил дед Всеслава на Новгород и взял сосуды церковные и отобрал один новгородский погост. Мстислав же все это хотел вернуть Новгороду и отомстить за обиду.

И пришел он с новгородскими воинами на Лу́ки[1].

Услышав же то, Роман, брат его, прислал ему из Смоленска мужей своих сказать ему:

— Обид у тебя никаких с Всеславом нет. Но если идешь на него, то сперва иди на меня.

Мстислав же не хотел оскорбить своего старшего брата и возвратился в Новгород.

Тут обуяла его жестокая болезнь, оставляли силы, стал отниматься язык. Воззрев на дружину и на княгиню, жену свою, вздохнув из глубины сердца и прослезившись, начал он им говорить:

— Приказываю дитя свое Владимира Борису Захарьичу и отдаю его братьям Рюрику и Давыду вместе с волостью на руки, а обо мне бог промыслит.

И так преставился князь Мстислав, сын Ростислава, внук великого князя Мстислава[2], и погребли его с честью и

---

[1] Луки — ныне Великие Луки, город в Псковской области.
[2] Мстислав Великий (см. стр. 24).

благохвальным пением, с каждением благоуханным в той же гробнице в церкви святой Софии, где лежит Владимир[1], сын великого князя Ярослава Владимировича, и плакала о нем вся земля Новгородская, больше же всего плакали о нем лучшие мужи[2] новгородские и так говорили, плача:

— Больше не сможем мы, господине, поехать с тобою на иную землю и подчинить язычников Новгородской области. Ты часто говорил, господине наш, что хочешь идти во все стороны языческие. Лучше бы нам нынче, господине, умереть с тобою, давшим такую свободу новгородцам от язычников. Как и дед твой Мстислав, освободил ты нас от всех обид. Ты, господине, подражал деду своему и пошел по пути его. Нынче ж, господине, не сможем тебя увидеть, ибо солнце наше зашло, и в печали всех нас оставил.

Этот благоверный князь Мстислав, сын Ростислава, был роста среднего, лицом красив и всеми добродетелями украшен. Он всех любил, раздавал богатую милостыню, одаривал монастыри, угощал чернецов и игуменов, принимал у них благословение, и городские церкви одаривал, попов и весь святительский чин достойною честию чтил. Был он крепок на рати, всегда стремился умереть за Русскую землю и за христиан. Когда он знал, что христиане взяты в плен погаными, то так говорил своей дружине: «Братья, не сомневайтесь: если мы ныне умрем за христиан, то очистимся от грехов наших. Если бог даст нам милость свою и мы останемся живы, то слава богу. Если же мы умрем — то все равно, надобно же когда-нибудь умирать». И говоря так, он вселял дерзость в своих воинов и бился от всего сердца за отчину свою. Любил он дружину, и имения не щадил на нее. И не собирал ни золота, ни серебра, но раздавал все дружине своей или церквам на помин души.

---

[1] Владимир, сын Ярослава Мудрого, после похода на Царьград (1143) построил храм св. Софии в Новгороде, который стоит и теперь.

[2] **Лучшие мужи** — наиболее знатные и богатые.

Он присоединился к отцам своим и дедам своим, отдав общий долг, которого не избежать никому рожденному. И не было такой земли на Руси, которая не хотела бы его иметь у себя или не любила бы его. И плакала о нем вся Русская земля, не в силах забыть доблести его, а черные клобуки не могут забыть приголубления его.

СКАЗАНИЕ О ТРАВЕ ЕМШАН[1]

Мономах погубил поганых измаильтя́н, называемых половцами, изгнал хана их Отро́ка во Обе́зы[2] за Железные врата. Сырча́н же хан остался у Дона, рыбою оживши. Тогда Владимир Мономах пил золотым шеломом Дон и захватил землю их всю и загнал окаянных агаря́н.

По смерти же Владимира у Сырчана остался гуде́ц[3] Орь. И послал его Сырчан во Обезы к хану Отроку, говоря:

— Скажи Отроку: Владимир умер, воротись, брат, пойди в землю свою. Молви ему мои слова, пой ему песни половецкие. Если же не захочет тебя слушать, дай ему понюхать зелье[4], именем емшан.

Отрок же не захотел вернуться, ни песен слушать. И дал ему Орь зелье. Тот же понюхал и, заплакав, сказал:

— Лучше на своей земле костьми лечь, нежели на чужой славну быть.

И пришел во свою землю.

От него родился Конча́к, который вычерпал Сулу́, пеш ходя, котел нося на плечах.

---

[1] Емша́н — полынь.

[2] Восточные народы в средние века считались потомками библейского Измаила, сына Авраа́ма и его рабыни Ага́ри, и назывались поэтому измаильтяне, или агаряне. Отрок — половецкий хан Атра́к. Обезы — Абхазия.

[3] Гудец — певец, аккомпанировавший себе на смычковом инструменте — гудке.

[4] Траву.

ПОХОД СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА КИЕВСКОГО НА ПОЛОВЦЕВ

В лето 1183 бог вложил в сердце Святославу Всеволодовичу, князю киевскому, и великому князю Рюрику Ростиславичу пойти на половцев. Они послали за окольными князьями и соединились с ними, и победили половцев. И князя их Кобя́ка взяли с двумя сыновьями и иных без числа. И возвратились восвояси со славою и с честию великою.

В лето 1184 пошел окаянный и безбожный и треклятый Кончак со множеством половцев на Русь, желая пленить города русские и пожечь их огнем. Ибо нашел он мужа такого — басурманина, который стрелял живым огнем. Были у половцев и луки тугие самострельные, едва 50 человек могли натянуть их. Пришел Кончак и стал на реке Хоро́л [1]. Святослав же Всеволодович и Рюрик Ростиславич со всеми своими полками, не стерпев, пошли против них и обратили Кончака в бегство. Взяли в плен того басурманина, что стрелял живым огнем, и привели к Святославу с его снаряжением, прочих же воинов их избили, а коней и оружие многое множество забрали.

ПОХОД ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО НА ПОЛОВЦЕВ

Въ лѣто ҂ЅХЧГ· 6693·1185

В лето 1185 Игорь Святославич, внук Олегов, поехал из Новгорода-Северского месяца апреля в 23 день, в поход против половцев. Он взял с собою брата Всеволода из

---

[1] Хорол впадает в реку Псёл, приток Днепра.

Трубчéвска [1], Святослава Ольговича, сыновцá своего, из Рыльска [2] и Владимира, сына своего, из Путивля. А у Ярослава испросил в помощь Ольстина Алексича, Прохорова внука с ковýями [3]. И так, собирая дружину свою, медленно шли северские князья, ибо у них кони были очень тучны. Они шли к реке Донцу в час вечерний. Игорь же взглянул на небо и увидел, что солнце стоит словно месяц. И сказал он боярам своим и дружине своей:

— Смотрите, что это за знáмение?

Они же, взглянув, поникли головами и сказали:

— Княже, это знамение не к добру.

Игорь же ответил:

— Братья и дружина! Тайн божьих никто не ведает. Бог — творец и знамениям и всему миру своему. Мы же после увидим, что нам бог даст — добро или зло.

И сказав так, Игорь переправился через Донец и пришел к Оскóлу [4]. Там он ждал два дня брата своего Всеволода, ибо тот шел иным путем из Курска. Из Оскола все пошли дальше, и тут к ним приехали сторóжи, которых посылали ловить языка. Они сказали:

— Мы видели, что ратные ратники ездят в поле наготове. Или поезжайте быстро вперед, или возвращайтесь домой, ибо не наше нынче время.

Игорь же сказал:

— Если мы вернемся не бившись, то позор нам будет пуще смерти, так положимся на волю божью.

Порешили на этом и поехали на всю ночь. На другой день в пятницу утром русские встретили полки половецкие. Они собрались от мала до велика и стояли на другой сторо-

---

[1] Трубчевск — город на реке Десне, между Брянском и Новгород-Северским в нынешней Брянской области.

[2] Рыльск — город на реке Сейме, в нынешней Курской области.

[3] Ковуи — степные народы, служившие у русских князей.

[4] Оскол (ныне Старый Оскол) — город на реке Осколе в нынешней Белгородской области.

не реки Сюурлий[1]. Русские князья изрядили 6 полков. Игорев полк посредине, по правую руку полк брата его Всеволода, а по левую — Святослава, сыновца́ его. Спереди стоял сын Владимир и ковуи с Ольстином. И третий полк спереди же стоял, то были стрельцы от всех князей. И так выстроив полки свои, сказал Игорь братьям своим:

— Братья, этого мы сами искали. Сразимся же с ними.

И так пошли на них. И подошли к реке к Сюурлию. И выехали из половецких полков стрельцы и пустили по стреле на русь и ускакали. Поскакали прочь и те силы половецкие, которые далеко стояли за рекой. Святослав же Ольгович и Владимир Игоревич и Ольстин с ковуями погнались за ним. А Игорь и Всеволод шли медленно, не распуская полков своих. Половцы же пробежали вежи, и русские, дойдя до вежей, захватили богатый полон и вернулись ночью к полкам. Когда все собрались, Игорь сказал братьям и мужам своим:

— Это бог силою своею возложил на врагов наших поражение, а на нас честь и славу. Поедем нынче же ночью дальше.

Но Святослав Ольгович ответил дядьям своим:

— Я далеко гнался за половцами, и кони мои измучены. Если нынче опять ехать, то мне придется отстать по дороге.

Тогда решили ночевать на месте.

Когда стало светать, в субботу начали выступать полки половецкие, словно лес. Русские князья не знали, кому из них на какой полк ехать, ибо было бесчисленное множество врагов. И сказал Игорь:

— Мы собрали на себя всю их землю.

Решили сойти с коней и пешими пробиваться к Донцу. Игорь говорил:

---

[1] Где находилась река, точно неизвестно. Само слово «Суярлы» по-тюркски означает «место слияния рек».

— Если поедем на конях, то убежим сами, а черных людей оставим, и на нас будет грех за то, что, предав их, спаслись. Лучше или умрем, или живы будем все вместе.

Когда он так сказал, все сошли с коней и начали пробиваться. Тут ранили Игоря в левую руку, и была печаль велика в полку его. Ранили и воеводу, который шел впереди. И так бились крепко весь день до вечера, и много было раненых и мертвых в полках русских. И настала ночь субботняя, и продолжали биться.

В воскресенье на рассвете дрогнули ковуи и побежали. Игорь же был в то время на коне, ибо был ранен. Он поскакал к полку ковуев, сняв шлем, чтобы ковуи узнали в нем князя и вернулись. Но никто не вернулся. Когда Игорь приближался к полкам своим и был от них на расстоянии полета стрелы, ему наперерез поскакали половцы и схватили его. Находясь в руках врагов, Игорь увидел брата своего Всеволода, крепко бившегося с врагом, и стал просить у бога смерти, чтобы не видеть его гибели. Игорь после говорил об этом:

— Вспомнил я грехи свои перед богом, сколько убийств я сотворил в земле христианской, когда взял на щит[1] город Глебов у Переяславля. Сотворив все то зло, я недостоин жить. Нынче вижу отмщение бога. Где ныне возлюбленный мой брат? Где ныне сын брата моего? Где чадо мое? Где бояре думающие? Где мужи храборствующие? Где полки мои? Где кони и оружие многоценное? Всего этого бог лишил меня и связанного предал в руки беззаконных, воздав тем по беззаконию моему и по злобе моей. Нынче вижу, как другие умирают, зачем же я, виновный во всем, не принимаю смерти!

После боя половецкие полки разошлись каждый по своим вежам, уведя с собою Игоря, брата его Всеволода, сыновца его Святослава Ольговича и сына Владимира. Из всего множества русских людей, вышедших в поход с князем Иго-

[1] Взять на щит — завоевать.

рем, мало кто спасся. Никак нельзя было бежать, потому что словно крепкими стенами были они окружены половецкими полками. Наших русских ушло от половцев всего пятнадцать мужей, а ковуев еще меньше, другие же потонули в море.

В это время великий князь киевский Святослав Всеволодович шел в Кора́чев[1] и собирал воинов в верхних землях, желая идти на половцев к Дону на все лето. На обратном пути из Корачева у Новгорода-Северского он услышал, что братья его ушли на половцев тайком от него, и не любо это было ему. Когда Святослав пришел в ладьях к Чернигову, туда прибежал Беловоло́д Просович и поведал Святославу о том, что случилось от половцев. Святослав же вздохнул глубоко, утер слезы свои и сказал:

— О любезные мои братья и сыновья и мужи земли Русской, мне дал бог притомить поганых, а вы, не сдержав юности своей, отворили им ворота в Русскую землю. Прежде я имел сердце против Игоря, теперь же мне стало жаль его, брата моего.

После этого Святослав послал сыновей своих Олега и Владимира в Посе́мье[2]. Когда там услышали о поражении Игореве, поднялось смятение в городах посемских, и была скорбь и туга лютая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и по всей волости Черниговской: князья в плену, дружина в плену или разбита. Люди метались в отчаянии, словно в пучине, города волновались. И никому не было мило свое близкое, и многие хотели умереть, жалея князей своих.

Святослав послал к Давыду Смоленскому, говоря ему:

— Хотели мы пойти на половцев и лето провести на Дону. Ныне же половцы победили Игоря и брата его и сына. Приезжай, брат, постереги землю Русскую.

Давыд же пришел по Днепру, пришли и другие в помощь

---

[1] К о р а ч е в — го́род несколько восточнее Брянска.

[2] П о с е м ь е — земли по реке Сейму.

и стали у Трепóля[1]. А Ярослав стоял в Чернигове, собрав воинов своих.

Поганые же половцы, победив Игоря с братьею, возымели гордость великую и собрали весь народ свой на Русскую землю. И был у них спор. Кончак говорил:

— Пойдем на Киевскую сторону, где были избиты братья наши и великий князь наш Боня́к.

А Кза говорил:

— Пойдем на Сейм, где остались жены да дети. Нам готов там полон, уже собран. Возьмем города без страха.

И так разделились надвое. Кончак пошел к Переяславлю и обступил город и бился там весь день.

Владимир же Глебович был князем в Переяславле. Был он дерзок и крепок на рати. Выехал он из города и бросился на половцев. Но мало дружины дерзнуло с ним выехать. И крепко бился Владимир. Обступали его половцы и ранили тремя копьями. Тогда другие воины, увидев, как крепко бьется их князь, выехали из города и отняли князя своего. Этот добрый Владимир, тяжело раненный, въехал в город и утер мужественный пот свой за отчину свою.

Владимир же послал к Святославу в Киев и к Рюрику и к Давыду Ростиславичам и сказал им:

— Половцы у меня. Помогите мне.

Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смольнянами. Смольняне же созвали вече, говоря:

— Мы пошли к Киеву. Если бы встретили врага, то и бились бы. А другой рати искать не можем, мы уже изнемогли.

И возвратился Давыд со смольнянами к себе. Святослав же с Рюриком и с другими поплыл по Днепру против половцев. Услышав об этом, половцы отошли от Переяславля и взяли город Ри́мов[2] и ополонились полоном и пошли восвояси.

А другие половцы, хан Кза в силе тяжкой, шли к Путив-

[1] Треполь — город в устье Сту́гны, оборонявший Киев с юга.
[2] Римов — ныне город в Хмельницкой области.

лю и повоевали волости, и села пожгли и остро́г[1] у Путивля и возвратились восвояси.

Игорь же Святославич был в тот год в плену в земле половецкой. Половцы словно стыдились его воеводства и не делали ему зла. Они приставили к нему 20 сторожей, но давали ему волю: куда хотел, туда и ездил с ястребами на охоту[2]. И своих слуг с ним ездило 5 или 6, сторожа же слушались его, и честь ему оказывали, и делали, что он велел. И попа из Руси призвал себе.

Оказался же среди половцев муж родом половчанин, по имени Лавр, и пришла ему мысль благая, и сказал он:

— Пойду с тобою на Русь.

Игорь же сперва не верил ему, но имел мысль высокую. Он думал взять мужей и бежать на Русь с ними. Ибо он говорил:

— Я тогда ради славы не бежал от дружины и нынче не пойду бесславным путем.

С ним был сын тысяцкого и конюший его, и они понуждали Игоря, говоря:

— Беги, княже, в землю Русскую.

Как мы прежде говорили, половцы возвращались от Переяславля. И сказали Игорю ду́мцы[3] его:

— Мысль высокую и не угодную богу имеешь ты. Ты хочешь бежать с мужами, а не думаешь, что придут половцы. Слышали мы, что хотят они перебить всех князей, и не будет ни славы тебе, ни жизни.

Князь Игорь принял совет их и решил бежать. Но нельзя было ему бежать ни днем ни ночью, так как стерегли его сторожа. Решил он бежать на заходе солнца и послал к Лавру конюшего своего, сказав:

---

[1] **Острог** — внешние укрепления из кольев, служившие дополнительной защитой города и окружавшие бо́льшую территорию. Территория, окруженная частоколом, также называлась острогом.

[2] Охота с ястребами и соколами — любимая забава в Древней Руси.

[3] **Думцы** — советники князя, с которыми он думал, то есть совещался.

— Переезжай на ту сторону реки с конем.

В то время половцы напились кумыса, и поведал конюший князю своему, что ждет его Лавр. Игорь встал, полон ужаса и трепета, и поклонился образу божию и кресту честно́му и, надев на себя крест и икону, поднял полу половецкой вежи и вышел. Сторожа же его играли и веселились и думали, что князь спит. Он же подошел к реке и перешел вброд, и сел на коня, и поехал с Лавром через половецкие вежи. 11 дней шли они до города Донца и оттуда в свой Новгород-Северский. И обрадовались ему. Из Новгорода Игорь поехал к брату Ярославу в Чернигов, прося помощи на Посемье. Ярослав же обрадовался ему и помощь обещал. Игорь же оттуда поехал в Киев к великому князю Святославу, и рад был ему Святослав, и Рюрик, сват его.

ПОХВАЛА ВСЕВОЛОДУ БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Влѣто ѕѱк · 6720 · 1212

В лето 1212 преставился великий князь Всеволод, именованный во святом крещении Дмитрием [1], сын Юрия, благочестивого князя всея Руси, внук Владимира Мономаха, прокняжив в Суздальской земле 37 лет.

Много мужества и дерзости показал Всеволод на поле брани. Украшен был всеми добрыми нравами. Злых казнил, а добросмысленных миловал. Ведь князь не зря меч носит, но в месть злодеям и в похвалу творящим добро.

Суд судил он истинный и нелицемерный, не боясь лица сильных своих бояр, которые обижали меньших и закабаляли сирот и творили насилие.

---

[1] В XII веке люди, как правило, еще имели два имени: одно русское, языческое — Всеволод, Святослав, Изяслав и проч., другое — христианское, данное при крещении.

При имени Всеволода трепетали все страны, и по всей земле разошелся слух о нем. И всех зломышлявших на него отдал господь в руки его, чтобы не возносились и не величались, но возлагали на бога всю свою надежду. И бог покорял под ноги его всех врагов его.

Многие церкви создал Всеволод во время власти своей. Создал церковь прекрасную мученика Дмитрия на дворе своем и украсил ее дивно иконами и письмом [1]. И монастырь создал, а в нем церковь каменную Рождества святой Богородицы и ее также исполнил всем исполнением, и покрыта была оловом от верху до закома́р [2] и притво́ров. И то чуду подобно. И не искал Всеволод мастеров у немцев, но нашел мастеров среди клевре́тов святой Богородицы [3] и своих. Одни олово лили, другие кровлю крыли, иные известью белили.

И когда пришел конец временного сего и многомятежного жития, тихо и безмолвно он преставился и приложился к отцам и дедам своим. И плакали по нему сыновья его плачем великим, и все бояре и мужи, и вся земля власти его, и пел над ним обычные песнопения епископ Иван, и все игумены и черноризцы, и все попы града Владимира. И положили его в церкви святой Богородицы Златоверхой, которую создал и украсил брат его Андрей.

НОВГОРОДЦЫ И МСТИСЛАВ УДАЛОЙ [4]

В лето 1210 зимой пришел князь Мстислав Мстиславич в Торжок, а в Новгород послал со словами:

— Кланяйтесь святой Софии и гробу отца моего и всем

---

[1] Церковь Дмитрия стоит во Владимире рядом с Успенским собором. Письмо — настенная роспись.

[2] Закомары — полукруглые завершения стены. Ко́мары — своды.

[3] Клевреты святой Богородицы — люди, связанные с церковью Успения во Владимире.

[4] Мстислав Удалой — сын Мстислава Ростиславича Храброго (см. стр. 44).

новгородцам. Пришел я к вам, слышав о насилиях от князей, и жаль мне стало своей отчины.

Услышав это, новгородцы послали за ним с великой честью:

— Приходи, княже, на стол.

Пришел Мстислав в Новгород, и посадили его на столе отца, и рады были новгородцы.

В лето 1211 послал князь Мстислав посадника Дмитра Якуница на Луки с новгородцами города ставить, а сам пошел на Торжок охранять волости, из Торжка пошел в Тóропец, из Торопцá пошел на Луки и соединился с новгородцами.

В лето 1214 пошел князь Мстислав с новгородцами на чудь и прошел через Чудскую землю к морю. Села их пожег и укрепления их взял. И чудь поклонилась ему. И взял князь Мстислав с них дань и дал новгородцам две части дани, а третью часть своей дружине.

Того же лета прислали внуки Ростислава[1] в Новгород к Мстиславу Мстиславичу:

— Не дает нам Всеволод Святославич[2] части в Русской земле. Приходи, поищем своей отчины.

Мстислав же созвал вече на Ярославлем дворе и стал звать новгородцев к Киеву на Всеволода Святославича.

Отвечали ему новгородцы:

— Куда, княже, ты очами взглянешь, туда мы бросимся головами своими.

Князь Мстислав пошел с новгородцами к Киеву. И сказал Твердислав-посадник:

[1] **Внуки Ростислава** — братья и двоюродные братья Мстислава Удалого, княжили на юге Руси.

[2] **Всеволод Святославич** — сын Святослава Киевского, одного из героев «Слова о полку Игореве» (см. стр. 52).

— Братья, как страдали деды и отцы наши за Русскую землю, так и мы пойдем за своим князем.

И начали воевать по Днепру, и взяли на щит многие города черниговские. И пришли под Вышгород и стали биться, и одолел Мстислав с братьями и с новгородцами, а вышгородцы поклонились и отворили ворота. Всеволод же Святославич из Киева бежал за Днепр. И вошел Мстислав с братьями и с новгородцами в Киев, и поклонились ему киевляне, и посадил он в Киеве на стол Мстислава Романовича, внука Ростислава. И пришли в Новгород все здравые.

В лето 1215 Мстислав сотворил вече на Ярославлем дворе и сказал новгородцам:

— Есть у меня дела в Руси, а вы вольны в князьях.

И пошел Мстислав по своей воле в Киев.

Того же лета новгородцы, долго думав, послали посадника Юрия Иванковича и тысяцкого Якуна Намнежича и десять мужей старейших купцов по Ярослава[1] по Всеволодовича, по Юрьева внука.

И вошел князь Ярослав в Новгород.

В то же лето князь Ярослав схватил нескольких бояр новгородских и, оковав, отправил их в Тверь. И по грехам нашим оклеветали тысяцкого Якуна Намнежича. Князь Ярослав сотворил вече на Ярославлем дворе. И пошли новгородцы на двор Якуна и разграбили его и жену его схватили, а князь повелел схватить сына его Христофора. Тогда же жители Прусской улицы собрались и убили Овстрата и сына его и бросили тела их в ров. Князь же Ярослав рассердился за это на новгородцев и пошел на Торжок.

---

[1] *Ярослав* — сын Всеволода Большое Гнездо, отец Александра Невского, княжил в Переяславле-Залесском.

В ту осень много зла случилось: побил мороз урожай по волости, а на Торжке все было цело. Князь же Ярослав не велел пускать из Торжка ни воза хлеба в Новгород. А в Новгороде зло было большое: кадь ржи покупали по 10 гривен, а овса по 3 гривны, а воз репы по 2 гривны. Люди ели сосновую кору и липовый лист и мох. О, горе тогда было, братья. И сделали новую скудéльницу [1]. И наметали полную. По торгу лежали трупы, по улицам — трупы, по полю — трупы.

Новгородцы же послали оставшихся в живых к князю Ярославу с речью:

— Иди в свою отчину к святой Софии, а нейдешь, так скажи прямо.

Ярослав же послов не отпустил, а гостей новгородских схватил. И были в Новгороде печаль и вопль.

Тогда Мстислав Мстиславич Удалой, узнав то зло, въехал в Новгород месяца февраля в 11 день и схватил наместника Ярославля, а дружину его исковал. И въехал на Ярославль двор и целовал честнóй крест, а новгородцы ему целовали, что пойдут с ним на жизнь и на смерть.

Мстислав сказал:

— Либо защищу мужей новгородских и волости, либо голову сложу за Новгород.

Ярославу пришла весть в Торжок, что Мстислав в Новгороде, и сделал он засеки на путях от Новгорода и по реке Тверце, а в Новгород послал 100 мужей, чтобы спровадить Мстислава из Новгорода. Но не пошли на то новгородцы, и все были единодушны за Мстислава.

И послали князь Мстислав с новгородцами к Ярославу на Торжок попа Юрия от святого Иоанна-на-Торгóвище [2] и своих мужей со словами:

---

[1] Скудельница — общее, братское кладбище.

[2] Церковь св. Иоанна-на-Торговище, или Ивана-на-Опóках,— главный храм новгородского купечества.

— Сын, кланяюсь тебе. Мужей моих и гостей отпусти, а сам уходи с Торжка и возьми со мною любовь.

Князю же Ярославу то не понравилось, и он отпустил попа без мира, а новгородцев оковал и заточил в своих городах, а товары их роздал и коней. А было всех новгородцев более 2 тысяч.

И пришла о том весть в Новгород. Новгородцев было мало: лучших людей схватил Ярослав, а меньшие — одни разошлись, другие с голода померли.

Князь же Мстислав сотворил вече на Ярославлем дворе.

— Пойдем, — сказал он, — освободим своих мужей, вашу братью и свои волости. Да не будет новый торг Новгородом, ни Новгород Торжком, но где святая София, там и Новгород. И в силе бог и в мале бог и правда.

ЛИПЕЦКАЯ БИТВА

В лѣто ЅѰКД · 6724 · 1216

В лето 1216 марта в 1 день, во вторник, князь Мстислав Мстиславич пошел с новгородцами на зятя своего на Ярослава[1]. И пришел к нему его двоюродный брат Владимир Рюрикович со смольнянами.

Послал Мстислав к Ярославу на Торжок послов о мире. Ярослав же ответ дал:

— Мира не хочу. Пошли — так идите. На одного вашего придется сто наших.

Мстислав ответил:

— Ты, Ярослав, с силою, а мы с крестом.

---

[1] Ярослав — сын Всеволода Большое Гнездо, княжил в Переяславле-Залесском. Мстислав Мстиславич — Мстислав Удалой.

Ярослав поставил засеки на путях от Новгорода и на реке Тверце. И сказали новгородцы князьям:

— Пойдем к Торжку.

И князья сказали:

— Если пойдем к Торжку, то опустошим Новгородскую волость.

И так пошли к Твери. Ярослав же, услышав, что берут его села, поехал из Торжка в Тверь, взяв с собой старейших мужей новгородцев, а младших по выбору, а новоторжцев взял всех.

Ростиславичи пошли вниз по Волге воюя. Сюда приехал к ним Константин Всеволодович [1] с ростовцами.

Между тем Ярослав пошел во Владимир к брату Юрию с полками, собрав всю свою волость с новгородцами и новоторжцами.

Юрий Всеволодович вышел из города Владимира со всеми братьями [2], и были у него полки сильные: муромцы, бродники, городчане, и вся сила Суздальской земли. Погнали из сел даже пеших.

О страшное чудо и дивное, братья! Пошли сыновья на отцов, а отцы на детей, брат на брата, рабы на господ, а господа на рабов.

И стал Ярослав и Юрий с братьями на реке Кзе, а Мстислав с новгородцами поставил полки близ города Юрьева [3], Константин стоял дальше со своими полками на реке Липице.

Мстислав послал сотника Лариона к Ярославу:

---

[1] Константин Всеволодович — старший сын Всеволода Большое Гнездо, князь ростовский.

[2] В союзе с Ярославом Всеволодовичем были его братья Юрий и Святослав, а также князья муромские и многие города «низовьей земли». В союзе с Мстиславом Удалым был его брат, князь псковский, двоюродный брат Владимир Рюрикович Смоленский и Константин Всеволодович, князь ростовский.

[3] Юрьев — Юрьев-Польской, город во Владимирской области.

— Отпусти мужей новгородских и новоторжских, и волости освободи новгородские, возьми с нами мир и крест целуй, а крови не проливай.

Отвечал же Ярослав:

— Мира не хочу, мужи ваши у меня. А вы далеко шли и вышли как рыба на сушу.

И сказал Ларион ту речь князьям и новгородцам. И снова послали Ростиславичи к обоим князьям с последнею речью:

— Мы пришли, братья Юрий и Ярослав, не на пролитие крови. Не дай бог сделать это. Договоримся, ведь мы одного племени. Дадим старшинство Константину, посадите его во Владимире, а вам вся земля Суздальская.

Юрий же ответил:

— Скажи брату Мстиславу и Владимиру: пришли, так куда хотите отойти? А брату Константину говорим так: пересиль нас — тогда тебе вся земля.

И так Юрий с Ярославом вознеслись славою, видя у себя силу великую, не взяли мира и начали пировать в шатре со своими боярами. И сказал Творимир-боярин:

— Лучше было бы с ними мир взять и дать старшинство Константину. Нечего смотреть, что их мало. Князья из племени Ростислава мудры и храбры, а мужи у них, новгородцы и смольняне, дерзки к бою. А Мстиславу Мстиславичу, вы сами знаете, дана храбрость больше всех.

Не люба́ была эта речь Юрию и Ярославу. Некий же боярин Юрьев сказал:

— Не было того ни при прадедах, ни при дедах, ни при отцах ваших, чтобы тот, кто вошел ратью в сильную Суздальскую землю, вышел цел. Хотя бы выступила вся Русская земля, не могли бы они противостоять нашей силе. А эти-то полки! Право, мы их седлами закидаем.

И люба была речь эта Юрию и Ярославу, и вошли они в шатер с братьями и начали делить города. И сказал Юрий:

— Мне, брат Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, а тебе — Новгород, а Смоленск — брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич — нам.

Целовали они крест между собою и написали грамоты не отступать от этого. Эти грамоты смольняне взяли после победы в станах Ярослава и дали своим князьям.

Разделив города Русской земли, Юрий и Ярослав, надеясь на свою силу, стали звать на бой к Липицам.

Есть там гора, называется она Авдова. Там и поставили Юрий и Ярослав свои полки за дебрь[1]. А Мстислав и Константин поставили свои полки на другой горе, которая называется Юрьева гора, а между ними ручей.

Мстислав послал Юрию трех мужей, снова прося мира. Но Юрий сказал:

— Мира не беру и не отступлю. Вы прошли через всю землю, так неужто через эту дебрь не перейдете?

Он надеялся на твердость своего стана: было оплетено то место плетнем и были насованы колья.

Мстислав сказал:

— Гора нам не поможет, гора нас и не победит. Надеясь на крест и на правду, пойдем на них.

И начали ставить полки. Владимир Смоленский поставил полк свой с края, а рядом стал Мстислав с новгородцами и Владимир с псковичами, а рядом с ним Константин с ростовцами. Ярослав же стал со своими полками и с муромскими и с городчанами и с бродниками против Владимира и смольнян, а Юрий стал против Мстислава и новгородцев со всею силою Суздальской земли, а меньшая его братья против Константина.

Начал Мстислав с Владимиром укреплять новгородцев и смольнян:

— Братья! Мы вошли в землю сильную. Станем крепко, не будем озираться назад. Побежав, нам все равно не уйти

---

[1] **Дебрь** — балка, заросшая лесом.

от них. Забудем же, братья, до́мы свои и жен и детей. Ведь надо же будет когда-нибудь умереть. Ступайте кто хочет пешим, а кто на конях.

Новгородцы же отвечали:

— Мы не хотим умирать на конях, но будем биться пешими, как бились наши отцы.

Они сошли с коней, скинули с себя одежду и сапоги и пошли босыми. Смольняне молодые так же слезли с коней и пошли босыми. Они ударили на пеших воинов Ярослава и с криком стали бросать кто палки, а кто топоры. Воины Ярослава побежали, а новгородцы и смольняне схватили стяг Ярослава и досеклись до другого стяга. Видев же все это, Мстислав сказал:

— Не дай бог, братья, выдать этих добрых людей.

И ударили князья все разом со своими полками. Мстислав трижды проехал через полки Юрия и Ярослава, секущи людей. Был у него топор на руке с поворо́зою[1], тем и сек. Так же и другие князья. Юрий же и Ярослав видели, как полки их, словно колосья на ниве, поникали. И побежали они с меньшою братьею и с муромскими князьями. И побеждены были полки сильной Суздальской земли месяца апреля в 21 день.

О, велик, братья, промысел божий! Новгородцев только 5 человек было убито, а во смоленском полку один. О, много победы было, братья, бесчисленное число было убито воинов Юрьевых и Ярославлих! Если бы знали Юрий да Ярослав, что так случится, то мирились бы. Ведь слава их и хвала погибли, и полки сильные ни во что стали. Было у Юрия 17 стягов, 40 труб, столько же бубнов, а у Ярослава 13 стягов, а труб и бубнов 60. Многие говорили про Ярослава:

— Из-за тебя нам много зла случилось. О твоем клятвопреступлении сказано: «Придите, птицы небесные, напей-

[1] Повороза — петля для привязывания предмета к руке.

тесь крови человеческой, звери дикие, наешьтесь мяса человеческого».

Не 10 мужей было убито и не 100, но тысячи тысяч. В городе Юрьеве был слышен крик и вопли раненых. И некому было погребать мертвых.

Князь Юрий к полудню прибежал во Владимир в одной сорочке на четвертом коне, загнав трех. Во Владимире же тогда остался народ безоружный. Они обрадовались, думали, что едет посол от князя, и говорили друг другу:

— Наши одолевают.

А это Юрий прибежал один и сказал:

— Укрепляйте город.

Они же, услышав то, пришли в смятение, и был плач вместо веселия.

К вечеру прибежали люди, кто ранен, кто наг. Назавтра Юрий созвал всех и сказал:

— Братья владимирцы! Затворимся в городе. Как-нибудь да отобьемся от них.

Молвили люди:

— Княже Юрий! С кем затворимся? Братья наши избиты, а другие или схвачены, или прибежали без оружия. Как мы встаем, с чем?

Юрий же сказал им:

— То все я знаю. Не выдавайте меня ни брату моему Константину, ни Мстиславу, дабы мне выйти из города по своей воле.

Владимирцы обещали ему.

Ярослав также прибежал один в Переяславль на пятом коне, а четырех загнал и затворился в городе.

Князья же милостивые из племени Ростислава и до христиан добрые, те весь день стояли на побоище. А если бы погнались за ними, так Юрию и Ярославу не уйти бы, и град бы Владимир захватили. Но они медленно пришли к Владимиру и, объехав его, начали думать, откуда его взять. И в ту ночь загорелся в городе княжóй двор. Хотели новго-

родцы на город лезть, да не дал им Мстислав. А наутро рано выехал Юрий и поклонился князьям и сказал:

— Братья, кланяюсь вам и челом бью. Дайте мне жизнь и хлебом накормите. А брат мой Константин в вашей воле.

И дал им много даров, а Ростиславичи дали ему мир и рассудили с Константином. Константину дали Владимир, а Юрию Радúлов Городец[1]. И пошел Юрий с малой дружиной в Городец.

---

[1] Радилов Городец — город Городец на Волге, в современной Горьковской области.

ПЕРВОЕ ИЗВЕСТИЕ О ТАТАРАХ

В лето 1223 по грехам нашим пришли народы незнаемые при Мстиславе князе Романовиче в десятое лето княжения его в Киеве[1].

Пришла неслыханная рать, безбожные моавитя́не[2], называемые татары, их же никто ясно не знает, кто они и откуда пришли, и каков язык их, и какого племени они, и что за вера их. И зовут их татары. А иные говорят —

---

[1] Мстислав Романович, внук Ростислава, был посажен на киевский стол своим двоюродным братом Мстиславом Удалым в 1214 г. (см. стр. 57—58).

[2] Моавитяне — древняя семитская народность, воевавшая с Израильским царством и покоренная царем Давидом.

таурмены, а другие — печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефóдий, епископ Патáрский[1], свидетельствует, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо так говорит Мефодий: к скончанию времен явятся те, кого загнал Гедеóн[2], и пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтúйского моря[3], кроме Эфиопии.

Бог же один знает их. Но мы здесь вписали о них, памяти ради о русских князьях и о бедах, которые были им от них.

БИТВА ПРИ РЕКЕ КАЛКЕ

Мы слышали, что многие страны поплеиили татары: я́сов, обéзов, касóгов[4]; и половцев безбожных избили множество.

А Котя́н, князь половецкий с иными князьями и с остатком половцев прибежали к тому месту, что называется вал половецкий, а другие половцы многие убежали в Русскую землю. Этот Котян был тесть Мстиславу Мстиславичу Галицкому[5]. И пришел он с князьями половецкими в Галич с поклоном к князю Мстиславу, к зятю, и ко всем князьям русским. И дары принес многие — коней, и верблюдов, и буйволов, и невольниц; и одарил князей русских и сказал так:

— Нашу землю татары отняли сегодня, а вашу завт-

---

[1] Мефодий — епископ города Патáр в Ликúи (Малая Азия). Ему приписывалось известное в средние века сочинение «Откровения Мефодия Патарского», где повествовалось о событиях мировой истории от Адама до конца мира.

[2] Гедеон — израильский военачальник.

[3] Понтийское море — Черное море.

[4] Ясы, обезы, касоги — кавказские племена.

[5] Мстислав Мстиславич Галицкий (Торóпецкий) — Мстислав Удалой (см. стр. 56—60 и 163).

ра возьмут. Приходите, обороните нас. Если не поможете нам, то мы нынче иссечены будем, а вы завтра.

И просил Котян зятя своего о помощи. Мстислав же начал просить князей русских, братьев своих, говоря:

— Если мы, братья, не поможем половцам, то они предадутся татарам, и тогда у них будет еще больше силы.

И долго думали князья и сотворили совет в городе в Киеве такой:

— Лучше нам встретить их на чужой земле, нежели на своей.

И начали князья собирать воинов каждый в своей волости. Тогда был Мстислав в Киеве, а Мстислав Козельский в Чернигове, а Мстислав Торопецкий в Галиче. То были старшие князья в Русской земле. Князя же великого Юрия Суздальского[1] не было на совете том. А вот младшие князья: князь Даниил Романович, князь Михаил Всеволодович, князь Всеволод Мстиславич Киевский и многие другие князья.

И, собрав всю землю Русскую против татар, пошли на них. И пришли к реке Днепру на Зару́б к острову Варяжскому. Увидели татары, что идут князья русские против них, и прислали послов к князьям русским:

— Слышали мы, что идете вы против нас, послушав половцев. Но мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили, но пришли, посланные богом, на холопов своих и на конюхов, на поганых половцев. Возьмите с нами мир, а нам с вами войны нет. Если бегут к вам половцы, то вы бейте их и добро их берите себе. Слышали мы, что и вам они много зла сотворили. Потому мы их и бьем отсюда.

Князья же русские того не послушали и послов татарских перебили, а сами пошли против татар. Не доходя до

---

[1] Юрий Суздальский — Юрий Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо, один из участников Липецкой битвы (см. стр. 60).

Оле́шья[1], стали они на Днепре. И прислали татары вторых послов со словами:

— Если вы послушали половцев, послов наших перебили и идете против нас, то идите. Пусть рассудит нас бог, а мы вас не трогаем.

Русские князья отпустили послов татарских. И пришла к Олешью вся земля половецкая и все их князья, а из Киева пришел князь Мстислав со всею силою, а из Галича другой Мстислав со всею силою, и Владимир Рюрикович с черниговцами, и все князья русские собрались там.

Тогда же князь Мстислав Галицкий перешел Днепр вброд с 1000 человек, ударил на сторо́жей татарских и победил их, а остаток их побежал, и не было им помощи.

Услышав это, князья русские пошли все за Днепр на множестве ладей — галичане и волынцы, каждые со своими князьями, куряне и трубчане и путивличи со своими. И стали у Днепра возле Хортицы на броде. И пришла весть в станы русские, что пришли татары осматривать русские ладьи. Услышав это, Даниил Романович и бывшие с ним сели на коня, и другие многие князья погнались увидеть рать татарскую. Был с ними и Юрий Домамерич, воевода.

Юрий сказал, что татары хорошие стрелки, другие же молвили, что они простые люди, хуже половцев. Юрий же Домамерич сказал:

— Ратники они хорошие.

Мстислав и другой Мстислав сказали:

— Нечего нам здесь стоять. Пойдем на них.

И перешли все люди и князья все реку Днепр, и пошли на конях в поле половецкое, и встретили татар. Полки русские и стрелки победили их и гнали их далеко в поле, рубя их, и взяли скот их и стада их так, что всем воинам хватило. И оттуда шли 8 дней до реки Калки и там встретили сторо́жей татарских.

---

[1] Олешье — селение в низовьях Днепра, ныне г. Цюрупинск.

Русский князь Мстислав Мстиславич повелел Даниилу перейти реку Калку с полками и другим полкам с ним. А сам после них перешел и зашел за реку за Калку. И послал в сторо́жу Яруна с половецкими полками, а сам поспешно поехал за ним. Увидел он полки татарские и, приехав, велел скорее вооружаться. А князь Мстислав Киевский и другой Мстислав сидели в стане и ничего не знали. Мстислав же Мстиславич не сказал им из-за зависти, ибо была между ними вражда великая.

Даниил же выехал вперед и врезался в полки татарские. Был он ранен в грудь. Но из-за молодости и храбрости не чувствовал раны в теле своем. Было ему 17 лет, и был он силен. Татары бежали, а Даниил избивал их со своим полком. И Олег Курский крепко бился. Тогда выступили Ярун и другие полки половецкие, желая биться. Но вскоре побежали половцы перед татарами и во время бегства потоптали станы князей русских, а князья не успели ополчиться против них. И пришли в смятение все полки русские. И была сеча лютая и злая из-за наших грехов.

Даниил же увидел, что предстоит более жестокий бой с татарами, и обратил коня своего вспять и бежал от устремления противников. И захотел воды испить и тут почувствовал рану на теле своем. Во время брани он не заметил ее из-за силы мужества своего и юного возраста своего, ибо был он дерзок и храбр. От головы до ног его не было в нем порока.

И были побеждены все князья русские, как никогда не бывало от начала Русской земли.

Сам же великий князь Мстислав Киевский, видя это зло, не двинулся с места. Стал он на горе́ над рекою Калкою. Было тут место каменистое. И здесь он устроил город[1] из кольев. И бился с татарами из города 3 дня.

А другие татары погнались за русскими князьями и

---

[1] То есть ограду.

били их до Днепра. А у города остались два воеводы Чегирхан и Тешухан на князя Мстислава и на зятя его Андрея и Александра Дубравского — было там два князя со Мстиславом. Были тут с ним и бродники старые, и воевода их Плоскиня. Эти окаянные целовали крест князю Мстиславу и двум другим князьям, что не убьют их и отпустят за выкуп. И солгали окаянные, предали их, связали и отдали татарам. Татары взяли город и людей посекли, а князей задавили: положили их под доски, а сами на доски сели обедать. И так окончили князья жизнь свою.

А из других князей, бегущих к Днепру, 6 было убито, а из простых воинов только десятый дошел. И Александр Попович[1] тут был убит, а с ним 70 хра́бров.

И тогда же князь Мстислав Мстиславич Галицкий прибежал к Днепру и велел ладьи сжечь, а другие рассечь и оттолкнуть от берега, боясь и [illegible] погони от татар. А сам едва убежал в Галич. А прочие князья прибежали с малым числом людей. А князь Владимир Рюрикович прибежал в Киев и сел на столе.

Это зло сотворилось от татар месяца июня в 16 день, в лето 1223.

Дошли татары до Новгорода Святопольческого[2]. Люди, не знавшие коварства татар, выходили им навстречу с крестами. Они же убивали всех.

Бог, ожидая покаяния христиан, обратил татар вспять на землю Таноготскую и иные страны. Тогда же и Чингисхан их убит был. Это за грехи наши бог вложил недоумение в нас, и погибло без числа много людей. И был вопль, и воздыхание, и печаль по всем городам и по волостям. Об этих же злых татарах не знаем, откуда они пришли на нас и куда опять делись, только бог весть.

---

[1] Александр Попович — известный богатырь русских былин Алеша Попович.

[2] Новгород Святопольческий — Новгород-Северский.

ВЗЯТИЕ РЯЗАНИ ТАТАРАМИ

Въ лѣ ЅѰМЕ · 6745 · 1237

В лето 1237 зимою пришли с восточной стороны безбожные татары с царем Батыем на землю Рязанскую лесом и, придя, сперва стали станом у Ну́зы[1], и взяли ее и оттуда послали послов своих, жену чародейку и двух мужей с нею к князьям рязанским, прося у них десятины во всем: в князьях, и в людях, и в конях; десятого от белых коней, и десятого от вороных, десятого от бурых, десятого от рыжих, десятого от пегих. Князья же рязанские Юрий, Ингваров брат, и Олег Ингваревич и муромские и пронские князья, не пуская их к городам, выехали против них в Воронеж[2] и так сказали:

— Когда нас всех не будет, то все потом ваше будет.

И оттуда послали к Юрию, князю владимирскому, прося, чтобы он помощь послал или сам пошел. Юрий же сам не пошел и помощи не послал. Не послушал он мольбы князей рязанских, но хотел сам особо биться с татарами. А иноплеменники начали воевать землю Рязанскую и пленили ее до Пронска. И обступили Рязань декабря 16, а 21 взяли и сожгли всю, а князя их Юрия убили и граждан всех.

БИТВА У КОЛОМНЫ И ВЗЯТИЕ МОСКВЫ ТАТАРАМИ

В ту же зиму пошел Всеволод, сын Юрия[3], против татар, и стали они биться у Коломны, и была сеча велика.

---

[1] Нуза, или Онуза,— место стана Батыя, где-то в устье рек Лесного и Польного Воронежа, притоков реки Воронежа.

[2] Воронеж — место между Лесным и Польным Воронежем.

[3] Великого князя владимирского Юрия Всеволодовича.

И убили у Всеволода воеводу Еремея Глебовича и других мужей многих. И прибежал Всеволод во Владимир с малой дружиной, а татары пошли к Москве.

В ту же зиму татары взяли Москву и убили воеводу Филиппа Няньку за правоверную христианскую веру, а князя Владимира Юрьевича[1] руками взяли, а людей избили от старцев до сосущих младенцев. Град же и церкви святые предали огню, и монастыри все и села пожгли, и, взяв много добра, отошли прочь.

ВЗЯТИЕ ГОРОДА ВЛАДИМИРА ТАТАРАМИ

В ту же зиму выехал Юрий из Владимира с малой дружиной, поставив вместо себя сыновей своих, Всеволода и Мстислава. Юрий поехал на Волгу с сыновца́ми своими Васильком и со Всеволодом и с Владимиром и стал на реке Си́ти[2] станом, поджидая к себе братьев своих Ярослава с полками и Святослава с дружиною своею[3]. И начал великий князь Юрий собирать воинов против татар, а Жирославу Михайловичу поручил воеводство в дружине своей.

В ту же зиму пришли татары к Владимиру месяца февраля в 3 день. Владимирцы затворились в городе. Татары приехали к Золотым воротам, ведя с собою Владимира Юрьевича[4], брата Всеволода и Мстислава. И начали спрашивать татары, в городе ли великий князь Юрий. Владимирцы же пустили по стреле на татар, и татары так же пустили

---

[1] Владимир Юрьевич — сын великого князя владимирского.

[2] Сить — приток реки Мологи, впадавшей в Волгу.

[3] Ярослав Всеволодович — князь переяславский, один из участников Липецкой битвы, отец Александра Невского. Святослав Всеволодович княжил в Юрьеве-Польско́м.

[4] Вы только что прочитали, что Владимир Юрьевич был взят татарами в плен в Москве.

по стреле на Золотые ворота. А после этого сказали татары владимирцам:

— Не стреляйте!

Владимирцы перестали стрелять, и тогда татары подъехали к Золотым воротам и сказали:

— Узнаете ли княжича своего Владимира?

Был Владимир уныл лицом. Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. О умильное зрелище, достойное слез! Всеволод и Мстислав с дружиною своею и все граждане плакали, глядя на Владимира. А татары отъехали от Золотых ворот, объехали весь город и стали станом перед Золотыми воротами. Было бесчисленное множество воинов вокруг всего города.

Всеволод же и Мстислав, жалея брата своего Владимира, сказали дружине своей и Петру-воеводе:

— Братья! Лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую Богородицу и за правоверную веру христианскую!

Но не согласился на это воевода Петр.

Татары разбили свои станы у города Владимира, а сами пошли и взяли Суздаль. И церковь святой Богородицы[1] всю разграбили и двор княжой огнем пожгли и монастырь святого Дмитрия[2], а другие разграбили. И чернецо́в и черни́ц[3] старых, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и людей всех иссекли, а юных чернецов и черниц, и попов и попадей, и дьяконов, и жен, и дочерей и сыновей их всех увели в станы свои, а сами пошли назад к Владимиру.

В субботу мясопустную[4] татары начали устанавливать

---

[1] Церковь Рождества Богородицы в Суздале построена при Владимире Мономахе.

[2] Монастырь святого Дмитрия в Суздале находился к югу от Кремля, на другом берегу реки Каменки.

[3] Чернец — монах; черница — монахиня.

[4] Мясопустная неделя — масленая неделя, последняя неделя перед великим постом.

леса и порóки[1] ставить до вечера, а в ночь огородили тыном около всего города Владимира. В воскресенье же мясопустное месяца февраля в 7 день после заýтрени[2] приступили к городу. И был плач велик в городе.

И крепко бились владимирцы, а Батый сказал им, обманывая:

— Где князья рязанские? Где ваш город и князь великий Юрий? Не наша ли рука схватила их и смерти предала?

Татары же разбили городские стены порóками и стреляли стрелами без числа.

И взяли город до обеда от Золотых ворот, у святого Спаса вошли по примету через городскую стену, а с севера от Лыбеди подошли к Ирининым воротам и к Медным, а от Клязьмы подступили к Волжским воротам и так вскоре взяли Новый город[3]. Всеволод и Мстислав и все люди бежали в Печéрний город[4], а епископ Митрофан, и княгиня Юрьева с дочерью и со снохами и с внучатами, и другие княгини с детьми, и множество многого бояр, и всякого звания люди затворились в церкви святой Богородицы и были без милости спалены огнем. Татары же силою отворили двери церковные и увидели, что одни в огне скончались, другие же оружием убиты. Они разграбили святую Богородицу, с чудной иконы содрали золото и серебро и дорогие каменья[5]. И монастыри все и иконы разграбили, а иные разбили, а другие взяли себе и кресты честныé и сосуды священные, содрали с книг дорогие оклады и схвати-

---

[1] Пороки — камнеметные орудия.

[2] Заутреня — ранняя церковная служба.

[3] Новый город — укрепленная в 1158—1164 годах западная часть города.

[4] Печерний город — город Мономаха, древнейшая часть Владимира.

[5] Речь идет об иконе Владимирской Богоматери, привезенной Андреем Боголюбским из Киева (см. стр. 31).

ли одежды блаженных первых князей, которые они повесили в святых церквах на память о себе. Все это татары положили себе в полон.

Совершилось по словам пророка: «Боже, пришли народы в достояние твое, осквернили церковь святую твою, превратили Иерусалим в хранилище овощей, сделали трупы рабов твоих пищею птицам небесным, тела преподобных твоих — зверям земным, пролили кровь, как воду».

БИТВА НА РЕКЕ СИТИ И ГИБЕЛЬ ВАСИЛЬКА РОСТОВСКОГО

Татары, эти окаянные кровопийцы, пленив Владимир, пошли на великого князя Юрия. Одни пошли к Ростову, а другие к Ярославлю, иные на Волгу на Городец и пленили всё по Волге до самого Га́лича Ме́рьского[1]. Еще другие пошли на Переяславль и взяли его, а оттуда пленили всю ту землю и многие города до Торжка. И нет ни одного места, ни ве́си[2], ни села, где бы не воевали татары на Суздальской земле. В один февраль месяц взяли 14 городов, кроме слобо́д и пого́стов[3].

Но мы вернемся к прежнему.

Пришла весть великому князю Юрию:

— Владимир взят, а в соборной церкви скончались от огня епископ и княгиня с детьми и со снохами и с внучатами, а старший твой сын Всеволод с братом вне города убиты и люди избиты, а татары идут на тебя.

Он же, услышав это, вскричал громким голосом, со

---

[1] Галич Мерьский — город Галич в Костромской области.

[2] Весь — небольшое село.

[3] Слобода́ — население слобод пользовалось известными льготами, «слободами». Погост — село, селение.

слезами, плача по правоверной вере христианской и по людям, и по жене, и по детям. И, вздохнув из глубины сердца, начал молиться:

— Увы мне, господи, лучше бы мне умереть, нежели жить на этом свете. Нынче чего ради остался я один!

И тут внезапно подошли татары. Он же отложил свою печаль и сказал:

— Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и избави от всех го́нящих меня.

И пришли безбожные татары на реку Сить против великого князя Юрия. Услышав же это, князь Юрий с братом своим Святославом, и с сыновцами своими Васильком и Всеволодом и Владимиром, и с мужами своими пошел против поганых. И встретились обе стороны, и была сеча злая. И побежали наши перед иноплеменниками. Был тут убит великий князь Юрий, а Василька взяли руками безбожные и повели в станы свои. Это зло случилось месяца марта в 4 день.

Василька Константиновича вели с многою ну́жею[1] до Ше́рпьского леса[2]. И когда стали там станом, проклятые безбожные татары много его понуждали принять их обычаи поганские и быть в их воле и воевать с ними. Но он не покорился их беззаконию, не брал ни пищи их, ни питья, а много укорял их и говорил:

— О глухое царство, оскверненное. Ничем не заставите вы меня отречься от христианской веры, хотя я и нахожусь в великой беде.

Татары же заскрежетали на него зубами, желая насытиться его кровью. Блаженный же Василёк сказал:

— Благодарю тебя, боже мой. Вижу я о себе похвальную память. Молодая жизнь моя железом погибает, и тон-

---

[1] Нужа — принуждение, насилие.

[2] Шерпьский лес — лес между городами Кашином и Калязином.

кое тело мое увядает. Господи, прими дух мой, да и я почию в славе твоей.

Был убит Василек без милости и брошен в лесу. Видела его некая жена верная и поведала о том поповичу Андрияну, мужу богобоязненному. И взял он тело князя Василька и обвил его саваном и положил его в сокровенном месте. Узнав об этом, боголюбивый епископ Кирилл и княгиня Васи́лькова послали за телом князя. И принесли его в Ростов и положили его в церкви святой Богородицы[1], где и мать его лежит.

Был же Василек лицом красив, очами светел и грозен, храбр на охоте, сердцем легóк, до бояр ласков. Кто из бояр ему служил, и хлеб его ел, и чашу его пил, и дары получал, тот никакому другому князю не хотел служить. Очень любил Василек слуг своих. Мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили. И сидел он в добродеяствии на отцовском столе и на дедовском, и скончался так, как вы слышали.

ВЗЯТИЕ ТОРЖКА

Окаянные же татары после битвы на Сити взяли Переславль, Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь. Оттуда же пришли беззаконные и обступили Торжок и оттынили тыном, так же как и другие города, когда их брали. И били окаянные из пороков 2 недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, все сами были в недоумении и страхе. И так поганые взяли город и иссекли всех и мужчин и женщин, священников и черноризцев. Все поруганы горькою и несчастною смертию отдали души свои господу месяца марта в 5 день.

---

[1] Церковь святой Богородицы — собор Успения Богородицы, построенный в XII веке. На его месте в настоящее время стоит собор второй половины XVI века.

Тогда же пошли безбожные от Торжка Селигерским путем и секли всех людей, как траву, за 100 верст до Новгорода. Новгород же бог сохранил и святая София.

ОБОРОНА КОЗЕЛЬСКА[1]

Батый разорил город Владимир, пленил города суздальские и пришел ко граду Козельску. Был в нем князь молодой именем Василий. Козляне совет держали не сдаваться Батыю, говоря:

— Князь наш молод, но положим жизнь свою за него: и здесь на земле примем славу сего света и там небесные венцы от Христа бога получим.

Узнали нечестивые, что люди в городе имеют ум крепкодушный и словами обманными невозможно города взять. Бились они около города, желая захватить его, и разбили стену городскую и взошли на вал.

Козляне же ножами резались с ними. И совет держали выйти на полки татарские. И, выйдя из города, иссекли пращи́[2] их, напали на полки их и убили 4 тысячи татар, и сами же все были перебиты.

Батый же взял город и не пощадил никого, перебил всех до сосущих молоко. О князе Василии не известно ничего. Иные говорят, что он утонул в крови, так как был очень мал.

С тех пор татары не смеют называть этот город Козельском, но называют его «град злой», так как они бились у него 7 недель, и были убиты у них 3 сына те́мниковых[3]. Татары же искали их и не могли найти среди множества трупов.

---

[1] Козе́льск — небольшой город к югу от Калуги.

[2] Праща — метательное орудие.

[3] Темник — у татар начальник над тьмою, то есть над 10 000 воинов.

ВЗЯТИЕ ЮЖНЫХ ГОРОДОВ ТАТАРАМИ

Взяв Козельск, татары пошли в землю половецкую, а оттуда начали посылать силы на города русские. И взяли город Переяславль копьем [1], перебили всех и церковь Михаила Архангела сокрушили, и взяли сосуды церковные без числа, золотые и дорогим каменьем украшенные, и епископа преподобного Семена убили. В то же время послали силы на Чернигов. Обступили город в силе тяжкой. Мстислав Глебович, услышав о нападении иноплеменников на город, пошел на них со всеми воинами и бился с ними. И побежден был Мстислав, и множество воинов его было перебито, и город татары взяли и запалили огнем, но епископа оставили в живых и повели его в город Глу́хов [2].

ВЗЯТИЕ КИЕВА БАТЫЕМ В 1240 ГОДУ

Воевода татарский Менгу́хан пришел посмотреть на город Киев. Стал он на той стороне Днепра. Увидев город, он дивился красоте его и величию его и прислал послов своих к князю Михаилу [3] и к гражданам, желая обмануть их, но они не послушали его.

В лето 1238 Михаил вслед за сыном своим бежал от татар к уграм, а Ростислав Мстиславич Смоленский сел в Киеве. Даниил же Галицкий наехал на него, взял его в плен и поручил боярину Дмитру оборонять город Киев против иноплеменного народа, безбожных татар.

---

[1] Переяславль Русский (Южный). Взять копьем — взять приступом.

[2] Глухов — город в Сумской области.

[3] Михаил Всеволодович Черниговский (участник битвы на реке Калке) княжил в то время в Киеве.

В лѣт ҂ЅѰМ · 6748 · 1240

В лето 1240 пришел Батый к Киеву в силе тяжкой со многим множеством силы своей и окружил город и обнес его частоколом, и был город в стеснении великом. И был Батый у города, и воины его окружили город, и ничего не было слышно от гласа скрипения множества телег его и от ревения верблюдов его и от ржания табунов его, и была полна земля Русская ратными людьми.

Киевляне же взяли в плен татарина по имени Товру́л. Братья его были сильные воеводы, и он рассказал обо всей силе их.

Батый поставил пороки подле города у Ля́дских ворот, где овраги. Пороки беспрестанно били день и ночь и пробили стены. И взошли горожане на стену, и тут было видно, как ломались копья и разбивались щиты, а стрелы омрачали свет побежденным.

Когда же Дмитр был ранен, татары взошли на стены и заняли их в тот день и в ту ночь. Горожане же создали другие стены вокруг церкви святой Богородицы Десятинной[1]. Наутро же пришли на них татары, и была между ними великая брань. Люди же взбежали на полати церковные и на своды со своим добром. От тяжести повалились с ними стены церковные. И так взят был город. Воеводу же Дмитра раненого вывели татары и не убили его мужества ради его.

[1] См. сноску на стр. 29.

УБИЕНИЕ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО И БОЯРИНА ЕГО ФЕДОРА В ОРДЕ

В лето 1246 был убит князь Михаил Всеволодович Черниговский окаянным царем Батыем в Орде, а с ним боярин его Федор.

Сей блаженный великий князь Михаил Всеволодович княжил в Киеве в то время, когда безбожный царь Батый пришел на землю Русскую и на все православие. Окаянный царь Батый, попленив все земли, которые были под властию русских князей, пошел на град Киев и послал перед собою послов к князю Михаилу с лживыми словами. Князь же Михаил повелел перебить их, а сам бежал в Угры с домашними своими и был там некоторое время. Потом же, услышав, что царь Батый, попленив всю Русскую землю, идет на Угры, возвратился из Угр и, обойдя рать Батыеву иным путем, пришел в Киев, и все люди его с ним. Те же, кто разбежались по чужим землям, услышав о возвращении князя, пришли в свою землю.

Тогда татары начали их звать и неволить идти к Батыю, говоря: «Не подобает вам жить на земле Батыевой и не поклониться ему».

И многие ехали кланялись ему.

Был же у Батыя обычай такой: если кто приедет поклониться ему, он не велит вести того к себе, но сначала приказывает волхвам вести его сквозь огонь и велит поклониться кусту и огню, идолам их. А от даров, которые принесут царю, волхвы берут часть и мечут в огонь и тогда только пускают к царю самих с дарами.

Многие же князья с боярами своими шли сквозь огонь и кланялись кусту и огню, идолам их, славы ради света сего, и просили каждый себе волости. Татары же безвозбранно давали им, что они хотели.

В это время великий князь Михаил был в Чернигове. Видя многих, прельщающихся славою света сего, он раз-

горелся духом и пошел к отцу своему духовному[1] и начал говорить ему:

— Хочу, отче, идти к царю Батыю.

И ответил ему отец его:

— Многие ездили и творили волю поганого, шли сквозь огонь и поклонялись кусту и солнцу, и погубили душу свою и тело. Ты же, сын Михаил, если хочешь идти, не делай так, как другие, не иди сквозь огонь, не поклоняйся идолам их, и еды их не ешь, не пей с ними, и не приемли в уста свои ничего от их скверны, но исповедуй веру христианскую.

Тогда князь великий Михаил и боярин его Федор вышли из домов своих и взяли с собой только то, что им надо в пути. Многие земли они прошли и дошли до царя Батыя. И сказали о них Батыю. Царь же позвал волхвов и сказал им:

— Сделайте все по обычаю вашему и приведите ко мне великого князя русского Михаила.

Они же пришли и сказали:

— Царь зовет тебя.

Михаил взял боярина своего Федора и пошел с ним. И дошел до места, где был наложен огонь по обе стороны. Волхвы же хотели вести великого князя Михаила и Федора, боярина его, сквозь огонь. Великий же князь Михаил сказал им:

— Не достойно христианам ходить сквозь огонь и поклоняться идолам.

Волхвы оставили их тут и пошли сказать царю:

— Князь Михаил повеления твоего не слушает, сквозь огонь не идет и богам твоим не поклоняется.

Царь взъярился весьма и послал одного из вельмож своих, стольника Елдегу по имени, и сказал ему:

— Иди и скажи Михаилу: почто повеление мое пре-

---

[1] **Духовный отец** — священник, которому исповедовались.

обидел, богам моим не поклонился? Избери себе жизнь или смерть. Если повеление мое сотворишь, жив будешь, и великое княжение свое примешь все. Если же не сотворишь, то злою смертию умрешь.

Тогда внук великого князя Михаила князь Борис Василькович Ростовский сказал ему:

— Господине отче, сотвори волю цареву, тем ты много блага сделаешь земле своей и всем нам.

Так же все бывшие тут говорили ему:

— Господин, сделай так, а когда будешь в земле своей, то все за тебя епитимью[1] возьмем, и со всей областью твоею.

Михаил же отвечал им:

— Не хочу только по имени называться христианином, а дела творить поганых.

Елдега же, видя, что и свои не могут уговорить его, пошел к царю сказать ему все речи князя Михаила.

Сказали стоявшие тут:

— Княже Михаиле, идут от царя убить вас, поклонитесь и живы будете.

Великий же князь Михаил и боярин его Федор словно едиными устами отвечали:

— Не кланяемся и не слушаем вас, а славы света сего не хотим.

И стояли словно два столпа непоколебимы и неподвижны.

Тогда же подоспели убийцы те окаянные и, соскочив с коней, схватили великого князя Михаила и растянули его за руки и за ноги и начали бить по сердцу, а потом повергли его ниц на землю и били его ногами. Но это недолго было. Некто, бывший прежде христианином, а потом отрекшийся от веры Христовой, сжалился над князем и отсек ему голову.

---

[1] Епитимья — церковное наказание в виде поста, земных поклонов и проч.

После этого татары начали говорить боярину его Федору:

— Если ты сотворишь волю цареву, поклонишься богам его, то примешь честь великую от него и будешь наследник княжению господина твоего.

Федор же ответил:

— Не хочу княжения господина своего, великого князя Михаила, и не поклонюся богам вашим, но хочу пострадать за Христа, как и князь мой.

Тогда Федора начали мучить, как прежде великого князя, а после отсекли голову его честну́ю.

ПОЕЗДКА ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО В ОРДУ

В лето 1250 прислал царь Могуче́й послов своих к Даниилу Галицкому[1] со словами: «Дай Галич!»

Был Даниил в печали великой, ибо не укрепил он землю свою городами, и, подумав с братом своим, поехал он к Батыю, сказав:

— Не дам и половины отчины своей, но поеду к Батыю сам.

Выехал же он на праздник святого Дмитрия[2], помолившись богу. И приехал в Киев. Придя в дом архистратига Михаила[3], называемый Вы́добич, он созвал священников и монахов и сказал игумену и всей братии, чтобы они помолились за него. И молились все, дабы получил он ми-

[1] Князь Даниил Романович в числе младших князей участвовал в битве при реке Калке и отличился там своей храбростью (см. стр. 73).

[2] Святой Дмитрий Солу́нский считался покровителем воинов.

[3] Дом архистратига Михаила — собор Выдубицкого монастыря в Киеве. Архистратиг — по-гречески: полководец. Архангел Михаил считался начальником небесного воинства и покровителем русского войска.

лость от бога. Он упал на колени перед образом архистратига Михаила, видя беду страшную и грозную.

Затем он выехал в ладье из монастыря и прибыл в Переяславль. Там встретили его татары. И увидел он, что нет в них добра, потому и начал скорбеть душою. Видел он, что ими владеет дьявол, видел их кудеснические блудодействия и мечтания скверные Чингис-хановы, его кровопитья многие и волшбы. Приходящих царей и князей и вельмож водили они вокруг куста поклоняться солнцу и луне, и земле, и дьяволу, и умершим отцам своим, и дедам, и матерям в аду. О, скверная прелесть их! [1]

Оттуда приехал Даниил к Батыю на Волгу, намереваясь ему поклониться. Там пришел к нему человек князя Ярослава [2] и сказал ему:

— Брат твой Ярослав [3] кланялся кусту, и тебе надо будет кланяться.

И ответил ему Даниил:

— Дьявол глаголет устами твоими. Да заградит бог уста твои, и пусть не слышно будет слово твое.

В тот час Даниил был позван Батыем и избавлен богом от злого их беснования и кудесничества. Он поклонился Батыю по обычаю их и вошел в вежу его. Сказал ему Батый:

— Данило! Почему ты давно не пришел? А что ныне пришел, то хорошо. Пьешь ли ты черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?

Даниил ответил Батыю:

— Доселе не пил, ныне же, если ты велишь, выпью.

Батый же сказал:

— Ты уже наш, татарин. Пей наше питье.

---

[1] В древнерусском языке слово **скверный** означало греховный, а **прелесть** — обман, ложь.

[2] **Князь Ярослав Всеволодович** — отец Александра Невского, ездил в Орду в 1246 году и был там отравлен.

[3] Слуга Ярослава называет своего князя братом Даниила, потому что все русские князья считались братьями.

Даниил, испив, поклонился по обычаю их, проговорил речь свою и сказал:

— Иду поклониться великой княгине Баракчи́нови.

Придя к княгине, Даниил поклонился по обычаю. И прислала она ему чум[1] вина и сказала:

— Не привыкли вы пить молока. Пей вино!

О, злее зла честь татарская! Даниил Романович был князем великим, обладавшим Русской землею, Киевом, и Владимиром[2], и Галичем, и иными странами. Нынче же он сидит на коленях[3] и холопом называется, жизни не чает, а они дани хотят, и гро́зы приходят! О злая честь татарская! Его отец был царь в Русской земле, он покорил Половецкую землю и воевал и иные страны. Если уж его сын не смог принять чести [illegible] иной может? Ибо злобе татарской и лести нет конца. Ярослава, великого князя суздальского, они уморили зельем, Михаила, князя черниговского, не поклонившегося кусту, с своим боярином Федором, ножом закололи, о чем прежде мы сказали, иные многие князья и бояре были перебиты.

Был же у них князь Даниил 25 дней и был отпущен, и поручена ему была земля его. И пришел он в землю свою, и встретил его брат и сыновья его, и был плач об обиде его и большая радость о здравии его.

ПОСТРОЙКА ГОРОДА ХОЛМА[4] ДАНИИЛОМ ГАЛИЦКИМ

Случилось так за грехи наши, что загорелся город Холм от окаянной бабы. Потом напишем о создании града и украшении церкви и иной погибели многой.

---

[1] Чум — ковш.

[2] Владимир-Волынский.

[3] Даниил сидел с татарами по их обычаю, поджав под себя ноги.

[4] Холм — город под Люблином, на территории современной Польши.

Такое пламя было, что по всей земле зарю видели, и со Львова видели по полям Белзским. Люди же думали, что татары зажгли город, и бежали в леса.

Холм же город так был создан: Даниил княжил во Владимире[1] и ездил на ло́вы[2]. И увидал он место кра́сно[3] и лесно на горе, а вокруг него поле. И спросил он живших тут:

— Как именуется место это?

Они же сказали:

— Холм ему имя есть.

И, возлюбив место то, он решил построить на нем градец малый. И для того начал призывать немцев и русь, иноязычников и ляхов. И шли к нему мастера всякие и подмастерья, бежавшие от татар,— седе́льники, и лу́чники, и ту́льники[4], и кузнецы по железу и меди и серебру. И наполнились людьми дворы вокруг града, поля и села. И была жизнь.

Создал же Даниил во граде том церковь святого Ивана красну и ле́пу[5]. Создана же она была так: своды ее на каждом углу опирались на столпы, увенчанные четырьмя головами человеческими, которые изваял некий хитрец. Три окна алтарных украшены стеклами римскими[6]. А в алтаре стояла сень[7] на столпах из целого камня. Верх ее украшен звездами золотыми на лазури. Пол в церкви слит был из меди и олова чистого, блещущего словно зеркало. Медь от огня как смола текла. Двое дверей украшены камнем рез-

---

[1] Владимир-Волынский.

[2] Ловы — охота.

[3] Красно — красивое.

[4] Тульники — мастера, делавшие колчаны. В современном языке есть слово «притулиться» — спрятаться.

[5] Лепый — ладный, стройный, уместный, красивый. В современном языке слово сохранилось лишь в отрицательном значении «нелепый». Глагол «лепить» от того же корня.

[6] Римские стекла — витражи, цветные стекла.

[7] Сень — нечто вроде каменного полога над престолом.

ным белым галицким и зеленым холмским. Узоры те резаны неким хитрецом Авдием и изукрашены золотом и всеми цветами. Над главными дверьми был изображен Спас[1], а над северными — святой Иван, дабы всем были зримы.

Иконы, которые принес Даниил из Киева, он украсил каменьем дорогим и бисером золотым и Спаса и пресвятую Богородицу, которую ему сестра Федо́ра дала из монастыря Федора. Икону же Сретение принес из Вручего. Диву подобны иконы те, что погорели во церкви святого Ивана, один Михаил остался от чудных тех икон. И колоколы принес из Киева, другие же тут слил. То все огонь попалил.

Ве́жа[2] же среди города высокая, так что можно бить с нее вокруг города. Создана из дерева тесаного и побелена, яко сыр[3], светясь во все стороны. И поставлена на основании каменном высотой в 15 локтей.

Посадил Даниил сад красен. В версте же от города стоит столп каменный, а на нем орел каменный изваян.

Увидев такую па́губу городу, Даниил вошел в церковь и помолился богу и обновил церковь и освятил ее с епископом Иваном.

Вежу же ту не мог создать, ибо грады иные созидал против безбожных татар.

---

[1] Спас — спаситель, Христос.

[2] Вежа — здесь: башня.

[3] Сыр — творог.

III

ТАТАРСКАЯ ПЕРЕПИСЬ В 1257 ГОДУ

В лето 1257 зимою приехали татарские численники и пересчитали всю землю[1] Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и поставили десятников, сотников, тысячников и темников, и поехали в Орду. Не пересчитывали только игуменов, и чернецов, и попов, и клирошан тех, кто зрит на святую Богородицу.

---

[1] То есть пересчитали население для обложения податью.

ТАТАРСКАЯ ПЕРЕПИСЬ В НОВГОРОДЕ

В **лето 1257** пришла в Новгород весть из Руси злая, что хотят татары тамги́ и десятины от Новгорода. И волновались люди все лето. А зимой новгородцы убили Михалка-посадника. Если бы кто сделал другому добро, то добро бы и было, а кто копает под другим яму, сам в нее ввалится.

В ту же зиму приехали послы татарские с Александром [1], и начали послы просить десятины и тамги. И не согласились на то новгородцы, но дали дары для царя Батыя и отпустили послов с миром.

В лето 1259 зимою приехал с Низа [2] Михайло Пинещи́нич со лживым посольством, говоря так:

— Соглашайтесь на число [3], не то полки татарские уже на Низовской земле.

И согласились новгородцы на число. В ту же зиму приехали окаянные татары сыроядцы Берка́й и Каса́чик с женами своими и иных много. И был мятеж велик в Новгороде. И по волости много зла учинили, когда брали тамгу окаянным татарам. И стали окаянные бояться смерти и сказали Александру:

— Дай нам сторожей, чтобы не перебили нас.

И повелел князь сыну посадникову и всем детям боярским [4] стеречь их по ночам. И говорили татары:

— Дайте нам число, или мы уйдем прочь.

Чернь не хотела дать числа, но сказала:

— Умрем честно за святую Софию, за дома ангельские [5].

---

[1] Князь Александр Невский.

[2] **Низ** (Низо́вская земля) — Суздальская земля.

[3] То есть на перепись.

[4] **Сын посадников** — почетный титул в Новгороде. **Дети боярские** — одно из сословий Древней Руси.

[5] То есть церкви.

Тогда раздвоились люди: кто добрый, тот стоял за святую Софию и за правую веру. И пошли вя́тшие[1] против меньших на вече и велели им согласиться на число. Окаянные татары придумали злое дело, как ударить на город — одним на ту сторону, а другим — озером на эту. Но возбранила им, видимо, сила Христова, и не посмели.

Испугавшись, новгородцы стали переправляться на одну сторону к святой Софии, говоря:

— Положим головы свои у святой Софии.

А наутро съехал князь с Городища[2], и окаянные татары с ним. И по совету злых согласились новгородцы на число, ибо делали бояре себе легко, а меньшим зло. И начали ездить окаянные татары по улицам и переписывать домы христианские. Взяв число, уехали окаянные, а князь Александр поехал после, посадив сына своего Дмитрия на столе.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ТАТАР НА РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛЕ В 1262 ГОДУ

В лето 1262 избавил бог людей Ростовской земли от лютого томления басурманского и вложил ярость в сердца христианам, не могли дольше терпеть насилия поганых. И созвонили вече, и выгнали басурман из Ростова, из Владимира, из Суздаля и из Ярославля. Ибо те басурмане откупали дань у татар и оттого творили людям великую пагубу. Люди христианские попадали в рабство в ре́зах[3]. И басурмане уводили многие души христианские в разные земли.

---

[1] Вятшие, или лучшие,— зажиточные люди, противопоставляются меньшим, худым или черным людям, городской бедноте.

[2] Городище — место под Новгородом (на правом берегу Волхова), где находился двор новгородского князя, жившего вне города.

[3] Резы — проценты.

В то же лето убили Зосиму, преступника. То был монах образом, но сосуд сатаны, пьяница и сквернослов. Он отрекся от Христа и стал басурманином, вступив в прелесть ложного пророка Магомета. В то лето приехал на Русь злой басурманин Титя́н от царя татарского именем Кутлубе́й. По его наущению окаянный Зосима творил христианам великую досаду, ругался над крестом и святыми церквами.

Когда же люди по городам распалились гневом на своих врагов и восстали на басурман, изгнали их из города, а других убили, тогда и Зосиму, этого скверного беззаконника, законопреступника и еретика́, убили в городе Ярославле. Тело его стало пищей псам и воронам, и ноги его, быстрые на все злое, псы влачили по городу, всем людям на удивление.

ПОВЕСТИ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

В лето 1263 преставился великий князь Александр, сын Ярослава. Скажем же о мужестве и житии́ его.

Я, ничтожный и многогрешный и неразумный, решаюсь писать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Слышал я о нем от отцов своих и был самовидец дея́ний его, потому и рад поведать о честно́й и славной жизни его.

Сей князь Александр родился от князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Рост его был больше других людей, а голос его как труба в народе, лицо же его как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым царем в Египте[1]. Сила же его была частью силы Самсона[2]. И дал

---

[1] Иосиф — герой Библии; за красоту его прозвали Прекрасным. Братья из зависти продали его в рабство в Египет, где фараон, пораженный его мудростью, назначил его вторым царем.

[2] Самсон — библейский герой, славившийся своей сверхъестественной силой.

ему бог премудрость Соломонову, а храбрость царя римского Веспаси́ана[1], который пленил всю землю Иудейскую. Так и князь Александр побеждал, но был непобедим.

Потому и пришел из западных стран некий знатный человек, по имени Андре́яш, один из тех, кто называет себя слугами божиими[2]. Он желал увидеть дивную силу князя Александра. Увидев его, он возвратился к своим и сказал:

— Я прошел многие страны и народы, но не видел такого ни во царях царя, ни во князьях князя.

И услышал король полуночной части римской страны[3] о таком мужестве князя Александра и подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал король силу великую, наполнил множество кораблей полками своими и двинулся в силе тяжкой, дыша духом ратным[4]. И когда он пришел в Неву, шатаясь от безумия, послал он, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря:

— Я уже здесь, пленяю землю твою. Можешь ли противиться мне?

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем и вошел в церковь святой Софии, и пал на колени перед алтарем[5], и начал молиться со слезами:

— Боже великий и крепкий, основавший землю, и положивший пределы народам, и повелевший им жить, не преступая в чужую часть! Рассуди меня, господи, с обидящими

---

[1] Веспасиан — римский император Тит Фла́вий Веспасиан (69—79 годы н. э.), при котором был взят и разрушен Иерусалим.

[2] Слуги божии — рыцари Ливо́нского ордена, учрежденного в 1237 году для покорения Прибалтики, называвшейся тогда Ливо́нией. Андреяш — магистр Ливонского ордена Андре́ас фон Фе́льзен.

[3] Король полуночной части римской страны — шведский король Эрих Картавый. Римской страной назывались все земли католического Запада, подчинявшиеся римскому папе. Полуночная часть — северная часть.

[4] Король Эрих сам не участвовал в походе на Русь. Во главе шведского войска стояли ярл (князь) Би́ргер и ярл Ульф Фа́си.

[5] Алта́рь — жертвенный престол (стол) в восточной части храма.

меня, побори борющихся со мною, возьми оружие и щит, стань в помощь мне!

Окончив молитву, Александр встал и поклонился архиепископу. Архиепископ же благословил его и отпустил. Он же вышел из церкви, утер слезы и начал крепить дружину свою, говоря:

— Не в силе бог, но в правде.

И пошел на врагов с малой дружиной, не дожидаясь, когда соберется вся сила его, но уповая на святую Троицу и крепко веря в помощь святых мучеников Бориса и Глеба[1].

Был некий муж, старейшина в земле Ижорской, по имени Пелгу́сий. Ему была поручена ночная стража морская. Пелгусий принял святое крещение и жил среди своего рода, оставшегося в язычестве. И жил он богоугодно, в среду и в пятницу соблюдая пост. Потому и сподобил его бог увидеть видение страшное в тот день. Расскажем о том вкратце.

Увидел он силу ратную, идущую против князя Александра, и решил рассказать князю о станах их. Стоял он у края моря и следил за путем их и был всю ночь в бдении. И когда начало всходить солнце, услышал он шум страшный на море и увидел насад, плывущий по морю. Посреди насада стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах червлёных[2], положив руки друг другу на плечи. Гребцы же сидели, словно одетые мглою. Сказал Борис:

— Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру.

Видя такое видение и слыша такие слова мученика, Пелгусий стоял в трепете, пока не скрылся насад от очей его.

После этого вскоре приехал Александр, и Пелгусий с радостью в очах рассказал ему одному о видении. Князь же сказал ему:

— Никому не рассказывай сего.

---

[1] О Борисе и Глебе см. на стр. 40.

[2] Червлёный — красный.

И решил Александр напасть на врагов в шестом часу дня [1]. И была сеча велика над римлянами, и избил их Александр бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.

Здесь же в полку Александровом явилось 6 мужей храбрых, которые вместе с ним крепко сражались.

Один — Гаврила Алексич. Он наехал на вражеский шнек [2] и въехал по доске до самого корабля. И побежали враги на корабль от него, а затем обернулись и сбросили с доски вместе с конем в воду. Божьею милостью он вышел из реки невредим и снова наехал на врагов и бился с самим воеводой среди полка их.

Другой — новгородец, по имени Збыслав Якунович. Он много раз нападал на полк их и бился с ними одним топором, не имея страха в сердце своем. И пало несколько человек от руки его. И подивился Александр силе и храбрости его.

Третий — Яков, полочанин, был ловчим [3] у князя. Он наехал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Миша. Он пешим бросился на корабли и погубил 3 корабля с дружиной своей.

Пятый — по имени Савва, был из младшей дружины. Он въехал в великий шатер короля златоверхий и подсек столп его. Полки же Александровы обрадовались, увидев падение шатра.

Шестой был одним из слуг Александра, по имени Ратмир. Он бился пешим, и много врагов окружили его. Он же упал от многих ран и так скончался.

Все это я слышал от господина своего великого князя Александра и от других, кто был тогда в той сече.

И победил Александр короля, а остальные побежали и покидали убитых на корабли и потопили их в море. Князь

---

[1] Часы считались от восхода солнца.

[2] Шнек — ладья.

[3] Ловчий — охотник.

же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творца.

На третий год после победы над королем Александр в зимнее время пошел в великой силе на землю Немецкую, чтобы не похвалялись, говоря: «Посрамим народ славянский».

Уже был тогда град Псков взят[1] и наместники от немцев посажены. Александр же вскоре город Псков взял и немцев иссек, а иных в плен взял и город освободил от безбожных немцев. А землю их повоевал и пожег и полона взял без числа. Другие же города немецкие собрались и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Когда же они приблизились, заметила их стража. Князь же Александр, ополчившись, пошел против них, и сошлись они на Чудском озере. И покрылось озеро Чудское множеством воинов.

Отец же его, Ярослав, прислал ему брата меньшого Андрея на помощь со множеством дружины. Также и у князя Александра было множество храбрых, как в древности у Давида царя[2] сильных и крепких. Так и мужи Александровы исполнились духом ратным, ибо были сердца их, как сердца львов, и сказали они:

— О княже наш честный. Ныне пришло нам время сложить головы свои за тебя.

Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал:

— Суди меня, боже, и рассуди распрю мою с народом высокомерным и помоги мне, господи.

Была тогда суббота. Когда всходило солнце, сошлись обе стороны. И была сеча злая, и треск от ломления копий, и звук от сечения мечей, словно замерзшее озеро двинулось. И не было видно льда, ибо был он покрыт кровью.

Слышал же я от самовидца, который говорил мне:

— Видел я в воздухе полк божий, пришедший на помощь Александру.

---

[1] Псков был взят ливонскими рыцарями в 1240 году.

[2] Давид — царь иудейский.

И так победил он врагов помощью божией. Показали они плечи свои. Он сек и гнал их, словно летел по воздуху, и некуда было им бежать. И прославил бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навйна у Иерихóна [1]. И тех, кто говорил: «Возьмем Александра руками»,— предал бог в руки его. И не было ему равного в брани. И возвратился князь Александр с победою славною. И было множество пленных в полку его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя божьими рыцарями.

И когда приблизился князь к граду Пскову, игумены и попы и весь народ встретили его перед городом с крестами и воздали хвалу богу и пели славу господину князю Александру.

И было прославлено имя его по всем странам до моря Египетского и до гор Араратских, по обоим берегам моря Варяжского [2] и до великого Рима.

В то время был царь сильный в стране восточной [3]. Ему покорил бог многие народы от востока и до запада. Тот царь, услышав, что Александр так славен и храбр, послал к нему послов и сказал:

— Знаешь ли ты, Александр, что бог покорил мне многие народы? Ты ли один не хочешь покориться мне? Но если хочешь уберечь землю свою, то приезжай скорей ко мне и увидишь честь царства моего.

Князь же Александр по смерти отца своего приехал во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его. И промчалась весть о нем до устья Волги.

И начали жены моавитянские [4] пугать детей своих, говоря:

---

[1] Иисус Навин — иудейский полководец, овладевший городом Иерихоном, стены которого пали, по Библии, от звука труб Навина.

[2] Море Варяжское — Балтийское море.

[3] Хан Батый.

[4] Моавитяне — см. сноску на стр. 69; автор повести называет моавитянками татарских женщин.

— Александр едет!

Подумал князь Александр с дружиной своей, и благословил его епископ Кирилл, и поехал он к царю в Орду.

Увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим:

— Истину мне сказали: нет подобного этому князю.

Почтил его царь и с честью отпустил.

Было тогда великое притеснение от иноплеменников, и сгоняли они христиан, веля им воевать вместе с ними. Князь же великий Александр пошел к царю, дабы отмолить людей от беды той. И возвратился он из Орды от царя, и остановился в Нижнем Новгороде, а дойдя до Городца́[1], разболелся.

О, горе тебе, бедный человек! Как можешь ты написать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не разорвется сердце твое от печали! Отца человек может забыть, а доброго господина не может. Если бы мог, в гроб лег бы с ним.

И так богу дух свой предал с миром месяца ноября в 14 день. Митрополит же Кирилл сказал:

— Чада мои! Разумейте, зашло солнце земли Суздальской.

Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди говорили:

— Уже погибаем!

Святое же тело его понесли к городу Владимиру. Митрополит, князья и бояре и весь народ, малые и великие, встречали его в Боголюбове со свечами и кади́лами. И были вопль и кричание и тоска, как никогда не бывало, и земля сотрясалась. Положено же тело его в церкви Рождества святой Богородицы 24 ноября[2].

---

[1] Городец — город на Волге.

[2] Белокаменный собор Рождества Богородицы, построенный в 1192—1195 годах князем Всеволодом Большое Гнездо, не сохранился.

СКАЗАНИЕ О БЛАГОВЕРНОМ КНЯЗЕ ДОВМОНТЕ И О ХРАБРОСТИ ЕГО

В лето 1265 поднялась усобица в Литве. Как и всегда бывает, между князьями начались брани многие и кровопролитья о суетном царстве света сего.

Тогда блаженный князь До́вмонт с дружиною своею и со всем домом своим оставил отечество свое, землю Литовскую, и прибежал в Псков. Сей же князь Довмонт от племени литовского прежде служил идолам[1] по отеческому обычаю, но бог пробудил его словно ото сна от идольского служения, и был он крещен в церкви святой Троицы[2], и наречено было имя ему в святом крещении Тимофей. И была радость велика в Пскове, и посадили его на княжение в городе Пскове.

А через несколько дней, взяв с собою псковичей, ратных мужей, три девяноста, пошел Довмонт в землю Литовскую и отечество свое повоевал и возвратился со множеством полона. И, перейдя вброд Двину, отъехал за 5 верст, и поставил шатры в бору чистом, а стражу поставил на реке на Двине. Два же девяноста мужей отпустил с полоном, а с одним девяноста сам остался, ожидая за собой погони.

Литовских же князей тогда дома не было, и когда они приехали в до́мы свои, то увидели, что до́мы их и вся земля разорены. И ополчились литовские князья со семью стами ратников и погнались вслед Довмонту, желая его руками схватить и лютой смерти предать, а мужей его псковичей мечами иссечь. И, перейдя Двину реку, стали на берегу. Стража же Довмонта, увидев рать великую, примчавшись, поведала о том. Довмонт же сказал:

— Братья, мужи-псковичи, кто стар — будь мне отец, а кто млад — будь мне брат. Слышал я про мужество ваше во

---

[1] **Идол** — изваяние языческого бога. Довмонт был язычником, как большинство литовцев в то время.

[2] **Церковь святой Троицы** — главный храм Пскова; по его имени Псков назывался домом св. Троицы.

всех странах. Нынче предстоит вам жизнь или смерть. Братья мои, сразимся за дом святой Троицы и за святые церкви, за свое отечество.

И, сказав так, двинулся вперед, и с божией помощью с одним девяносто победил 700 ратных.

Тогда убит был один псковитин, а иные все без вреда сохранены были. И возвратились с радостью к городу Пскову со многою корыстию[1].

После того благоверный князь Довмонт испросил у великого князя Дмитрия Александровича[2] дочь его княгиню Марью замуж за себя.

На другой год князь Довмонт с мужами своими псковичами пошел на помощь тестю своему великому князю Дмитрию на немцев и бился у Ра́ковора[3] и победил.

Через несколько дней после того собрался остаток поганых латинян[4] и, придя тайно, взял несколько окраинных псковских сел и ушел вскоре. Боголюбивый же князь Довмонт не стерпел обиды от нападения поганых немцев, выехал в погоню в 5 насадах с 60 мужами-псковичами и божиим пособием победил 800 немцев на реке на Мироповне, иных иссек, а иных потопил в воде, а 2 насада немецких бежали к острову. Князь же Довмонт, подъехав, повелел зажечь остров, и когда начали поганые бегать по горящей траве, вспыхнули волосы их и одежды, и так победил их Довмонт.

Услышав про мужество князя Довмонта, ме́стер земли Рижской[5] собрал многих воинов своих и, ополчившись в силе тяжкой без бога, пришел ко Пскову. Одни шли на ко-

---

[1] То есть с добычею.

[2] Дмитрий Александрович — сын Александра Невского.

[3] Раковор — орденский замок Ве́зенберг в эстонском городе Ра́квере, недалеко от Таллина.

[4] Латиняне — немцы-католики, у которых церковная служба была на латинском языке.

[5] Местер земли Рижской — магистр Ливонского ордена.

нях, а иные в кораблях и в ладьях и с пороками, желая пленить дом святой Троицы, а князя Довмонта руками схватить, а мужей-псковичей мечами иссечь, а мирных людей, жен и детей, пленив, в работу [1] вести.

Услышав о том, Довмонт вошел в церковь святой Троицы и положил меч свой перед алтарем господним и, пав на колени, молился много. Игумен же Сидор и весь иерейский чин [2], взяв меч и препоясав князя Довмонта, благословили его. Довмонт же во множестве ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, выехал с малою дружиною с мужами-псковичами против них. И помощью святой Троицы победил их у святого Петра и Павла на брéзе [3], одних избил, а других ранил, а иные бросались с берега с кручи, а самого кумендéра [4] ранил по голове, а вéлиевцев [5] нескольких руками взял, а прочие вскоре побросали оружие и устремились в бегство, гонимые страхом грозы и мужества Довмонтова и мужей-псковичей.

И был тогда в Пскове мор очень злой. Тогда и благоверный князь Довмонт, недолго поболев, преставился к богу в вечную жизнь. И провожали его священноиноки и священники и диаконы, монахи и чернорizцы и все множество людей. И положили святое и честнóе его тело в церкви святой Троицы с похвалами и песнями духовными. Была же печаль и жалость тогда велика псковичам.

---

[1] То есть в рабство.

[2] Иерейский чин — высшее духовенство.

[3] Церковь Петра и Павла на брезе (берегу), или с бую, стоит на крутом берегу реки Псковы́.

[4] Кумендер — командóр, военачальник рыцарей.

[5] Велиевцы — рыцари орденского замка Фéллин, построенного в эстонском городе Ви́льянди.

ВОССТАНИЕ В НОВГОРОДЕ ПРОТИВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

В лето 1270 был мятеж в Новгороде: начали изгонять князя Ярослава[1] из города и созвонили вече на Ярославлем дворе, и убили Иванка. А другие приятели князя вбежали в церковь святого Николы. А наутро к князю на Городище побежали тысяцкий Ратибо́р, Гаврило Киянинов и другие. Тогда новгородцы разграбили их домы и хоромы разнесли, а к князю послали на Городище, записав на грамоту всю вину его.

— Зачем ты отнял Волхов для своих ловцов го́голей[2], а поле отнял для ловцов на зайцев? Зачем взял Олексин двор? Зачем захватил серебро у бояр? И потом, зачем выводишь от нас иноземцев, которые у нас живут?

И того много вины его.

— А нынче, княже, не можем терпеть твоего насилья. Поеди от нас, а мы себе князя промыслим.

Князь же прислал на вече двух бояр с поклоном:

— От того от всего я отрекаюсь, а крест целую на всей воле вашей.

Новгородцы же отвечали:

— Княже, поезжай прочь, не хотим тебя. Или весь город прогонит тебя.

Князь же пошел из города поневоле. Новгородцы же послали по князя Дмитрия Александровича. Дмитрий же отрекся, сказав так:

— Не хочу взять стола перед стры́ем своим.

И были новгородцы опечалены. А Ярослав начал полки копить на Новгород и послал Ратибора к царю татарскому, прося помощи против Новгорода.

---

[1] Ярослав Ярославич — брат Александра Невского, тверской князь, был приглашен новгородцами в 1264 году после изгнания сына Александра Невского — Дмитрия, сидевшего на столе в Новгороде с 1257 года.

[2] Гоголь — дикая утка.

Услышав это, князь Василий Ярославич[1] послал послов в Новгород и сказал так:

— Кланяюсь святой Софии и мужам новгородским. Слышал я, что идет Ярослав на Новгород со всею силою своею, и Дмитрий с переяславцами, и Глеб со смольнянами. Жаль мне своей отчины.

Василий поехал в Татары, взяв с собой Михаила Пинещи́нича, и возвратил татарскую рать, так сказав царю:

— Новгородцы правы, а Ярослав виноват.

Ибо царь уже отпустил рать на Новгород по лживому слову Ратибора. Ведь Ратибор сказал царю:

— Новгородцы тебя не слушают. Мы дани просили для тебя, а они нас выгнали, а других убили, а домы наши разграбили, а Ярослава обесчестили.

Новгородцы же поставили острог около города по обе стороны, а товары ввезли в город. И примчались сторо́жи Ярославлевы чуть не к Городищу. И вышел весь город в оружии от мала до велика к Городищу и стояли 2 дня пешие и конные.

Узнав о том, Ярослав пошел в Ру́су[2] и сел в Русе, а в Новгород прислал Творимира со словами:

— Я отказываюсь от всего, за что вы невзлюбили меня. И князья все за меня в том поручатся.

Новгородцы же послали к нему Лазаря Моисеевича, веля сказать:

— Княже, задумал ты зло против святой Софии. Поезжай прочь, мы готовы помереть честно за святую Софию. У нас нету князя, но бог и правда, и святая София, а тебя не хотим.

И собралась в Новгороде вся волость Новгородская, псковичи, ладожане, корела, ижора, вожане, и пошли в Го́лино[3]

---

[1] Василий Ярославич — князь костромской, брат Александра Невского.

[2] Руса — ныне Старая Руса, город в Новгородской области.

[3] Голино — село близ Новгорода, у устья реки Шелони.

от мала и до велика и стояли неделю на броде, а полк Ярослава стоял по ту сторону. И прислал митрополит грамоту в Новгород, сказав так:

— Мне поручил бог архиепископию в Русской земле. Вы должны слушать бога и меня. Крови не проливайте, а Ярослав отказывается от всех своих злых дел, за то я поручаюсь.

И не дал бог кровопролитья. Прислал Ярослав с поклоном в новгородский полк и взял мир на всей воле новгородской. И посадили Ярослава и подводили его к кресту.

ВОССТАНИЕ В ТВЕРИ[1] ПРОТИВ ТАТАР В 1327 ГОДУ

Въ лѣ ЅѾЛЄ · 6835 · 1327

В лето 1327, сентября 15 убили в Орде двух князей: Дмитрия Михайловича Тверского да князя Александра Новосильского[2] в один день и на одном месте.

Того же лета князю Александру Михайловичу дано княжение великое, и пришел Александр из Орды и сел на великое княжение.

Вскоре за умножение грехов наших дьявол вложил злую мысль безбожным татарам. Стали они говорить беззаконному царю[3]:

— Если ты не погубишь князя Алекса́ндра и всех князей русских, то не будешь иметь власти над ними.

---

[1] Тверь — ныне город Калинин.

[2] Дмитрий Михайлович был великим князем тверским с 1319 по 1326 год и получил прозвище Грозные Очи. Александр Новосильский — один из потомков Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в Орде в 1246 году.

[3] Золотоордынскому хану Узбе́ку.

И беззаконный и треклятый всему злу начальник Шевка́л[1], разоритель христиан, отверз скверные свои уста и начал говорить, дьяволом учим:

— Господине царю, если мне велишь, я пойду на Русь и разорю христианство, а князя их убью, а княгиню и детей к тебе приведу.

И повелел ему царь сделать так. Беззаконный же Шевкал, разоритель христианский, пошел на Русь с многими татарами и пришел в Тверь, и прогнал князя великого Александра Михайловича со двора его, а сам стал на дворе великого князя со многою гордостью и яростью и воздвиг гонение великое на христиан насильством, и граблением, и битьем, и поруганием. Люди же городские тверичи повсегда терпели оскорбления от поганых, и жаловались они много раз великому князю Александру Михайловичу, дабы он их оборонил. Он же видел озлобление людей своих, но не мог их оборонить и велел им терпеть. А тверичи не терпели этого и искали только подходящего времени.

И было это 15 августа месяца ранним утром, когда торг собирается. Некий диакон тверитин, прозвище ему Дудко, повел кобылицу молодую и очень тучную на водопой на Волгу. Татары же, увидев это, отняли ее. Тогда диакон начал громко кричать:

— О мужи тверские, не выдавайте!

И был между ними бой.

Татары, надеясь на свое самовластие, начали сечь, и тотчас стеклись люди, и пришли в смятение, и ударили во все колоколы, и стали вечем, и поднялся град весь. Весь народ тотчас собрался, и восстали все. И кликнули тверичи и начали избивать татар, где кого поймают, всех подряд, пока самого Шевкала не убили. Били всех подряд, не оставили и вестника, кроме пастухов, которые в полях пасли табуны коней. Те схватили лучших жеребцов и скорей бежали на Москву, а оттуда в Орду и там возвестили кончину Шевкала.

---

[1] Чол-хан, двоюродный брат Узбека.

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

В лето 1326 заложена была первая церковь каменная на Москве, на площади, во имя святой Богородицы — честна́го ее Успения — преосвященным Петром-митрополитом и благоверным князем Иваном Даниловичем. Преосвященный же Петр-митрополит создал себе своими руками гроб каменный в стене, где повелел, чтобы потом он положен был и где и ныне лежит.

В лето 1327 убит был Шевкал. И то услышав, беззаконный царь на зиму послал рать на землю Русскую, 5 темников, а воевода Федорчу́к. А людей множество погубили, а иных в плен повели. А Тверь и все города огнем пожгли.

Великий же князь Александр Михайлович, не терпя безбожные их крамо́лы, оставил княжение русское и все отечество свое и пошел в Псков с княгинею и с детьми своими и был в Пскове.

Того же лета освящена была церковь каменная на Москве во имя святые Богородицы и честна́го ее Успения[1] месяца августа в 14 день, в канун Госпо́жина дня[2].

Того же лета убили князя Ивана Ярославича Рязанского. Великий же Спас[3], милостивый человеколюбец господь, своею милостию заступил благоверного князя великого Ивана Даниловича и его град Москву и всю отчину от иноплеменников, поганых татар.

А князь Константин[4] с братом со князем с Василием и с

---

[1] Ни один из храмов, построенных Иваном Калитой, не сохранился. На их месте стоят соборы XV—XVI веков.

[2] **Госпожин день** (от «госпожа») — богородичный праздник.

[3] **Спас** — собор Спаса в Твери, олицетворявший город Тверь.

[4] **Константин** — брат Александра Михайловича Тверского.

матерью и с боярами приехал в Тверь, помолился великому Спасу и всем церквам, желая, дабы в них молитва опять была, а кто убежал от безбожных татар, те бы опять были по своим местам, и укрепил их всех любовию.

Влѣ ЅѠЛЅ · 6836 · 1328

В лето 1328 сел Иван Данилович на великом княжении всея Руси, и была с тех пор тишина велика на 40 лет, и перестали поганые воевать Русскую землю и убивать христиан, и отдохнули христиане от великой истомы и многой тягости и от насилия татарского, и была с тех пор тишина велика по всей Русской земле.

В лето 1329 князь великий Иван Данилович пошел ратью к Пскову на князя Александра Михайловича и вернулся с пути.

Месяца мая в 21 день основана была церковь каменная на Москве во имя святого Ивана Ле́ствичника. Того же лета и совершена была и освящена.

В лето 1330 месяца мая в 10 день благоверный князь великий Иван Данилович заложил церковь каменную на Москве, во имя святого Спаса, честна́го его Преображения, близ своего двора. И велел быть тут монастырю, и собрал черноризцев, и возлюбил монастырь тот больше иных монастырей. И часто приходил в него молитвы ради и много милостыни подавал монахам, живущим там, еду и питье и одежду. И оброки и всякие требования неоскудно и льготу многую творил им, дабы никто не обидел их. И церковь ту украсил иконами, и книгами, и сосудами, и всяким узорочьем. И привел туда первого архимандрита Иоанна, мужа сановитого и разумевшего говори́ть по книгам.

В лето 1331 месяца мая в 3 день был пожар на Москве и погорел город Кремник[1].

В лето 1332 была в земле Русской дороговизна и голод хлебный и скудость всякого жита.

В лето 1333 благоверный князь великий Иван Данилович создал церковь каменную на Москве во имя святого архангела Михаила. В одно лето начата была и кончена.

В ту же зиму приведена была князю Семену Ивановичу княжна из Литвы именем литовским Августа, и крестили ее, и нарекли имя ей в святом крещении Настасия. И был брак на Москве велик, свадьба князю Семену. А князь Семен был тогда 17-ти лет.

В лето 1341 преставился князь великий всея Руси Иван Данилович, внук великого Александра, правнук великого Ярослава, в чернецах и в схиме месяца марта в 31 день. А в гроб положен месяца апреля в 1 день в церкви святого архангела Михаила, которую он создал в своей отчине на Москве.

ЗАВЕЩАНИЕ МАГНУША, СВЕЙСКОГО КОРОЛЯ[2]

Я, князь Магнуш, отходя от сего света, пишу при жизни завещание. Приказываю детям своим и братьям своим и всей Свейской земле: не наступайте на Русь на целовании[3], потому как вам не будет удачи. Прежде других поднялся князь Биргер, и когда он вошел в Неву, встретил его князь Александр на Ижоре-реке, самого прогнал и полки

---

[1] Кремник — Кремль.

[2] Ма́гнуш — шведский (свейский) король Ма́гнус Эриксо́н (1316—1374).

[3] То есть во время мира, когда целовали крест, не переступать границ.

побил. Потом брат мой князь Маскалка, войдя в Неву, город поставил на Охте на реке [1] и мужей посадил, а сам пошел за море. И пришел князь Андрей [2] с новгородцами, город взял, а мужей побил. И потом было нам размирье с Русью 40 лет. А через 40 лет мы заключили на Неве мир вечный с князем Юрием [3] и земли и воды разделили, договорились, кому чем владеть, и грамоты написали и печати наложили. А потом через 30 лет я, князь Магнуш, с тем не посчитался, поднялся со всею землею Свейскою и, войдя в Неву, взял город Орехов [4] и мужей своих там посадил, а сам пошел за море. Потом пришли новгородцы, город свой взяли, а мужей моих побили. И я, с тем не посчитавшись, пошел снова через год к Орехову со всею Свейскою землею. И встретила меня весть, что новгородцы под Ореховом. И я пошел под Копо́рье [5] и ночь ночевал под Копорьем. И весть ко мне пришла, что идут новгородцы. И я, услышав это, побежал прочь и поро́ки посек и побежал по морю. Когда валы на море — парусов не знать. Встала буря сильная и потопила много рати моей у устья Наро́вы. И пошел я в свою землю с остатком рати, и с того времени напала на нашу землю Свейскую горькая по-

---

[1] Город на реке Охте — Венец земли (Ла́ндскрона), поставлен шведами в 1300 году; во времена Петра I вошел в черту Петербурга.

[2] Князь Андрей — брат Александра Невского, взял город в 1301 году.

[3] Великий князь Юрий Данилович, брат Ивана Калиты, заключил вечный мир со шведами на Ореховом острове в 1323 году.

[4] Город Орехов на Ореховом острове в реке Неве — ныне Петрокрепость. Поставлен великим князем Юрием Даниловичем в 1324 году, был взят шведами в 1348 году и отобран обратно новгородцами в том же году.

[5] Копорье — ныне город в Ленинградской области. Впервые крепость в погосте Копорье была построена немцами в 1240 году, в следующем году Копорье взял Александр Невский. В 1279 году сын Невского, Дмитрий Александрович, с новгородцами поставил деревянную крепость в Копорье. В 1296 году здесь была сложена новгородцами каменная крепость.

гибель: мор сильный, и голод был, и сеча междоусобная. У меня самого отнял бог разум, и сидел я в палате[1] год, прикован к стене цепью железной. И потом приехал сын мой Сакун из Мурманской земли и вынул меня из палаты и повез в свою землю Мурманскую. И тут случилась опять буря, корабль мой и людей потопил ветер, а сам я пригвоздился ко дну корабля острием меча и так плавал 3 дня и 3 ночи. И принес меня бог под монастырь святого Спаса в Полную реку. И сняли меня чернецы с доски, и принесли меня в монастырь, и постригли меня в чернецы и в схиму. И оставил меня господь живым 3 дня и 3 ночи. То меня бог всем этим казнил за мое высокоумье, что я наступал на Русь на крестном целовании. И ныне приказываю детям своим и братьям своим и всей Свейской земле: не наступайте на Русь на крестном целовании. А кто наступит на крестном целовании, против того будет бог и крест животворящий, и сила господня, и огонь, и вода, и казнь, которою казнил меня бог за мое злосердство и высокоумство.

БИТВА ПРИ РЕКЕ ПЬЯНЕ[2]

В лето 1377 прибежал из Синей Орды[3] за Волгу некий царевич, именем Ара́пша, и захотел идти ратью к Новгороду к Нижнему. Князь же Дмитрий Константинович послал весть к зятю своему, к князю великому Дмитрию Ивановичу[4]. Князь же великий Дмитрий Иванович собрал воинов много и пошел ратью к Новгороду к Нижнему в силе

[1] Палата — здесь: темница.

[2] Река Пья́на — приток Суры.

[3] Синяя Орда (Ак-Орда) занимала степи в Казахстане и Западной Сибири.

[4] Князь Дмитрий Иванович — будущий Донской. Дмитрий Константинович — его тесть, князь нижегородский и суздальский.

тяжкой. И не было вести про царевича Арапшу, и возвратился князь Дмитрий Иванович на Москву и послал на татар воевод своих, а с ними рать Владимирскую, Переяславскую, Юрьевскую, Муромскую, Ярославскую. А князь Дмитрий Суздальский послал сына своего князя Ивана да князя Семена Михайловича, а с ними воевод и воинов многих. И была рать велика. И пошли за реку за Пьяну.

И пришла к ним весть:

— Царевич Арапша на Волчьей Воде.

Они же оплошали и небрежно ходили, доспехи свои на телеги свои сложили, а иные в сумы́. А у иных су́лицы[1] еще не насажены были, а щиты и копья не приготовлены. А ездят, одежды свои с плеч спустив, а петли расстегнув, будто в бане разопрев, было им жарко, ибо было в то время знойно. А где находили мед или пиво — выпивали допьяна, без меры, и ездят пьяные, воистину за Пьяною пьяны.

А князья их и бояре старейшие, и вельможи, и воеводы, те все поехали на охоту, утеху себе творили, думая, что дома.

А в то время князья мордовские подвели тайно рать татарскую из Мамаевой орды[2] на князей наших, а наши князья не ведали, им о том вести не было. А поганые быстро разделились на 5 полков и внезапно неизвестно откуда ударили на нашу рать в тыл, били и кололи и секли. Наши же не успели ничего им сделать и побежали к реке к Пьяне, а татары за ними, избивая их. И тут убили князя Семена Михайловича и множество бояр. Князь же Иван Дмитриевич прибежал в испуге к реке к Пьяне, никем не гонимый, и бросился на коне в реку и тут утонул. И с ним утонуло в реке множество бояр и слуг и народа без числа.

Это зло случилось месяца августа во 2 день в воскресенье в 6 часов дня.

---

[1] Сулица — короткое метательное копье.

[2] Орда Мамая, темника татарского, кочевала за Волгой.

Татары же одолели христиан и стали на костях[1], полон весь и награбленное тут оставили, а сами пошли к Новгороду к Нижнему изгóном[2] без вести. У князя Дмитрия Константиновича не было силы стать против них на бой, и побежал он в Суздаль, а люди и горожане новгородские разбежались по Волге к Городцý. Татары же, придя к Новгороду к Нижнему в среду, оставшихся людей и горожан перебили и город весь, и церкви, и монастыри пожгли. Сгорело в городе 32 церкви. И отошли поганые иноплеменники от города в пятницу, волости новгородские воюя, а села сжигая, и множество людей иссекли, а жен и девиц в полон повели без числа.

О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ[3]

В **лето 1378** ордынский князь поганый Мамай послал Бегича ратью на Дмитрия, князя московского. Князь же Дмитрий со своими воинами пошел против них. Переехав за Оку, он вошел в землю Рязанскую и встретился с татарами у реки Вóжи. И стояли, промеж собою реку Вожу имея. Через несколько дней татары переехали на эту сторону и ударили по коням своим и поскакали быстро, понукая их криками своими. И ударили на них с одной стороны Тимофей окóльничий[4], а с другой — князь Данило Пронский, а князь великий ударил в лицо. Татары же в тот же час повернули копья свои и побежали за реку за Вожу, а наши пошли за ними, секли их и кололи. И убили их множество, а иных в реке истопили.

Тут наступил вечер, и зашло солнце, и смеркнулся свет,

---

[1] Победитель оставался на поле боя на «костях» побежденных.

[2] **Изгоном** — внезапным набегом.

[3] **Река Вожа** — правый приток Оки, впадает недалеко от Рязани.

[4] **Тимофей окольничий** — Тимофей Васильевич Вельяминов; один из героев, павших на Куликовом поле в 1380 году.

и настала ночь, и наступила тьма. И нельзя было гнаться за ними за реку. А на другое утро был туман великий. Татары же бежали с вечера и всю ночь.

Назавтра перед обедом князь Дмитрий пошел за ними по следу их и узнал, что они убежали далеко. Он нашел в поле поверженные дворы их и шатры их, и вежи их, и лачуги их, и телеги их, а в них добра без числа, все брошено, а самих не нашел, ибо они побежали в Орду. И, захватив все татарское богатство, возрадовался и возвратился каждый восвояси с добычею и радостью. Было же побоище это месяца августа в 11 день в среду к вечеру.

О ПОБОИЩЕ НА ДОНУ И О ТОМ, КАК ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ БИЛСЯ С ОРДОЮ

Въ лѣто ЅѾПИ · 6888 · 1380

В лето 1380 осенью поднялся ордынский князь Мамай с единомышленниками своими и со всеми прочими князьями ордынскими и со всею силою татарскою и половецкою[1], да еще к тому же рати нанял басурман, армян, фря́гов, черкесов, ясов и бурта́сов[2]. Также с Мамаем вместе в единомыслии, в единой думе был и литовский Яга́йло со всею силою литовской и лятскою. С ними же в согласии был князь Олег Иванович Рязанский.

Окаянный же Мамай, разгордившись и возомнив себя ца-

---

[1] Упоминание о половцах связано с летописной традицией.

[2] Фряги — итальянцы из итальянских колоний в Крыму: из Ка́фы (Феодосии) и Су́рожа (Судака). Буртасы — народы, жившие в среднем течении реки Волги.

рем, начал злой совет собирать, темных[1] своих князей поганых созывать. И сказал им:

— Пойдем на русского князя и на всю силу русскую, как при Батые было, христианство уничтожим и церкви божии спалим, и кровь их прольем, и законы их погубим.

Ибо нечестивый люто гневался за своих друзей и любимцев за князей, убитых на реке на Воже.

И учинил старый злодей Мамай совет нечестивый с поганою Литвою и с душегубцем Олегом, чтобы стать им у реки у Оки на Семенов день[2] на благоверного князя.

Был август месяц. Пришли из Орды вести христолюбивому князю, что поднимается на христиан измаильтянский род. Олег же, отпадший уже от бога, ибо в злой союз вошел с погаными, послал к князю Дмитрию весть лживую:

— Мамай идет со всем своим царством в мою землю Рязанскую на меня и на тебя. И пусть будет тебе ведомо, что и литовский Ягайло идет на тебя со всею силою своею.

Дмитрий же князь, услышав невеселую ту годи́ну[3], что идут на него все царства, творящие беззаконие, сказал:

— Наша рука еще высока.

И пошел в соборную церковь Матери божьей Богородицы[4] для молитвы. Встав от молитвы, вышел он из церкви и послал по брата своего Владимира[5] и по всех князей русских, и по воеводы великие. И сказал брату своему Владимиру и всем князьям русским и воеводам:

---

[1] Темные князья — игра слов: темный — как противоположность «светлому», «истинному», и темный — темник, начальник над тьмою (10 000 воинов).

[2] Семенов день — 1 сентября, когда начинался по старому летосчислению новый год.

[3] Година — час, время.

[4] Соборная церковь — Успенский собор в Московском Кремле, построенный при Иване Калите. На его месте в настоящее время стоит Успенский собор, построенный при Иване III.

[5] Владимир Андреевич — князь серпуховской и боровский, двоюродный брат князя Дмитрия Ивановича. Его отец — младший сын Ивана Калиты.

— Пойдем против того окаянного и безбожного, нечестивого и темного сыроядца Мамая, за правую веру христианскую, за святые церкви и за всех младенцев и старцев, и за всех христиан.

И, соединившись со всеми князьями русскими и со всею силою, пошел он против них быстро из Москвы, желая оборонять свою отчину. И пришел он в Коломну и собрал воинов своих 150 тысяч, кроме войска князей и воевод местных. От начала мира еще не бывало такой силы у русских князей, как при этом князе. Да еще к тому же подоспели в ту пору военную издалека великие князья Ольге́рдовичи, чтобы поклониться и послужить: князь Андрей полоцкий с псковичами и брат его князь Дмитрий [1] брянский со всеми своими мужами.

В то время Мамай стоял за Доном, буйствуя, и гордясь, и гневаясь со всем своим царством, и стоял 3 недели. Князю Дмитрию пришла другая весть, что Мамай за Доном собрался и в поле стоит, ожидая к себе на помощь Ягайла с литвою, чтобы, когда соберутся вместе, победу одержать сразу. И начал Мамай посылать к князю Дмитрию, выхода [2] просить, как было при Чанибеке [3] царе, а не по своему соглашению. Христолюбивый же князь, не желая кровопролития, хотел ему выход дать по христианской силе и по своему соглашению, как он соглашался с ним. А он не захотел, но думал высокомерно, ибо ожидал своего нечестивого сообщника Ягайла литовского. Олег же, отступник наш, присоединившийся к зловерному и поганому Мамаю и нечестивому

---

[1] **Андрей и Дмитрий** — старшие братья князя литовского Ягайла, сыновья Ольгерда, великого князя литовского. Таким образом, старшие братья Ольгердовичи выступали на стороне московского князя, а младший Ягайло — на стороне Мамая.

[2] **Выход** — дань.

[3] **Хан Джанибек** (1342—1357). При нем русские князья платили бо́льшую дань, чем та, которую выговорил князь Дмитрий Иванович у Мамая.

Ягайлу, начал выход ему давать и силу свою посылать к нему на князя Дмитрия.

Дмитрий же пошел к Пречистой [1] и к епископу Герасиму и сказал ему:

— Благослови меня, отче, пойти против окаянного этого сыроядца Мамая, и нечестивого Ягайла, и отступника нашего Олега, отступившего от света в тьму.

Святитель же Герасим благословил князя и всех воинов его пойти против нечестивых агарян. И пошел он из Коломны с великою силою против безбожных татар месяца августа 20, уповая на милосердие божие и на пречистую его матерь Богородицу на присnодеву Марию, призывая на помощь честной крест. И, пройдя свою отчину, великое свое княжение, стал он у Оки на устье Лопáсни [2], перенимая вести от поганых. Тут приехал Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич [3], и все воины остальные, что были оставлены на Москве. И начали они перевозиться за Оку за неделю до Семенова дня в день воскресный и, переехав за реку, вошли в землю Рязанскую. И сам князь в понедельник перешел брод со своим двором [4], а на Москве у великой княгини у Евдокии и у сыновей своих, у Василья и у Юрья, и у Ивана оставил воеводу своего Федора Андреевича [5].

Когда услышали в городе Москве, и в Переяславле, и в Костроме, и во Владимире, и во всех городах великого князя и всех князей русских, что пошел за Оку князь великий, на стала в городе Москве туга велика, и по всем его пределам был плач горький, и рыдания, и слышно было, словно Ра-

---

[1] Пречистая — Успенский собор в городе Коломне, построенный князем Дмитрием Ивановичем в 1380 году.

[2] Лопасня — приток Оки.

[3] Тимофей Васильевич — Вельяминов (см. стр. 118).

[4] Двор — дворовое войско, личное войско князя.

[5] Федор Андреевич — боярин Кошка, родоначальник бояр Романовых.

хи́ль[1] оплакивает чад своих с великим рыданием и воздыханием, не желая утешиться, так как пошли они с великим князем за всю землю Русскую на острые копья. Да и кто не заплачет, слыша рыдания тех жен и горький их плач? Ибо, глядя на детей своих, каждая из них сама говорила: «Увы мне, бедные наши чады! Лучше было бы нам, если бы вы не родились, мы не страдали бы от горькой печали из-за вашей гибели. Чем мы виноваты в погибели вашей?»

Великий же князь пришел к реке к Дону за 2 дня до Рождества святой Богородицы[2]. И тогда подоспела грамота от преподобного игумена Се́ргия[3] и от святого старца благословение. В ней было написано благословение биться с татарами:

— Чтобы ты, господине, пошел, а поможет тебе бог и святая Богородица.

Князь же начал полки ставить и одевал их в одежду их праздничную, как великих ратников, а воеводы ополчили свои полки. Пришли они к Дону и стали там и долго думали. Одни говорили:

— Пойди, княже, за Дон.

А другие:

— Не ходи, ибо умножились враги наши, не только татары, но и Литва, и рязанцы.

Мамай же, услыхав о приходе князя к Дону, разъярился взором, и помутился умом, и распалился лютою яростью, как а́спида[4] некая, гневом дышащая. И сказал Мамай:

— Двиньтесь, силы мои темные, и власти, и князья, пойдем и станем у Дона против князя Дмитрия, пока не подоспеет к нам сообщник наш Ягайло со своею силою.

[1] Рахиль — мать, «плачущая о чадах (детях) своих, ибо их нет», распространенный в христианской поэзии образ неутешной матери, заимствован из книги пророка Иеремии, одной из книг Библии.

[2] Праздник Рождества Богородицы — 8 сентября по старому стилю.

[3] Сергий — основатель и первый игумен Троицкого монастыря, расположенного в 71 километре от Москвы (город Загорск).

[4] Аспид (греческое слово) — змея.

Велел князь Дмитрий мосты мостить на Дону и о бродах разузнавать в ту ночь в канун праздника пречистой матери божьей Богородицы.

Наутро в субботу рано, месяца сентября в 8 день в самый праздник, в Госпожин день, когда восходило солнце, был туман велик по всей земле, не было света от утра до третьего часа. И повелел господь тьме отступить и дал свету прийти.

Князь великий исполчил свои полки великие, и все его князья русские свои полки устроили, и великие его воеводы облачились в одежды праздничные. Перешли они скоро Дон, лютый и свирепый, будто основание земли сдвинулось от множества воинов. Когда князь перешел за Дон в поле чистое, в Мамаеву землю, на устье Непря́двы[1] господь бог один вел его, и не было с ним бога чужого.

О крепкая и твердая дерзость мужества! О, как великий князь не убоялся, не дрогнул от такого множества народа ратного! Ведь на него встали 3 земли, 3 рати: первая — татарская, вторая — литовская, третья — рязанская. Но он не убоялся, не устрашился, но верою в бога вооружившись и силою честнаго креста укрепившись и молитвами пресвятой Богородицы оградившись, богу помолился со словами:

— Помоги мне, господи, боже мой! Многие встали на меня, многие борются со мною, многие гонят меня, досаждают мне! Все народы встали на меня. Именем господним я противился им[2].

Был шестой час дня, начали появляться поганые измаильтяне в поле. Было поле чисто и очень велико. И там исполчились татарские полки против христиан. И тут встретились полки, и, великие силы увидев, пошли. И земля гудела, горы и холмы тряслись от множества бесчисленных воинов. Извлекли они оружие обоюдоострое. И стали орлы собираться, как писано: «Где трупы, там и орлы».

---

[1] Н е п р я д в а — правый приток Дона, в Тульской области.

[2] Летописец вкладывает в уста князя Дмитрия слова из Псалтыри, одной из поэтических книг Библии.

Когда пришло время, начали съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам великий князь впереди в сторожевых полках наехал на поганого царя, нареченного дьявола Мамая. Потом, недолго спустя, отъехал князь в великий полк.

И вот пошла великая рать Мамаева и вся сила татарская, а великий князь Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, изрядив полки, пошел против поганых со всеми своими ратниками. И, взглянув на небо умильными очами, вздохнув из глубины сердца, сказал слова псалма́:

— Братья, бог нам — прибежище и сила.

И тотчас сошлись надолго обе силы великие и покрыли полки поле на 10 верст множеством воинов. И была сеча зла и велика, и брань крепка, сотрясение земли великое. От начала мира не бывало такой сечи великим князьям русским, как этому великому князю всея Руси.

Бились они от шестого часа до девятого. Как дождевая туча, проливалась кровь и русских сынов и поганых. Множество бесчисленное пало трупов мертвых, и много руси́ было избито татарами, и русь била татар. Падал труп на труп, и падало тело татарское на тела христиан. Можно было увидеть, как русский гнался за татарином, а другой татарин настигал его. Смешались все и перемешались, ибо каждый искал победить своего противника.

И сказал Мамай:

— Власы наши растрепались, очи наши не могут источить огненных слез, языки наши немеют, и гортань пересыхает, и сердце останавливается. Грудь моя разрывается, колени мои изнемогают, а руки цепенеют.

Что нам сказать или промолвить, видя пагубную смерть? Одних мечом разрубали, других же брали на копья. И рыданиями исполнились москвичи.

Многие же небыва́льцы[1], видев это, за жизнь испугав-

---

[1] **Небывальцы** — новички, не бывавшие в битве.

шись и придя в отчаяние, обратились на бег и побежали, не вспомнив, что мученики говорили друг другу: «Братья, потерпим немного, зима люта, но рай сладок, мучителен меч, но сладко венчание»[1]. И иные сыны агаря́н обращались на бег, от крика великого, видя злое убийство.

А в девятый час дня взглянул господь милостивыми очами на всех князей русских, и на крепких воевод, и на всех христиан, дерзнувших стать за христианство и не устрашившихся, как великие ратники. Увидели верные, как в девятый час ангелы помогали христианам, видели и полк святых мучеников — воина Георгия, и славного Дмитрия, и великих князей Бориса и Глеба; среди них был и воевода совершенного полка небесных сил, архистратиг Михаил. Двое воевод видели полки и трехсолнечный полк, и пламенные их стрелы, которые летели на них. Безбожные же татары от страха божия и от оружия христианского падали. И вознес бог нашего князя на победу над иноплеменниками, а Мамай, в страхе вострепетав и сильно застонав, сказал:

— Велик бог христианский, и велика сила его. Братья измаиловичи, беззаконные агаряне, бегите неготовыми дорогами.

И сам, обратив плечи свои, побежал скоро обратно в Орду. И, слышав то, все его темные власти и князья побежали. Видя это, побежали и прочие иноплеменники от мала до велика, гонимые гневом божиим и страхом одержимые.

Христиане, видя, что татары с Мамаем побежали, погнались за ними, избивая и рубя поганых без милости. И в погоне той одни татары падали, пораженные оружием христиан, а другие в реке потонули. И гнали их до реки до Ме́чи[2], и там погибло бесчисленное множество бежавших.

---

[1] Согласно христианским верованиям, ангелы венчали мучеников, то есть людей, погибших за веру, мученическими венцами. Эти представления восходят к античным обычаям увенчивать героев лавровыми венками.

[2] Река Красивая Меча — приток Дона, южнее реки Непрядвы.

Тогда же на том побоище убиты были в схватке: князь Федор Романович белозерский и сын его Иван, князь Федор тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула, сын Васильев тысяцкого, Михайло и Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич, Акатьевичи, называемые Волуи, Михайло Бре́нков, Лев Мозырев, Семен Меликов, Дмитрий Мининич, Александр Пересвет, бывший прежде боярином брянским, и многие другие, имена которых не написаны в этих книгах. Были написаны только князья и воеводы и имена знатных и старейших бояр, а прочих бояр и слуг имена я опустил и не написал их из-за множества имен, так как число их слишком велико — многие ведь в этой битве были убиты.

У самого́ великого князя весь доспех был пробит, но на теле его не было ни одной раны. А бился он с татарами лицом к лицу, став впереди, в первом полку. О том многие князья и воеводы говорили ему:

— Княже, господине, не становись биться впереди, но сзади, или на крыле, или где-нибудь в укромном месте.

Он же отвечал им:

— Как же я скажу: братья мои, встанем все до единого, а сам лицо мое скрою и буду хорониться позади? Не могу я так, но хочу как словом, так и делом раньше всех и перед всеми главу свою сложить за свою братью и за всех христиан, чтобы и другие, видя это, дерзали с готовностью.

Как он сказал, так и сделал: бился с татарами тогда, встав впереди всех, а справа и слева дружина его билась, окружив его, как вода с обеих сторон. И много ударов ударялось по голове его и по плечам его и по груди его. Но от всех их бог защитил его в день брани, щитом истины и оружием благоволения осенил над главою его, десницей своею защитил его, и рукою крепкою и мышцею высокою бог избавил его, укрепив его, и так среди многих ратников он был сохранен невредимым.

— Не на лук мой уповаю и оружие мое не спасет меня, как сказал пророк Давид[1], всевышнего сделал ты прибежищем твоим. Не придет к тебе зло, и рана не приблизится к телу твоему, ибо ангелам своим велел он сохранять тебя во всех путях твоих, и не убоишься ты стрелы летящей.

А оттуда, от страны литовской Ягайло, князь литовский, пришел со всею силою литовской Мамаю, татарам поганым, на помощь, а христианам на вред. Но и от них бог избавил: не поспел он к сроку на один день пути или меньше. Когда Ягайло Ольгердович и вся сила его услышали, что у князя великого с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай, побежденный, побежал, тогда без всякого ожидания литва с Ягайлом побежали назад с великой скоростью, никем не гонимы: не видели тогда они князя великого, ни рати его, ни оружия его, только имени его Литва боялась и трепетала.

Князь же Дмитрий с братом своим с Владимиром и с князьями русскими, и с воеводами, и с прочими боярами, и со всеми оставшимися воинами, став той ночью на месте стана поганых на костях татарских, утер пот свой и, отдохнув от труда своего, великое благодарение принес богу, давшему такую победу на поганых и избавление раба своего от оружия лютого. Затем христолюбивый князь похвалил дружину свою, которая крепко билась с иноплеменниками, и твердо сражалась, и по-мужски храбрствовала, и дерзнула стать за веру христианскую.

И вернулся великий князь в богохранимый град в Москву, в свою отчину с победою великою, одолев ратных, победив врагов своих. И многие его воины возрадовались, ибо получили много добычи, пригнали с собою стада коней, верблюдов и волов, им же нет числа, и захватили доспехи, и одежду, и имущество.

---

[1] Давид — иудейский царь, которому приписывается авторство Псалтыри.

Сообщили князю великому, что князь Олег Рязанский посылал Мамаю на помощь свою силу, а сам на реке Оке разметал мост, а кто поехал с Донского побоища домой через его отчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, тех велел хватать и грабить, и нагих отпускать. Князь же Дмитрий из-за того захотел на Олега рать свою послать. Тут внезапно приехали к нему бояре рязанские и сказали, что князь Олег бросил свою землю, а сам побежал с княгинею и с детьми и с боярами, и молили его многие о том, чтобы он на них рати не слал, а сами били ему челом и рядились у него в ряд[1]. Князь же послушал их, принял их челобитье, рати на них не послал, а на рязанское княжение посадил своих наместников.

Тогда же Мамай с немногими убежал и прибежал в свою землю с малой дружиной. Видя себя битым и бежавшим, посрамленным и поруганным, он опять гневался и ярился, и собрал оставшуюся свою силу, захотев снова идти изгоном на Русь. Когда он это замыслил, пришла ему весть, что идет на него некий царь с востока — Тохтамы́ш из Синей Орды[2]. Мамай же, который уже приготовил рать на нас, с тою ратью готовою пошел против него. И был у них бой, и царь Тохтамыш победил Мамая и прогнал его. Мамаевы же князья, сойдя с коней своих, били челом царю Тохтамышу и поклонились ему по своей вере и встали за него, а Мамая оставили поруганным.

Мамай же, видев это, скоро побежал со своими единомышленниками. Царь же Тохтамыш послал за ними в погоню воинов своих. Мамай, будучи гоним, бежал от гонителей и прибежал к городу Ка́фа[3] и переслался с кафинцами, договорившись, чтобы они приняли его на избавление, пока он

---

[1] **Рядиться в ряд** — заключать соглашение.

[2] **Тохтамыш** — один из ордынских царевичей. Он овладел Синею Ордою, захватил крупные ордынские города на Волге и начал борьбу с Мамаем.

[3] **Кафа** — Феодосия.

не избавится от всех го́нящих его. И прибежал Мамай в Кафу со множеством имения, золота и серебра. Кафинцы же совещались и сговорились совершить обман и убили его. И таков был конец Мамаю.

А сам Тохтамыш, придя, взял орду Мамаеву и царицу его, и казну его, и улус весь захватил, и богатство Мамаево разделил дружине своей.

ПОЯСНЕНИЯ

СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

К стр. 23

Рассказы на стр. 23—24 взяты из Ипатьевской летописи.

Владимир Мономах, крупный политический деятель, писатель, один из самых образованных людей своего времени, был последним могущественным князем Киевской Руси. Властно сдерживал он притязания других князей, своих родичей, и подчинял их своей воле. Организатор походов в половецкую степь, Владимир сумел остановить натиск кочевников, которые при нем не решались нападать на русские пределы. Имя Мономаха было хорошо известно в Византии, в Западной Европе и причерноморских степях.

Подводя итог жизненного пути Мономаха, киевский летописец дает краткую и точную оценку его трудов. Деятельность Владимира касалась не только Южной Руси, но и северо-востока, Ростово-Суздальского края, будущего центра нового государственного образования Руси.

Владимир трижды ездил в Ростово-Суздальскую землю. Эти поездки в те времена были настолько трудны, что сам он называл их «походами». До Мономаха киевские князья редко навещали Залесский край, как называли в Киеве Ростовские земли, отделенные от Южной Руси дремучими лесами. Княжеские дружинники приходили в Ростов из Киева, собирали дань и уходили. Ростовские бояре, потомки местной родовой знати и осевших дружинников с юга, чувствовали себя полными хозяевами в этом краю. Они захватывали общинные земли крестьян, (смердов), были владетелями «многих сел и слобод красных (красивых)». Смерды не раз поднимали восстания.

В 1108 году во время одной из поездок на северо-восток Владимир Мономах заложил город на круче над Клязьмой и дал ему свое имя. С этого года и начинается история города Владимира, будущей столицы Северо-Восточной Руси.

Постройкой нового города не ограничилась кипучая деятельность неутомимого князя. В Суздале он построил собор — первое каменное здание в этом краю. Храм возводили киевские зодчие. Они принесли

сюда свои технические приемы. Владимир Мономах построил Успенский собор и в древнем богатом Ростове. Так при Мономахе сюда начали передаваться достижения киевской архитектуры и искусства. Одновременно шло окняжение края, то есть усиление княжеской власти.

Со смертью Мономаха кончился значительный период в истории нашей страны, период Киевской Руси. Началось новое, очень сложное, полное противоречий время «удельной» раздробленности, обособления самостоятельных княжеств,— время, которое историки называют эпохой развитого феодализма.

МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ

К стр. 24

Старший сын Владимира Мономаха оказался достойным преемником отца. Это был человек деятельный, тонкий политик и смелый воин.

До киевского княжения жизнь Мстислава была связана с Новгородом. Еще его дед, Всеволод Ярославич, послал совсем тогда юного внука в Новгород «на стол» (на княжение). Новгородцы полюбили Мономахова сына. Когда после смерти Всеволода новый киевский князь, двоюродный брат Мономаха, хотел посадить в Новгороде своего сына, новгородцы кратко и грубовато ответили: «Мы сами вскормили себе князя. Если у твоего сына две головы, то пошли его нам». Так и остался у них Мстислав.

Мстислав много сделал для Новгорода. В 1114 году он заложил город «больше прежнего», то есть расширил новгородский Детинец — Кремль. В том же году он вместе с посадником Павлом заложил город Ладогу из камня на насыпи, то есть на земляном валу более раннего времени. Ладога закрыла путь к Новгороду по Волхову.

Если вы приедете в Новгород, то, уж конечно, побываете на Ярославовом двори́ще — так называется то место в городе на правой, «торговой стороне» Волхова, где в древности был двор Ярослава Мудрого. Там вы увидите Николо-Двори́щенский собор, построенный Мстиславом Великим. Могучие абси́ды — алтарные выступы — поднимаются почти до самых сводов. Углубления — ниши — да узкие окна подчеркивают спокойную мощь этих обращенных к восходящему солнцу полукружий. Сам храм — громадный куб, расчлененный выступающими лопатками. Собор выразил гордую силу тех самых новгородцев, которые не побоялись вступить в «прю», то есть в спор с киевским князем из-за своего любимца.

Шумное, беспокойное новгородское вече собиралось возле собора Николы-на-Дворище. На вече влиятельные бояре выдвигали свои требования. Бывало, что интересы Мстислава, хотя и воспитанного новгородским боярством, расходились с ними. Трудно стало жить князю возле вечевой площади, и он перенес свой двор километра за три от города, на место, называемое Рюриково городище. Там он построил храм Благовещения, фундаменты которого недавно открыты археологом М. К. Каргером. Собор Благовещения не сохранился. Не сохранился и княжеский двор на Городище. Но в Историческом музее хранится драгоценная книга — Мстиславово Евангелие (см. стр. 225). В нем красивые миниатюры, а в конце несколько записей «памяти ради» о том, что Евангелие написано по повелению новгородского князя Мстислава для церкви Благовещения-на-Городище. Из приписок известно и то, что текст писал Алекса, сын пресви́тора, а золотом писал Жа́ден (это типично новгородское имя). В другой записи говорится, что княжеский тиу́н (управляющий) Насла́в, «недостойный, худой и грешный», отвозил Евангелие в Царьград, где переплет был украшен драгоценными камнями, золотом и эмалями. «Цену же Евангелия сего один бог ведает»,— заканчивает запись.

С именем Мстислава связана большая работа над русским летописанием. Летописец Мстислава или даже сам Мстислав — некоторые исследователи приписывают этот труд самому князю — выдвигал роль Новгорода на первый план в истории Руси и внес в летопись несколько народных преданий.

Таким образом, вы видите, что Мстислава недаром называли Великим. Он прославился не только ратными подвигами. По его инициативе созданы памятники культуры, которые до сих пор восхищают и радуют нас, наполняют справедливой гордостью за родину, богатую произведениями зодчества, тонко изукрашенными книгами и летописями, из которых мы узнаём свое прошлое.

ИЗГНАНИЕ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА ИЗ НОВГОРОДА

К стр. 24

Рассказ — из Новгородской Первой летописи с привлечением Псковской Второй.

Город, который в древности назывался Господином Великим Новгородом, стоит на равнине. Вся земля кругом такая плоская, что даже трудно сказать, какой берег Волхова высокий, какой низкий. Если же и есть кой-где холмы, то они возвышаются чуть заметно, линии их

плавные, округлые, мягкие. В этом пейзаже есть своеобразная красота. Низкий горизонт кажется очень далеким, а земля необозримой, широкой, просторной. По ней течет полноводный Волхов, разлилось громадное озеро Ильмень, а над ней необъятный светлый купол неба. Земля, вода и небо. Все большое, спокойное, в самом деле великое. Среди этих бескрайных просторов земли, отражаясь в воде, выделяются на фоне неба белые церкви.

Уже в XI веке Новгород был Великим городом. Но Господином, то есть независимым, вольным, он стал только после событий 1136 года. События подготавливались исподволь и были связаны с развитием ремесла и торговли Новгорода. О высоком мастерстве новгородских зодчих, живописцев и ремесленников красноречиво рассказывают нам здания Новгорода, произведения искусства и ювелирного дела XII века, которые мы до сих пор можем видеть в древнем городе и в его музеях.

Художественная жизнь кипела в Новгороде в XII веке. Только закончилось строительство Николо-Дворищенского собора, как новгородцы стали возводить собор Рождества Богородицы в монастыре Антония Римлянина (1116).

На следующий год после окончания этого храма было заложено самое большое после Софии здание Новгорода — Георгиевский собор Юрьева монастыря. Собор не напрасно посвящен Георгию — воину-победоносцу. Он полон мужественной силы, подобен воину в шлемах-куполах. Одна из новгородских летописей заканчивает сообщение о его постройке словами: «А мастер трудился Петр». Мастер Петр нашел простые, обобщенные формы, которые гармонируют со спокойной природой вокруг Новгорода (см. стр. 232). И Рождественский и Георгиевский соборы были расписаны фресками, частично сохранившимися до наших дней.

Всеволод Мстиславич, при котором были начаты эти постройки, не был человеком, способным удовлетворить «мужей новгородских». Князь постоянно менял свои решения. Дав клятву новгородцам сидеть у них на княжении до самой смерти («Хочу у вас умрети»,— говорил он), Всеволод бросил Новгород, когда у него появилась надежда на княжение в Переяславле Южном. Вернувшись в Новгород, он вскоре втянул новгородцев в междукняжескую войну, а сам первый бежал с поля боя. Этому слабому, безвольному князю противостояла вся масса новгородского ремесленного люда. Представьте себе, сколько их трудилось тогда в Новгороде, от вдохновенных зодчих, вроде мастера Петра, и живописцев, расписавших фресками колоссальные поверхности стен, до простых каменщиков. Но не все ремесленники и мастера работали над постройкой и украшением храмов. Были в городе и плотники, и гончары, и кузнецы, и кожевники, щитники, гребенщики, гвоздочники — ма-

ло ли было ремесленников. Число их росло, труд сплачивал, они начинали объединяться в «братства».

В Новгородском историко-художественном музее хранятся два серебряных кратира — сосуда для вина, смешанного с водою. На одном из них надпись: «Братило делал», на другом — «Коста делал». У них красивая форма, изысканные ручки уравновешивают сам сосуд, на котором чеканные фигуры перемежаются с растительным орнаментом. Кратиры имеют одинаковый вес и почти точно воспроизводят один другой. Существует предположение, что они сделаны как проба для испытания на мастера серебряных дел (см. стр. 241). Выдержав испытание, человек вступал в ремесленное братство. Братства увеличивали значение ремесленников в жизни города, помогали им выдвигать свои требования, делали их серьезной силой.

Новгородские мастера любили свой труд. Сидит, например, писец — его имя нам известно, его звали Мичка,— выводит причудливые киноварные линии заставки и сам любуется тем, что получается. Настолько понравилось ему его произведение, что он не смог удержаться и сделал рядом приписку: «А люба заставица».

Новгород был не только ремесленным, но и торговым городом. Он торговал и с Киевом и с Византией, с прикаспийскими странами, с островом Готландом и всей Южной Прибалтикой. Иноземные гости (купцы) держали свои торговые дворы в Новгороде — «немецкий», «готский». Торговали не только купцы, но и бояре новгородские. Далекие плавания были опасны, надо было собирать общие силы для охраны торговых караванов. Купцы объединялись в братства в зависимости от того, с кем и какими товарами они торговали.

Уступая силе новгородских купцов, князь Всеволод Мстиславич дал «Уставную грамоту» Иваньской общине, то есть братству купцов, объединенных при церкви Ивана-на-Опоках. Стать его членом мог купец, внесший 50 гривен серебра — это был очень большой вклад. Община содержала причт своей церкви, то есть всех служителей. Но в церкви происходили не только церковные службы. Тысяцкий — глава Иваньского братства — вершил в ней торговый суд, в который не мог вмешиваться посадник. В подвалах церкви хранились меры веса и длины — «пуд медовый и гривенка рублевая и локоть еваньский». «Еваньский локоть» — деревянная линейка с надписью «святого еваньско» — был найден при раскопках на Торговой площади в Новгороде.

11 июня в престольный праздник (день Ивана Купалы) в церкви зажигалось 70 свечей, сам владыка — архиепископ новгородский — служил обедню, за что получал одну гривну серебра и сукно. Члены же братства собирали 25 гривен на устройство «братчины» — пира, который длился три дня.

Труд, сметливость, искусство, любовь к своему делу укрепили самосознание новгородских ремесленников и купцов, заставили их добиваться права самим решать свои дела на вече. В 1136 году они подняли восстание, о котором вы прочитали в летописи. Горожан поддерживали смерды (крестьяне), изнемогавшие от княжеских поборов. Бояре, давно стремившиеся к независимости от киевского князя, использовали народную борьбу. Так все слои общества поднялись против князя.

После 1136 года в Новгороде устанавливается новый политический строй. Князь больше не присылается из Киева, а призывается новгородским вечем. Он — лишь военный слуга Господина Великого Новгорода.

Верховная власть принадлежит вечу. Вече избирает посадников, тысяцких, даже архиепископа. Вече объявляет войну, заключает мир. На вече мог присутствовать каждый свободный гражданин Великого Новгорода. Правда, во главе управления городом стало боярство, но оно должно было считаться с грозной силой ремесленников, которые постоянно напоминали о своей воле.

КНЯЖЕСКИЕ РАСПРИ

К стр. 26

Рассказ — из Ипатьевской летописи.

На юге Руси шли бесконечные междоусобия. Был род князей Владимировичей, или Мономáховичей. Был род Ольговичей — сыновей и внуков Олега Святославича, черниговского князя, неугомонного воителя, проведшего всю жизнь в борьбе со своими родичами. Автор «Слова о полку Игореве» прозвал его Олегом Гориславичем. Сыновья Олега, из них Всеволод Ольгович был старшим, добивались киевского стола и воевали с Мономаховичами. В свои распри, «котóры», они втягивали более мелких князей и призывали на помощь половцев.

Много драматических событий связано с княжескими междоусобицами. Вот молодого и сильного князя насильно постригают в монахи и заточают в монастырь. Но приходит удачный час, и он срывает черную мантию. Препоясавшись мечом, он снова сидит на коне, снова воюет с родичами. Другой князь, стоя на холме перед началом сражения, видит, как его стяги — боевые знамена — переходят в стан врагов. Это неверные союзники отходят от него. А он остается один с горсточкой людей и, конечно, проигрывает битву. А вот еще эпизод. После ряда побед и поражений один из князей попал в плен к венграм. Его посадили в башню, но держали с почетом. На верху башни ему раскинули шатер. Князь изрезал шатер, связал из него веревки и, спустившись по

ним, бежал из плена. Можно привести и другие примеры. Они красочно рисуют быт XII века, характеры людей того времени.

Но ужас княжеских междоусобий не в трагической судьбе отдельных участников, а в том, что «от стрел, летящих по тьме разделения нашего», гибли мирные люди, жители городов и сел. Города «брались копием», то есть приступом, или «на щит» — вовсе разграблялись, села сжигались. Подойдет один из таких князей-воинов к городу и заявит: «Дайте мне серебра столько, сколько я захочу, или я возьму вас на щит». А у горожан нет столько серебра, сколько он хочет, и начинают они вынимать серьги из ушей жен и дочерей и снимать гривны — обручи-украшения — с шеи, чтобы откупиться.

Князь не мог сражаться, имея одну только дружину. Ему нужно было иметь ополчение горожан. Бывало, что горожане шли все единодушно. Но случалось, что вече отказывало князю в поддержке. «Нынче в битве отцы наши и братья и сыновья, одни в плен взяты, другие убиты, и оружие снято. А теперь как бы нас не взяли в полон,— говорили киевляне.— Теперь не твое время, поезжай прочь». Приходилось князю уходить и без боя отдавать город своему сопернику.

Частые смены князей и их междоусобицы заставляли народ самому решать самые важные вопросы. Вместе с этим усиливалось понимание народом своей ответственности и ответственности князей за то, что происходит. Жители городов выносили суд своим властям. Таким судом и является рассказ летописи о распрях Всеволода Ольговича с Ярополком.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ ЮРИЕМ ДОЛГОРУКИМ

К стр. 27

Рассказ — из Типографской летописи.

На северо-востоке Руси было два главных древних города — Ростов и Суздаль, поэтому весь обширный край — от Оки до Белого озера и Устюга Великого — назывался Ростово-Суздальской землей. В этом краю лесов и рек славянские племена давно смешались с финскими. Вместе жили и мéря, и весь, и славяне — вятичи. Здесь долго держались древние языческие верования и представления. Поклонялись деревьям, водили хороводы в священных рощах, почитали воду как живительную и очистительную силу. Земле исповедовались в своих грехах, прося у нее прощения. Вся природа, казалось, населена духами — в болотах живут страшные упыри́, в реках — русалки, в лесах — лешие. Благополучие дома зависит от домового или от щура — предка рода. (Слова, сохранившиеся в современном языке, «чур», «зачураться» происходят

от древнего слова «щур».) Когда человек заболевал лихорадкой, думали, что это трясет его страшная «трясовица». Только заговор мог спасти человека от ее губительных иссушающих чар.

Первым князем в этом краю был Юрий Долгорукий. По обычаю того времени он вступил на княжение еще мальчиком. Сначала вместо него всею землею управлял его дядька Георгий Шиманович, воевода Владимира Мономаха. Это был человек высокообразованный. Здесь среди лесов, воспитанный умным дядькой, и вырос Юрий энергичным и предприимчивым.

Реки были водными путями края. По рекам из Великого Новгорода через Суздальскую землю проходили купцы в Среднее Поволжье, в древнее Бо́лгарское царство и дальше на восток. Юрий стремился расширить свои владения, укрепиться на Волге и Оке. Тут он встречался с болгарами, племенами мордвы и мари.

К северу лежали земли Великого Новгорода. Новгород был соперником Ростово-Суздальской земли по торговле на Северной Двине и Волге. Юрий стал властно предъявлять соседу свою волю. Был у новгородцев почти на границе с Ростовской землей крупный торговый город — Новый Торг (современный живописный Торжок). Через этот город по реке Мсте шел в Новгород хлеб с Низа, то есть из хлебородного Ростово-Суздальского опо́лья. Юрий пользовался нуждою северного города в привозном хлебе: когда новгородцы не выполняли его требований, он захватывал Новый Торг и земли по Мсте и не пускал хлеба в Новгород. Новгородцы были вынуждены подчиняться.

Историки называют Юрия градостроителем. На Суздальской земле он укреплял старые города и возводил новые. При впадении Большой Не́рли в Волгу он построил город Коснятин; среди плодородного «ополья» — Юрьев «в поле» (Польской); на берегу Плещеева озера — Переяславль-Залесский; на реке Яхроме вырос Дмитров, на Боровицком холме над рекой Москвой — Москва. Новые города стояли на важных торговых путях и быстро превращались в центры ремесла и торговли.

Жизнь в Ростово-Суздальской земле была спокойнее, чем на юге. Сюда не доходили степные кочевники, князья меньше бились в междоусобных бранях. Земля была обильна пушниной, рыбой, хлебом. Всего было вдоволь. На северо-восток тянулись переселенцы с юга, спасаясь от половецких разорений и от постоянных междукняжеских «разратий». Они приносили с собой названия рек и городов юга. Так и получилось, что в Суздальской земле появились такие названия, как Переяславль, Звенигород, Стародуб, Галич и реки Тру́беж, Лы́бедь, Поча́йна. Юрий давал переселенцам земельные владения и льготы, поселял их в новых городах. Горожане делались его послушными слугами. Не

нравилось это местным боярам. Они видели, что влияние их в краю ослабевает.

Отношение бояр к Юрию передает легенда «О начале Москвы». Рассказывали, будто на месте Москвы был двор богатого ростовского боярина Степана Ивановича Кучки. Однажды к нему приехал Юрий. Кучка, «возгордившись», не почтил князя подобающей честью, «поносил его к тому же». Юрий, «не стерпя от него хулы, велел его схватить и смерти предать», а сыновей и дочь его послал во Владимир. Взойдя на Боровицкий холм и обозрев с него обе стороны реки, Юрий «возлюбил» место то и повелел построить там «мал град». Он прозвал его Москвой по реке, текущей внизу. Из сказания мы видим, что Юрий захватывал боярские земли и на месте их сёл ставил свои города. Враждебные бояре и дали ему прозвище «Долгорукий».

Москва стояла на подступах со стороны черниговорязанского пограничья и подходивших границ Смоленского княжества. Такое расположение скоро сделало город удобным местом встреч. Именно в связи со встречей Юрия с его союзником в борьбе против Изяслава Мстиславича, с новгород-северским князем Святославом Ольговичем и упомянута впервые Москва в русских летописях под 1147 годом. «Приходи ко мне, брате, в Мо́сков»,— послал Юрий сказать Святославу. Святослав пошел, а вперед себя отправил сына, который дал Юрию в дар па́рдуса — гепа́рда, дорогого зверя из породы кошачьих, отличавшегося быстротою бега. Гепардов на Руси использовали на охоте. Когда прибыл сам Святослав, суздальский князь радушно его встретил, устроил в его честь «обед силен» и одарил его и сына и мужей его богатыми дарами. Таков уж был обычай — при встречах князья всегда одаривали друг друга, а за обедом решали разные важные дела.

В Москве ничего не сохранилось от времен Юрия Долгорукого. Чтобы почувствовать суровый дух той эпохи, следует поехать в Переяславль-Залесский и в Ки́декшу под Суздаль, где Юрий устроил свой княжеский двор.

Крепость, построенная при Долгоруком в Переяславле, расположена на речке Трубеже, возле заболоченных низких берегов полноводного, широкого Плещеева озера. Кругом мягко поднимаются холмы, а город лежит в низине. Спускаясь с горы, вы видите внизу мощные земляные валы. Они описывают почти правильный овал и до сих пор достигают десяти метров высоты. За валами у древнего въезда в город стоит, словно страж, очень простой, несколько приземистый белокаменный собор Спаса. Кажется, храм высечен из единой глыбы белого камня. Тяжело, весомо стоит он на земле (см. стр. 233).

Мастера Юрия использовали для его постройки местный известняк — белый камень — и применили отличную от Киева технику. Так

возник самобытный памятник зодчества, первый в блестящей цепи всемирно известных храмов владимиро-суздальской школы.

В четырех километрах от Суздаля на реке Нерли при впадении в нее Каменки — на Каменке стоит Суздаль — расположено село Кидекша. Согласно преданию, в начале XI века там было становище первых русских святых Бориса и Глеба, когда они — один из Ростова, другой из Мурома — ехали в Киев. Место считалось священным. Борис и Глеб почитались как покровители сельскохозяйственных работ и как заступники русских князей. Выбрав это место, Юрий поставил себя под покровительство чтимых святых, как бы освятивших его власть и поступки. Тут он построил свой загородный двор и церковь Бориса и Глеба. Кидекша закрыла вход в Каменку — водный путь на Суздаль. Здесь Юрий оказался бо́льшим господином над Суздалем, чем если бы он сидел в самом Суздале среди враждебных бояр. Издали из-за Нерли виднелся княжеский двор и одноглавый величавый храм Бориса и Глеба. Он стоит возле обрывистого берега Нерли. Его абсиды (алтарные полукружия) обращены к далеким заречным полям и лугам, которые плавно поднимаются к горизонту. Храм впоследствии подвергся некоторым переделкам. Но спокойная гладь его белокаменных стен сохранила первоначальную суровую красоту.

Постройка городов Юрием имела огромное значение. Города были и крепостями и средоточием искусства, ремесла, образованности того времени. Недаром летописцы всегда с похвалой писали о постройках городов и храмов и особо отмечали князей, которые имели «любовь несытну о зданьи», то есть ненасытную любовь к созиданию.

БОРЬБА ИЗЯСЛАВА МСТИСЛАВИЧА С ЮРИЕМ ДОЛГОРУКИМ ЗА КИЕВ

К стр. 27

Рассказ — из Ипатьевской летописи.

С киевским столом связывалось «старейшинство» во всей Русской земле. Вот почему так упорно сражался Юрий Долгорукий за Киев со своим сыновцо́м Изяславом Мстиславичем, внуком Мономаха. Об их многолетней борьбе мы знаем в основном по летописи, которую вел при дворе Изяслава его воевода и глава посольства Петр Бориславич.

Петр Бориславич включил в свои записи личные впечатления, дневники походов, письма Изяслава, его союзников и противников, договорные грамоты. Получился увлекательнейший рассказ, который оказался

одновременно и воинской повестью, и походным дневником, и романом в письмах.

Изяслав Мстиславич был одной из самых ярких фигур середины XII века. Если бы он родился в другое время, то много добра мог бы принести Русской земле. Но в этот век междоусобий все его силы, весь военный талант, личная доблесть и сметливость ушли на борьбу за киевский стол.

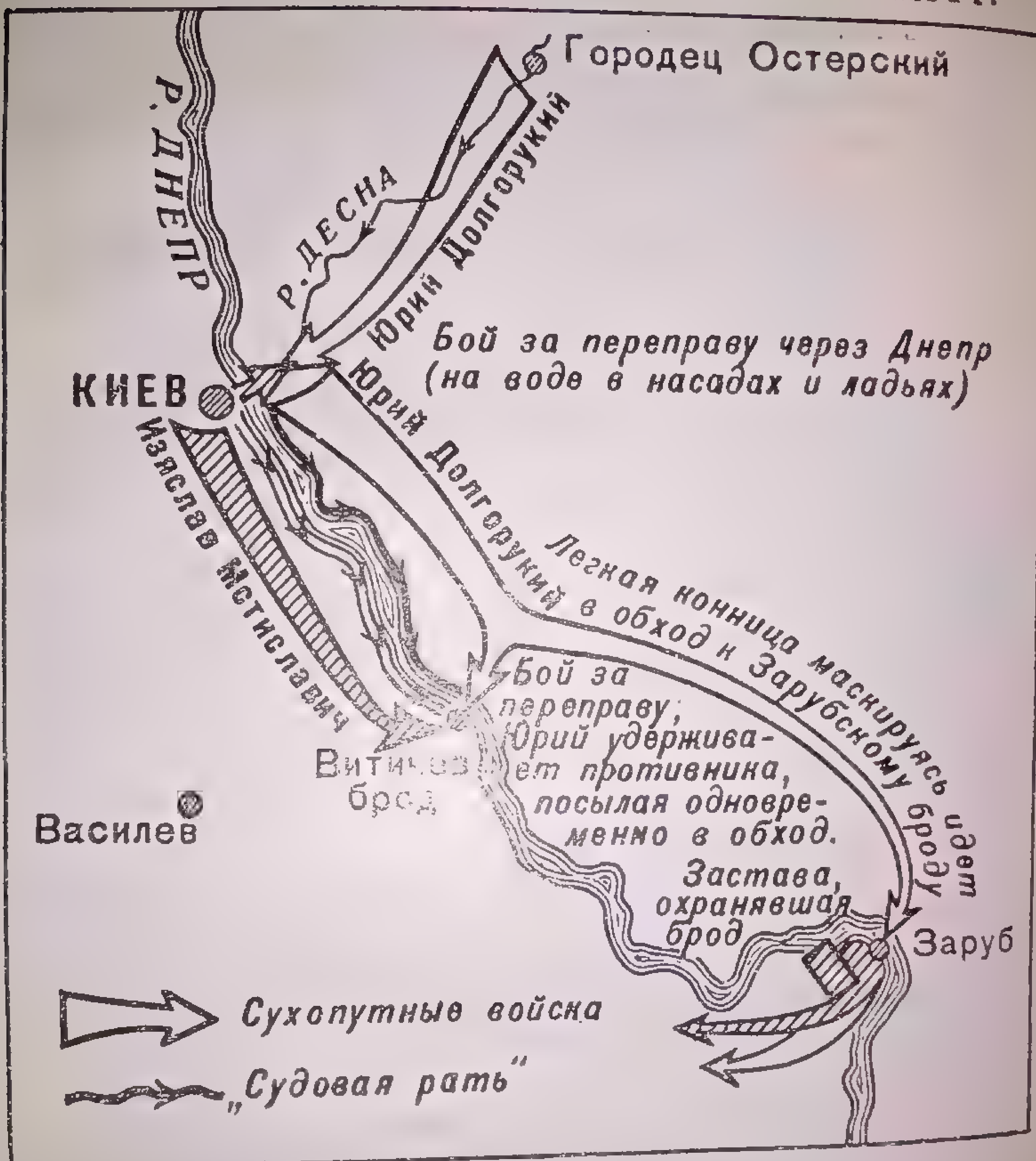
Борьба была ожесточенной. В нее втягивались ближние и дальние соседи Руси. Юрий Долгорукий искал поддержки в Византии, у императора и патриарха, приводил половцев. Изяслав опирался на черных клобуков — кочевников, осевших по реке Рось и ставших на службу русским князьям. Военную мощь Мстиславова сына усиливал его союз с угорским (венгерским) королем, его зятем, и с польскими князьями. Не раз к ужасу русского населения Изяслав Мстиславич приводил с собою венгерские отряды. Но он спокойно заявлял: «Я вожу угров и все земли (то есть все народы) не на своих людей, а на тех, кто мне враг».

И уж каких зато празднеств не видели русские люди в те дни! То в городе Луцке на высоком берегу реки Стыри, на том месте, где теперь стоит красивый замок XIII века, Болеслав польский опоясывал мечом сыновей боярских, посвящая их в рыцари по западному ритуалу. То венгры устраивали в Киеве на Ярославовом дворе риста́лище: играли на арабских скакунах. И киевляне дивились искусству их.

Петр Бориславич приводит интересные письма, которые писал Изяслав Мстиславич любимому брату Ростиславу в Смоленск. Изяслав описывал в них свои удачи и невзгоды, советовался о делах. Вот он пишет, например, как ходил против Ольговичей к Чернигову и землю их повоевал, а они даже не смели выйти из города, биться с ним. А потом начался дождь велик и тронулся лед на реке, но он успел перебраться на другую сторону. А в заключение он спрашивал брата о здоровье, совсем так, как это делаем и мы теперь, только форма была иная: «А тебя, брат, спрашиваю, здоров ли ты и как тебе там бог помогает?»

Подробно и точно передает Петр Бориславич речи Изяслава Мстиславича. Эти речи, произнесенные человеком, всю жизнь боровшимся со своими соплеменниками, поражают нас искренней любовью к Русской земле, сознанием национальной чести. «Мне нет отчины ни в Уграх, ни в Ляхах, а только в Русской земле»,— говорил он. «Братья и дружина,— обратился он однажды к своим воинам, когда выступал в союзе с венграми.— Бог никогда не доводил Русской земли и русских сынов до бесчестья. Везде мы отстаивали свою честь. Ныне же, братья, поревнуем (то есть потрудимся) все. В этих землях и перед чужим народом дай вам бог честь свою добыть».

БОЙ НА ВОДЕ ПОД КИЕВОМ в 1151 г.

Хитер был Изяслав Мстиславич. Во время одного из походов, когда за ним по пятам гнался его враг князь Владимир Галицкий, Изяслав велел к вечеру разложить костры. Они горели всю ночь. Галицкий князь стоял на той стороне реки, поджидая утра, чтобы напасть на стан Изяслава, а Изяслав давно уже ушел со своими воинами, одни костры продолжали гореть.

В битве на Днепре с Юрием Долгоруким Изяслав Мстиславич проявил большое искусство и изобретательность, использовав ладью с дву-

сторонним ходом. Несколько лет назад в городе Гродно археологи нашли сделанную из светлого камня шахматную фигурку — ладью. Ладья как раз такая, какую применил Изяслав. У нее двусторонний ход, палуба прикрывает гребцов. По бортам круглые отверстия для весел. На ладье мастер изобразил четырех воинов.

Петр Бориславич, дружинник, государственный деятель и писатель, сумел нарисовать привлекательный образ своего князя, умного, находчивого, смелого. «Не место идет к голове, а голова к месту»,— говорил Изяслав послу, заняв Киев.

СМЕРТЬ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

К стр. 31

Рассказы на стр. 31—48 — из Ипатьевской летописи.

Юрий Долгорукий, добившись Киева после смерти Изяслава Мстиславича, посадил своих старших сыновей на юге, а младших оставил в Суздале. Юрий окружил себя в Киеве дружинниками, суздальцами, и щедро раздавал им высокие должности, смещая киевлян. К приближенным из дружины Юрьевой относился, очевидно, и осмя́ник, сборщик податей, Петрила. Он собирал подати в пользу князя с правом оставлять какую-то долю и себе. Вот и стал богат Петрила. О том, как жил подобный богач, рассказывается в одном литературном памятнике того времени. «Богатый в багре и в паволоке (драгоценная византийская ткань) ходит, кони его тучные, иноходцы золотыми сбруями украшены. Рабы его в гривнах золотых, а другие в монистах и в обручах».

По тому же литературному произведению мы можем представить себе и обед, на котором Петрила угощал князя. «За обедом подают в сосудах, окованных золотом и серебром, брашно (еда) многая и различная: тетерева, гуси, журавли, рябчики, куры, зайцы, олени, вепри. Многие повара работают и делают кушанья, а потом на персях блюда носят, многие махают опахалом с боязнью. Питьем обносят с гуслями и свирелями. Веселье многое, смехословцы, плясы, пение».

Приверженность Юрия к своим, к суздальцам, их обогащение и самоуправство, всё новые и новые подачки любимцам раздражали киевских бояр, которые чувствовали себя обойденными, и вызывали неудовольствие горожан, изнемогавших под тяжестью возраставших поборов. К Юрию, как и ко многим другим князьям того времени, можно было бы отнести слова одного обличительного произведения несколько более позднего времени (конца XIII века). «Вы, цари и князья и наместники,— написано там,— подобны вы туче дождевой, которая истекает над

морем во время вёдра, а не над землею, жаждущей воды: вы тем более даете и помогаете, у кого много злата и серебра, а не тем, у кого нет, и пеня́зя (мелкой монеты), бедных порабощаете, а богатым даете».

А вот еще пример. Однажды один полоцкий князь задал такой вопрос епископу: «Где будет наш тиун на том свете?» Тот ответил кратко: «Где и князь». Князю это не понравилось. Он сказал: «Тиун неправедно судит, мзду (взятки) берет, зло делает, а я что делаю?» И отвечал ему владыка (епископ): «Если князь добр и жалует людей, то он избирает властителя доброго, полного страха божия, разумного и праведного. Князь будет в раю, и тиун его с ним».

Как видите, в памятниках литературы того времени много протеста против насилия и неправды, острого сознания социального неравенства. «Богатый человек повсюду известен и в чужой земле имеет друзей,— говорит писатель XII—XIII веков Даниил Заточник,— бедный и между своими невидимо ходит. Заговорит богатый, все замолчат и слова его превознесут до облаков, заговорит бедный, все на него закричат и заградят ему уста».

Социальный протест, отразившийся в древнерусской письменности и в народном творчестве, не раз находил выход в городских и в крестьянских восстаниях. Так случилось и после смерти Юрия Долгорукого.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

К стр. 31

Оставив против воли отца Вышгород, Андрей поехал во Владимир, где, как предполагают историки (прямых указаний на то в источниках нет), он княжил еще в то время, когда его отец сидел в Суздале.

Когда умер Юрий, в Ростове, как в старшем городе края, собралось вече, на котором Андрей был избран князем всей Ростово-Суздальской земли.

Став единовластным князем, Андрей не сел на столе в древнем боярском Ростове, вечевом центре края, а остался во Владимире, в новом городе «мизинных», маленьких, мелких людей. Выбор Андреем города Владимира не был случаен. Владимирские горожане, купцы и ремесленники поддерживали князя, который мог оградить их от произвола бояр, приобрести для них земли по Оке и Волге, помочь в борьбе с новгородскими купцами.

Уехав с юга, Андрей, как вы прочитали в летописи, увез оттуда тогда уже прославленную икону Богоматери, известную в истории русской культуры под названием Владимирской. Сейчас она хранится в

Третьяковской галерее как одно из величайших произведений, созданных человеческим гением.

Высокое мастерство живописи, благородная красота лика породили много легенд о ней. Образ Богоматери соединился в представлении людей с еще языческим культом матери-земли, древней великой богини, покровительницы рода, семьи, плодородия, мирного труда. В Богородице люди видели воплощение женственного начала, материнства, ее считали заступницей за род человеческий.

Привезя икону Богоматери, Андрей поставил себя под ее защиту. Отныне вся его деятельность получала ее освящение. Ее брали во все походы. Ее волей объясняли выбор Андреем Владимира как стольного города. Рассказывали, будто сама Богоматерь объявила Андрею, что она не хочет быть в Ростове, а хочет жить во Владимире. Говорили также, что, не доезжая до Владимира, на берегу Клязьмы при впадении в нее реки Нерли, кони, запряженные в «возйло» с иконой, остановились и не захотели двигаться дальше. Это было объяснено как чудо и место признано любимым богом или Боголюбовым.

Обосновавшись во Владимире, Андрей начал отстраивать новую столицу. Он собрал мастеров, как местных, работавших еще при его отце, так и прибывших из других земель. На самой круче над Клязьмой они построили Успенский собор. «Отовсюду зримый», блистал он своей золотой главой, поражая людей изысканной красотой форм, невиданной роскошью отделки, великолепием торжественных служб.

В 1185 году, когда Андрея уже не было в живых и во Владимире княжил его брат — Всеволод Большое Гнездо, зодчие окружили собор новыми пристройками, увеличили абсиды и прибавили еще четыре главы. Здание Андрея находится с тех пор словно в белокаменном чехле. Успенский собор во Владимире — один из самых прекрасных памятников русского зодчества конца XII века. Торжественный, изысканно украшенный аркату́рным поясом, поющий каждой своей линией, устремивший в небо кресты над пятью главами, через века пронес он славу о силе и мощи Владимирской земли (см. стр. 236). На протяжении многих столетий он казался непревзойденным шедевром зодчества. А когда в конце XV века Иван III решил строить у себя в Московском Кремле новый Успенский собор, он послал во Владимир архитектора Фиорова́нти — итальянца, приглашенного для строительства, чтобы он взял за образец Владимирский собор.

Андрей не только украшал свою столицу новыми храмами, он укреплял ее новыми оборонительными сооружениями. Высокие валы — они частично сохранились до нашего времени — охватили разросшуюся часть посада. Валы прерывались въездами. Золотые ворота, Серебряные, Медные — словно сказка о Золотом, Серебряном и Медном царстве —

были главными въездами в город. Золотые ворота стоят и теперь. Когда вы въезжаете в древнюю часть города с запада, от Москвы, вы сразу их видите. Только они не золотые, а сложены из белого камня. Их облик сильно изменился, но грандиозные белые столпы и колоссальная проезжая арка сохранились. Сохранилась и арочная перемычка посередине свода. Посмотрите рисунок на стр. 235. Арочный пролет закрывался громадными дубовыми створами, обитыми листами золоченой меди. Поэтому ворота и назывались Золотыми. Центральный въезд во Владимир повторял торжественный въезд в Киев, где тоже были Золотые ворота.

Глядя на мощь и красоту укреплений, на великолепие храмов, радовались княжеские «милостники», то есть те, кто получил от Андрея «милость» — земли, дары, звания. Но бояре, видя усиление единодержавной власти и чувствуя на себе крутой нрав властителя, с затаенной злобой смотрели на всю эту роскошь. Старые города Ростов и Суздаль завидовали владимирцам. «Они холопы наши, каменщики»,— говорили ростовские и суздальские бояре о владимирцах. «Владимир — наш пригород»,— твердили они. «На чем старшие города сдумают, на том и пригороды станут» — таков был древний обычай. Теперь же все выходило иначе.

Обострилось противоречие между старым Ростовом и новым Владимиром. Это было противоречие между старым родовым боярством и новым служилым сословием.

ПОХОД МСТИСЛАВА ИЗЯСЛАВИЧА НА ПОЛОВЦЕВ

К стр. 33

В то время как на северо-востоке, во Владимиро-Суздальской земле, строились новые города, возводились укрепления, ставились храмы, Южная Русь заметно ослабевала. Постоянные междоусобия и обособление земель подорвали ее былое богатство и силу. Внешние враги, половцы, отодвинутые за Дон и Яик при Мономахе и его сыне Мстиславе Великом, стали все сильнее надвигаться на южные пределы Руси.

Страшные опустошения наносили они крестьянству — смердам, как их называли тогда. Половцы отбирали у них коней и скот, вытаптывали посевы, жгли дома, хватали в плен людей. Богатого человека было выгодно взять в плен: глядишь, родичи дадут за него хороший выкуп. Ну, а с бедняка что возьмешь? Его продавали в рабство. Чтобы он не убежал, на него надевали оковы, подрезали голени (сухожилия).

В «Киево-Печерском патерике» — так называется сборник повестей

об иноках Печерского монастыря — рассказывается, как погибали пленники, схваченные половцами. «Иные умирали через 3 дня, другие через 7, крепкие через 10, и так все скончались от голода и жажды». Когда же один из них чудом спасся, то братья увидели, что все тело его гноится от «железа тяжкого».

Половцы были опасны не только своими опустошениями русских земель. Они отрезали Русь от черноморских берегов, препятствовали сообщению с Византией. А торговля с Византией была одним из источников благосостояния Киева. Для охраны купеческих караванов, двигавшихся по Днепру, князья снаряжали многочисленные дружины.

Тяжела была многовековая борьба Руси со степными кочевниками. Немало храбрецов сложили свои головы в полях. Еще в XIII веке об одной местности между Киевом и Переяславлем писали: «А тут богатыри кладутся русские».

Запустели южные русские земли. «Моя волость пуста от (из-за) половцев»,— говорил переяславский князь, а черниговский жаловался, что Чернигов да еще 7 других его городов пусты, «живут в них псари да половцы», то есть княжеские дворовые люди и мирные половцы, осевшие на Руси.

Опасность заставляла русские земли объединяться. Но объединению мешали междоусобицы. В 1169 году согласно выбору старших южнорусских князей и по воле киевского веча киевский стол занял волынский князь Мстислав Изяславич, сын Изяслава Мстиславича, с которым сражался Юрий Долгорукий (см. стр. 27—30).

Мстислав использовал передышку в междоусобной борьбе. Ему удалось созвать тринадцать князей и «иных мнози» для похода в половецкую степь. Снова зазвучали дорогие каждому слова «Русская земля». Снова, как при деде Мстислава Изяславича — Мстиславе Великом и прадеде его — Владимире Мономахе, русские полки двинулись в «поле половецкое». И опять, как бывало когда-то, объединенные полки разбили кочевников, захватили богатую добычу, освободили пленников. Действительно, благое дело сделал Мстислав для Русской земли, и вы, наверное, почувствовали, с каким уважением отнесся к нему летописец.

ВЗЯТИЕ КИЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

К стр. 34

Казалось бы, после блестящей победы над половцами Мстислав Изяславич мог стать влиятельным князем Южной Руси. Но те самые князья, которые выбрали Мстислава киевским князем и участвовали

с ним в походе на половцев, теперь, боясь его усиления, выступили против него. Посадив его на киевский стол, они надеялись, что он даст им те волости, какие они запросят. Но не таков был Мстислав Изяславич, чтобы ему только по имени называться старшим князем. Не дал он никому волостей. Вот и стали его бывшие союзники «ловить его головы».

Окончательный разрыв произошел из-за Великого Новгорода. Однажды новгородцы прогнали княжившего у них сына Андрея Боголюбского и послали в Киев к Мстиславу просить его дать им его сына в князья. Но как только Мстислав исполнил их просьбу, все князья заволновались. Они боялись, что теперь он будет достаточно силен и станет навязывать им свою волю. Не хотел и Андрей Боголюбский потерять влияние в Новгороде. Его гонцы поскакали в Чернигов, Смоленск, Переяславль Южный, Дорогобуж и в другие города Южной Руси. Андрей собрал огромную рать и двинул полки на Киев.

Войска Андрея, как вы прочитали в летописи, одержали победу. Но Андрей Боголюбский, завоевав старшинство во всей Русской земле, не поехал в Киев, а посадил там младшего брата, Глеба. Сам же остался у себя во Владимире.

После похода на Киев Андрей послал полки на Новгород. Он не мог терпеть, чтобы там сидел Роман, сын Мстислава Изяславича. К тому же новгородцы послали отряд на Северную Двину собирать там дань и столкнулись с суздальцами, которые пришли туда за тем же. Андрей решил добыть Новгород «и добром и лихом».

Битва суздальцев с новгородцами окончилась поражением войск Андрея. Новгородцы затворились в городе и бились крепко. Четыре приступа суздальцев не удались. А в полках у них начался мор «на людях» и падеж коней. Андреева рать должна была отступить.

В связи с победой в Новгороде была создана легенда. Рассказывали, что суздальцы во время осады пустили стрелу в икону Богоматери — Зна́мение, поднятую новгородцами над городской стеной. Тогда икона, проливая кровавые слезы, повернулась обратной стороной к суздальцам, на них сошла тьма, и так они были перебиты. Легенда интересна тем, что она расценивает междоусобия как тьму, затмение, сошедшее на людей.

Древняя икона Богоматери — Знамение теперь хранится в Новгороде в музее. Впоследствии же, начиная с XV века, «битва суздальцев с новгородцами» стала изображаться на иконах. Это первый исторический сюжет в русской живописи. Три самые древние иконы на эту тему вы можете увидеть в Третьяковской галерее в Москве, в Русском музее в Ленинграде и в Художественном музее в Новгороде (см. стр. 254).

Поражение войск Андрея Боголюбского не означало победы новгородцев. В Новгороде начался голод, а хлеб доставали в Суздальской земле. Новгородцы вынуждены были «показать путь» Роману и принять князя «из рук» Андрея.

САМОВЛАСТИЕ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

К стр. 36

Образ Боголюбского, нарисованный русскими летописцами, сложен и противоречив. В молодости Андрей был бесстрашным воителем, участвовал во всех походах отца и всегда отличался «дерзостью» (храбростью). Он первым «ломал копье», то есть начинал сражения, бился впереди своих воинов.

Однако Андрей, по словам летописца, тяготился походами отца на Киев и стремился вернуться на северо-восток. «Нечего нам, отец, здесь делать, пойдем отсюда»,— говорил он.

Летописец не жалеет слов на прославление его построек, «измечтанных всякой хитростью». Но он строго осуждает властолюбие Андрея. Отдавая ему должное, он пишет, что Андрей был «умен во всех делах и доблестен». Однако наш историк добавляет: «...но погубил смысл (разум) свой невоздержанием». В своем рассказе об отношении Андрея к другим князьям летописец ярко рисует образ самонадеянного, вспыльчивого северного властителя.

УБИЙСТВО АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

К стр. 39

Крутая власть Андрея тяготила и бояр, и простое население. Ведь княжеские «милостники», все эти тиуны, мечники, отроки, «детские», алчные до наживы, злоупотребляли своею властью. Простой народ жил в вечном страхе перед княжескими слугами. Это и привело к трагической развязке: к убийству Андрея и к расправе жителей городов и сел с его приближенными.

Свидетелем событий июньской ночи 1175 года является лестничная башня в Боголюбове и переход от нее к церкви Рождества Богородицы, перестроенной в XVII веке. Лестничная башня — единственное здание, сохранившееся от богатого и сложного комплекса дворцовых

сооружений в Боголюбове. Она говорит об утонченном чувстве красоты Андреевых зодчих, об изысканных пропорциях зданий, о совершенстве их архитектурного убранства. Башня так величественна и прекрасна, что ее стали называть «палатами Андрея Боголюбского», создалась даже легенда, что именно в ней была «ложни́ца» Андрея, где напали на него убийцы (см. стр. 238).

Самое совершенное творение зодчих Андрея Боголюбского — церковь Покрова́-на-Нерли. Это поистине жемчужина древнерусской архитектуры. Стройная, женственно нежная, стоит она на небольшом холме среди заливных лугов при слиянии реки Нерли с Клязьмой в полукилометре от Боголюбова. Ее белые стены отражаются в водах Нерли и тихой заводи с белыми кувшинками, плавающими на поверхности (см. стр. 234).

МСТИСЛАВ ХРАБРЫЙ В НОВГОРОДЕ

К стр. 44

Нравственный идеал людей в Древней Руси был очень высок. В летописях он отражен в речах горожан на вече, в речах князей на съездах и перед битвой, «похвалах» князьям, которые писались по поводу их смерти, в размышлениях самих летописцев.

Идеал доблести, верности долгу, служения отчизне, уважения к старшинству воплощен летописцем в образе князя Мстислава Храброго. Мало кто из князей заслужил такую высокую похвалу, как этот князь, который с юности своей привык никого не бояться, кроме бога единого, как писал летописец.

Храбрость и чувство чести прививались с детства. С раннего возраста ребенка учили следовать какому-то возвышенному идеалу. Таким идеалом был, во-первых, предок, по имени которого называли ребенка. Это имя не было христианским, но древним, языческим. По происхождению своему оно было русским, славянским — Святослав, Святополк, Ростислав и другие. Обычай называть младенца в честь предка связан с представлением о нерасторжимом единстве живых и мертвых, с верованием в бессмертие, которое перешло и в христианскую религию.

Мстислав Ростиславич получил имя в честь деда, доблестного Мстислава Великого. Имя обязывало. С ранних лет мальчик слышал рассказы о деде, его учили «идти по пути его».

Второй идеал был идеал христианский. При крещении каждому ребенку давали христианское имя. Оно, так же как и языческое,

имело значение «оберéга». Только оберегом был не один из предков, а соименный человеку святой. Считалось, что он охраняет его от беды, от зла, от неправды, сопутствует ему на всем жизненном пути. Поэтому люди носили на груди иконки со своим святым. Святой изображался на передней части княжеского шлема. Верили, что это изображение передает тому, кто его носит, свою духовную и даже физическую силу. Чтобы князь обладал силой, отвагой, его называли Георгием, или Дмитрием, или Федором — в честь святых воинов-победоносцев или мучеников, погибших за свои убеждения.

Когда княжичу исполнялось три-четыре года, над ним совершался обряд пострижения и посажения на коня. Этот обряд, сопровождавшийся церковным благословением, заключался в том, что мальчику первый раз стригли волосы. Остриженные волосы предназначались Роду. Это была своеобразная жертва душам предков. После пострига отец поднимал малютку на руки и торжественно сажал на коня. Для князя-воина конь — ратный друг, поэтому «посажение на коня» имело значение важного в жизни князя обряда.

Готовя князя к исполнению воинского долга, в нем развивали чувство ответственности за себя и своих товарищей. Его рано начинали учить верховой езде и охоте. Охотились не только на зайцев да на лисиц, но и на диких вепрей (кабанов), туров, медведей. Тут нужна была и сметливость, и выдержка, и ловкость, и большая физическая сила. Ходили на этих зверей с рогатинами и с топорами. Для развития силы и ловкости устраивались военные игры. Память о них сохранилась в былинах, где пелось о том, как богатырь «пáлицей булатною поигрывает, а палицу булатную выкидывает, а палица булатная сорокá пудов, а палицу выкидывает под облаки». В другой былине мóлодец «мечет острое копье под вышину небесную, на коне подъезжает и подхватывает, легко копьем поворачивает». Можно себе представить, что в подобных играх Мстислав Ростиславич не был последним.

Были народные игры, связанные со старинными языческими обрядами. К ним относились кулачные бои. Они всегда привлекали большое количество зрителей, которые сбегались смотреть на дело, «от дьявола замышленное», как называл подобные «игрища» благочестивый летописец.

Молодого княжича воспитывал «дядька» или «кормилец». Кормильцами были люди военного звания, и притом высокообразованные. Во время малолетства князя они предводительствовали его полком, творили суд и воспитывали князя. Они же давали своим питомцам и весьма неплохое по тем временам образование. Многие князья знали иностранные языки, собирали библиотеки, основывали училища.

Не только высшие слои общества того времени получали образование. Вот как пели певцы в былине о Добрыне Никитиче:

> «А и будет Добрыня семи годов.
> Присади́ла его матушка грамоте учиться.
> А грамота Никитичу в наук пошла,
> Присадила его матушка пером писать».

Есть много икон, где на клеймах (отдельных сценах на полях) изображается «приведение в учение» (см. стр. 229). Маленький мальчик в белоснежной рубашечке робко подходит к монаху-учителю. Его сопровождают родители. Они заботливо наклоняются над ним. В этих изображениях всегда тонко передано волнение первых шагов учения.

О широком распространении грамотности в Древней Руси говорят многочисленные надписи ремесленников на своих изделиях, подписи владельцев на отдельных вещах и, наконец, знаменитые берестяные грамоты, которые вовсе изменили наши представления о грамотности русских людей тех времен.

На Руси было много книг общеобразовательного характера, как мы сказали бы теперь. «Физиолог» рассказывал о животном мире, в «Пчеле» были собраны изречения из античной литературы и философии «о мудрости», «о мужестве и крепости», «о правде» и т. д. И теперь интересно читать «Пчелу». Вот несколько изречений: «Мудрая дума лучше многих рук, а мудрый лучше сильного», «Мудрость надо всеми добродетелями царствует», «Смирéн будь при славе, а при печали мудр», «Тот мужествен и храбр, кто может самого себя одолеть», «Лучше во тьме пребывать, нежели без друга».

Однако неверно было бы думать, что все знания русские люди черпали из книг и что неграмотный человек был невежествен. Большое значение имели устные предания, рассказы и песни. Распространителями многих сведений были так называемые кали́ки перехожие. Калики — это странники, их называли так по обуви кали́га, которую они носили.

Народ подчас изображал этих носителей знаний богатырями: они выбирают себе атамана, милостыню берут не рублями, не полтиною, а целыми тысячами. От крика их

> «Дрогнет матушка сыра земля.
> С дерев вершины попадали,
> Под князем конь окорачивался.
> А богатыри с коней попадали».

Калики наделялись иногда и чудесными качествами. Помните, как приходят калики к Илье Муромцу, который 33 года лежал без движения, а испив вина, поданного каликами, почувствовал «силушку великую».

Ходя с места на место, калики знали все последние новости: каковы где цены, где уродилось жито, где случился пожар великий. «Зимою по Федорове недели,— рассказывали они,— потряслася земля по всей области киевской и по Киеву. Церкови каменные и деревянные колебались, и иконы задвигались на стенах, и паникадило со свечами и светильниками поколебалось. И все люди, видя то, от страха не могли стоять, одни падали ниц, другие же трепетали».

Калики отвечали на всевозможные вопросы, которые интересовали и волновали слушателей. Среди этих вопросов были вопросы и о мироздании:

«Отчего у нас свет светится?
И отчего заря занимается?
На чем у нас небо ходит?
На чем земля стоит?» —

спрашивали любознательные слушатели. А калики «становились во единый круг», «клюки-посохи в землю потыкали, а и сумочки исповесили» и пели:

«Свет у нас светится от господних очей,
А солнце сияет от святые ризы его,
А заря занимается от солнца красного,
А небо ходит на воздусех,
А земля стоит на осьмидесяти китах рыбах меньшиих,
Да на трех рыбах большиих».

Читая эти стихи, невольно вспоминаешь примечание А. С. Пушкина к его «Подражанию Корану»: «Плохая физика, зато какая смелая поэзия».

«От скольких частей Адам сотворен?»—задавался вопрос, и ответ был совсем не по Библии:

«От осьми частей:
Тело взято от земли,
От камени кости,
От моря кровь,
От солнца очи,
От облака мысли,
От ветра дух,
От огня теплота,
Душу господь вдохнул».

Калики рисовали перед слушателями и картины природы:

«Придет мать весна-красна,
Лузья-болота разольются,
Древа листьями оденутся,
И запоют птицы райские
Архангельскими голосами».

Они пели и о каких-то сказочных зверях, поражающих воображение:

«У нас Индрик-зверь всем зверям отец,
Почему Индрик-зверь всем зверям отец?
Ходит он по подзе́мелью,
Прочищает ручьи и прото́чины,
Куда зверь пройдет,
Ту́те ключ кипит,
Куда зверь тот поворо́тится,
Все звери зверю поклоня́ются,
Живет он во святой горе,
Пьет и ест во святой горе,
Куда хочет, идет по подземелью,
Как солнышко по подне́бесью.
Потому же у нас Индрик-зверь всем зверям отец».

Сказители пели об Индрике-звере, а резчики вырезали удивительных, причудливых зверей, которых и теперь можно увидеть на соборах в Чернигове, Владимире, Юрьеве-Польском, а когда-то они украшали храмы Рязани, Галича и других городов.

Калики перехожие поднимали и социальные вопросы, но решали их обычно очень пессимистично. «Нет на свете правды»,— говорили они и рассказывали о чудесном сне некоего царя Владимира. Царю снилось, будто с восточной и с западной стороны сходились и бились между собою два лютых зверя, «один одного одолеть хочет». А вот разгадка сна:

«Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собиралися:
Это кривда с правдой сходилася,
Промеж себя они бились-дрались,
Кривда правду одолеть хочет.
Правда кривду переспорила,
Правда пошла на небеса,
К самому Христу, царю небесному,
А кривда пошла у нас по всей земле,
По всей земле по свет-русской,
По всему народу христианскому».

Но все симпатии калик перехожих были на стороне бедных и убогих. Используя любимую среди народа древнюю евангельскую притчу «О богатом и убогом Лазаре», калики пели о том, как пришел конец обоим. Христос посылает ангелов смерти к бедному Лазарю со словами:

«Выньте его душеньку и че́стно и хва́льно,
И честно и хвально и в сахарные уста,
Положите его душеньку на пе́лены,
Поднимите душеньку на небеса,
Положите душеньку в пресветлый рай».

Кажется, певцы вложили в эти слова всю свою бережность, нежность и представили себе, как ангелы плавно на пеленах поднимают «душеньку» убогого на небеса, «в пресветлый рай». О душе богатого говорится совсем иначе:

> «Выньте его душеньку сквозь левое ребро,
> Положите душеньку на острое копье,
> Поднимите душеньку вверх высокó
> И бросьте его душеньку в тар-тарары».

Под впечатлением этих стихов художники изображали в росписях на стенах храмов богатого Лазаря в аду. Ему в пекле жарко, он мучается от жажды, он просит воды испить, а дьявол подносит ему горячие уголья (см. стр. 250).

Не только по Русской земле ходили калики перехожие. Некоторые из них добирались до Царьграда, другие до самого Иерусалима. Таких путешественников у нас называли палóмниками (от пальмовой ветки, которую они обычно привозили с собой).

Находясь на чужбине, паломники испытывали чувство острой тоски по родине. Забывалось разделение на Черниговскую землю, Новгородскую и т. д. В памяти стояла единая Русская земля. Так мы и не знаем, например, откуда был родом игумен Даниил, ходивший в Иерусалим еще в начале XII века. Не знаем и настоятелем какого монастыря он был, потому что сам Даниил называет себя «игумном Русской земли» и ставит свечу в Иерусалимском храме за всех русских князей.

Широкий взгляд на мир выразился в красивом запеве былины:

> «Высота ли, высота поднебесная,
> Глуботá, глубота океан-море.
> Широко раздолье по всей земли,
> Глубоки омуты днепровские».

Познания о мире и жизни передавались из рода в род в форме пословиц, поговорок, загадок. Попробуйте отгадать загадку: «Кто есть многие реки пие, а не может напитися?» Отгадали? Нет! Ответ на нее такой: «Богат много собирает, а не может насытися».

А вот еще загадка, какая-то очень образная, за нею ощущаешь что-то большое, значительное: «Тур ходит по горам, турица по долам, тур свистнет, турица мигнет». Что это? «Гроза»,— отвечали недогадливому.

Ощущение человека как части необъятной природы слышим мы в зáговорах, в которых чисто языческое представление о мире при-

чудливо сочетается с христианским. Вот пример заговора: «Господи, боже, благослови. От синя моря силу, от сырой земли резвоты́, от частых звезд зрения, от буйного ветра храбрости ко мне, рабу божию. Стану я, раб божий, в чистое поле, на ровное место, что на престол господа моего, облаками облачуся, небесами покроюсь, на главу свою кладу красное солнце, оболоку на себя светлый младой месяц, подпояшусь светлыми зорями, облачуся частыми звездами, что вострыми стрелами,— от всякого злого недруга моего».

Переплетение языческих и христианских представлений было и во всех обрядах древнерусского человека. В летописях описаны обряды, совершавшиеся над князьями.

Умер князь. Возле его гроба ставили копье — символ воина; вешали меч — символ княжеского достоинства. Этот обычай восходит к той еще глубокой языческой древности, когда вместе с воином погребали его оружие, доспехи, его боевого коня. Тут же над телом князя пели положенные песнопения, то есть отпевали его по христианскому обряду, а народ выражал свою печаль в плачах или в «при́чете». Мы с вами уже встречались с плачем на страницах летописи. Вспомните плач Кузьмища и владимирцев по Андрее Боголюбском. Плачи были непременной принадлежностью погребального обряда. Они держались у нас до XX века. Восходят же они еще к языческой древности. Плач был взволнованным выражением глубокой скорби по умершему, горестным раздумьем о своей собственной судьбе. В плачи вкладывалось вечное недоумение человека перед великой тайной смерти, которое не могли разрешить ни языческие, ни христианские представления.

Перед лицом смерти все оказывается большим и значительным. Поэтому в летописи так сдержанно и в то же время драматично изображен последний час Мстислава Храброго, когда смелый воин предстает перед нами совсем с новой стороны. Он не только князь, но и человек.

Дух русской летописи передал А. С. Пушкин в «Борисе Годунове». В этой трагедии также изображен царь и человек. В сцене смерти Бориса вы найдете даже дословные совпадения с рассказом о смерти Мстислава. Перечитайте «Бориса Годунова». Вы поймете, как многое воспринял поэт от безымянных летописцев нашей древности.

СКАЗАНИЕ О ТРАВЕ ЕМШАН

К стр. 47

В годы бедствий русские люди всегда обращались к минувшим славным дням, при этом прежде всего им вспоминалось имя Владимира Мономаха, его упорная и успешная борьба с кочевниками. Рассказывая о том, как половецкий хан Кончак «вычерпал Сулу», то есть опустошил города и села на ее берегах, летописец возвращается к тем временам, когда Мономах «пил золотым шеломом Дон» и загнал отца Кончака, Атрака, «за железные врата».

В этот рассказ он вводит сказание о возвращении Атрака на родину. Что это за сказание? Может быть, это отрывок не дошедшей до нас поэмы? Мы не знаем. Сказание пленяет нас поэтичностью и глубоким уважением русских людей к чувству родины у чужого народа. Для Руси Атрак и сын его Кончак были злейшими врагами, но летописца привлекает любовь Атрака к родным степям.

В XIX веке поэт А. М. Майков переложил рассказ о траве емшан в стихотворение.

ПОХОД СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА КИЕВСКОГО НА ПОЛОВЦЕВ

К стр. 48

Половецкому хану Кончаку удалось объединить половцев. Он многое сделал и для укрепления военной силы своих войск. Он нанял в Хорезме людей, которые умели делать военные машины, катапульты и баллисты.

Под влиянием половецкой опасности русские земли пытаются объединиться. Ольговичи и Мономаховичи, эти вековые враги, заключают союз. Святослав Всеволодович, один из старших Ольговичей, договаривается с Рюриком Ростиславичем, правнуком Мономаха. Их совместный поход, к которому присоединились многие «окольные» князья, закончился победой. Победа показала силу и значение объединенных усилий. А ведь даже не все южные князья участвовали в этом походе. Не было в Святославовых полках новгород-северских дружин князя Игоря. Он уже вышел из Новгорода-Северского, сказав так: «Поганые есть всем нам обчие вóроги» (общие враги). Но слишком поздно пришла ему весть о походе Святослава. К тому же начался гололед. Двигаться было невозможно. «Князь, пта́хою не мо-

жешь перелететь»,— говорила ему дружина. Пришлось повернуть домой.

Не успев прийти вовремя, лишившись тем самым славы победы, Игорь решил один поискать себе чести и славы, «позреть синий Дон», «преломить копье в поле половецком».

ПОХОД ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО НА ПОЛОВЦЕВ

К стр. 48

Вы, конечно, знаете о походе князя Игоря. Солнечное затмение, случившееся вскоре после выхода войска из Новгорода-Северского, первая блестящая победа над половцами, а затем полное поражение. Этот несчастливый поход поразил современников. Он подробно описан в Ипатьевской летописи, несколько более кратко, но с использованием каких-то иных источников — в Лаврентьевской. Судьба Игоря послужила основой для величайшего поэтического произведения нашей древности, для знаменитого «Слова о полку Игореве». Повесть Ипатьевской летописи один из лучших образцов исторической прозы XII века.

Князь Игорь в изображении летописца полон сознания высокой воинской чести. Его слова: «Если мы вернемся, то позор нам будет пуще смерти» — напоминают нам знаменитую речь Святослава, произнесенную воинственным князем в 971 году: «Не посрамим земли Русской, но ляжем костьми, мертвые бо срама не имут».

Доблестные князья всегда любили свою дружину «паче меры» — так обычно писали летописцы, это стало уже шаблоном. Мы не находим такого шаблона в записи 1185 года. Но мы узнаём, что Игорь не только любил свою дружину, но заботился и о простых воинах, о «черных людях», сражавшихся пешими. Князья, окруженные половцами, могли бы пробиться к Дону со своими конными дружинами, но они оставили бы тогда пеших воинов в руках врагов. Игорь предпочел разделить с ними их судьбу. Его забота о «черных людях» напоминает заботу Мономаха о смердах.

Память об Игоре, о жене его Ярославне живет и теперь в Новгороде-Северском и в Путивле. На холмах, перерезанных глубокими балками — оврагами, высоко над Десной раскинулся Новгород-Северский. На той стороне — заливные луга, среди них голубеют и серебрятся рукава и заводи. Вдали синеют леса. Этот вид открывался и перед людьми, жившими здесь в беспокойном XII веке. До сих пор мы можем

видеть остатки древних валов, окружавших центр города. Двор же князей новгород-северских был несколько выше по течению реки. «Замок Игоря» — называют теперь это место. Оно глухо заросло кустарником и деревьями. Его склоны иногда отвесно обрываются в сторону Десны и песчаных оврагов. Местные жители находят здесь какие-то подземные ходы. Тут все таинственно, полно поэзии.

Если вы приедете в Путивль, вас непременно спросят: «Вы были на Городке?» Там стоял двор Игорева сына Владимира, там «на забра́ле» — на переходах деревянных стен — «зегзи́цею» (кукушкою) плакала Ярославна. Огромный вид открывается с Городка. Сами собой приходят на память лирические строфы из «Слова о полку Игореве».

ПОХВАЛА ВСЕВОЛОДУ БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

К стр. 55

Рассказ — из Лаврентьевской летописи.

В городе Владимире, недалеко от Успенского собора, над обрывом к Клязьме стоит храм, посвященный воину Дмитрию Солу́нскому (см. стр. 237). Этот храм, как и другие постройки XII века, выложен из белого камня. Тонкие, очень стройные пилястры, увенчанные резными капите́лями, членят его стены. В ступенчатых нишах темнеют узкие, длинные окна. На половине стены идет нарядный пояс из соединенных арочками полуколонок. Они ничего не поддерживают, а только украшают стену. Такой пояс архитекторы называют аркату́рой. Кажется, словно полуколонки свисают с арочек. Внизу они заканчиваются причудливыми зверями. Между полуколонками — растительный орнамент, высеченный из того же белого камня, и фигуры стоящих в рост святых. Верхняя же часть стены сплошь покрыта белокаменной резьбой. Стройный барабан со шлемом-куполом венчает это статное, поистине царственное здание, выражающее идею воина и властителя. Его совершенные формы и роскошное резное убранство отразили идеалы царственного величия его строителя — великого князя владимиро-суздальского Всеволода, прозванного за многочисленное потомство Большое Гнездо. Всеволод был младшим братом Андрея Боголюбского.

От времен Всеволода сохранился еще один превосходный памятник искусства. В первом зале древнерусского искусства в Третьяковской галерее висит большого формата торжественно-праздничная икона Дмитрия Солунского (см. стр. 252). Юный красивый воин в кесарском венце сидит на богатом троне с обнаженным наполовину мечом в руках.

Меч не только оружие воина. Это символ княжеской власти. Дмитрий на этой иконе и воин, и князь, и судья. Некоторые исследователи считают, что в нем переданы портретные черты Всеволода (христианское имя князя было Дмитрий). В средние века был обычай изображать в святых черты лица заказчика икон. Поза Дмитрия, его богатая одежда и парадная величественность иконы отражают уверенность ее заказчика в богоустановленности княжеской власти.

Всеволод Большое Гнездо — первый владимиро-суздальский князь, которого летописцы неизменно величают великим князем. Это его титул. В 1177 году владимирские горожане посадили его «на столе отца и деда». Тогда они целовали крест не только ему, но «и детям его». Так при Всеволоде владимирский стол стал наследственным.

Длительное княжение Всеволода было временем расцвета Владимиро-Суздальской земли. Он успешно продолжал дело своего брата Андрея Боголюбского. Всеволод был страшен своим врагам и умел подчинить своей воле все соседние земли: Рязань и Муром, Великий Новгород и Чернигов. Рязанские князья забыли свои «буйные речи», которые они произносили, бывало, «по своему обычаю и непокорству». Они вынуждены были отправить послов ко Всеволоду со словами: «Ты наш отец, ты господин, ты брат. Если где твоя обида будет, то мы прежде тебя головы свои положим за тебя». А новгородцы говорили, прося у великого князя сына к себе на стол: «Ведь Новгород тебе отчина и дедина», и принимали князей «из его рук со всею правдою и честию».

И за границами Русской земли имя Всеволода было хорошо известно. Однажды, спасаясь от боярского мятежа, галицкий князь бежал в Германию. Фридрих Барбаросса, император Германии, узнав, что беглец — родной племянник Всеволода Суздальского, принял его с честью.

Всеволод успешно воевал с Волжскою Болгарией за торговые пути по Волге. Больше того, из Владимира Всеволод ходил со старшим сыном Константином на половцев, и те, услышав о походе его, бежали с вежами к морю. «Князь же великий Всеволод ходил по зимовищам их близ Дона». Недаром автор «Слова о полку Игореве» писал, обращаясь к нему: «Ты бо можешь Волгу веслами раскропити, а Дон шело́мами выльяти».

Во владимирском летописании уже ко времени Всеволода выработался идеал князя, строгого защитника веры, властителя, наводящего страх на чужие народы, князя, не боящегося «лица сильных своих бояр», которые «творят насилия». Этот новый идеал князя отразился в «похвале» Всеволоду, которую вы прочитали в летописи. Заметили ли вы, что в ней нет упоминания о дружине? Наступили новые времена,

князь стал единодержавным хозяином своей земли. Он «ограждает страхом грозы своей» обиженных, он окружает себя мудрыми советниками и отстраняет глупых, даже если те богаты, потому что, как писал Даниил Заточник, «богатый, разодетый да глупый — что шелковая наволочка, соломой набитая».

НОВГОРОДЦЫ И МСТИСЛАВ УДАЛОЙ

К стр. 56

Рассказ — из Новгородской Первой летописи.

Мстислав Удалой (сын Мстислава Храброго) прибыл в Новгород в очень сложное время. Чтобы разобраться в событиях 1210—1214 годов, нам надо вернуться к чуть-чуть более раннему времени, к 1209 году. Тогда посадником в Новгороде был Дмитрий Мирошкинич. Это колоритная фигура. Он принадлежал к богатому боярскому роду. Его отец тоже был посадником. Дмитрий Мирошкинич владел обширными земельными угодьями, вел заморскую торговлю и занимался ростовщичеством. Он возбудил против себя всеобщую ненависть. Но за спиной посадника стоял Константин, сын могущественного Всеволода Большое Гнездо. Константин был в это время новгородским князем. Многие новые подати Дмитр (так называли его новгородцы) ввел с согласия князя или по его указу.

В это время Всеволод велел сыну идти против Рязани. Константин пошел с новгородцами и посадником Дмитром, но за оказанную помощь Всеволод вынужден был в конце похода богато одарить новгородцев и дать им «волю всю и уставы старых князей». «Этого и хотели новгородцы»,— добавляет летописец. И сказал Всеволод: «Кто к вам добр, того любите, а злых казните».

Как только новгородцы вернулись домой, они воспользовались правом «казнить злых» и созвонили вече «на посадника Дмитра». Дмитрия Мирошкинича не было в это время в Новгороде: он умирал во Владимире от ран, полученных во время рязанского похода. Но и в его отсутствие вече судило нарушителя новгородских прав и вольностей. Это был именно суд, где перечислялись все вины Дмитра. По законам Господина Великого Новгорода нельзя было никого казнить или даже сместить с должности «без вины». Вече обвинило посадника в том, что он «с братьей своей» увеличил налоги в городе и в волости, установил новые поборы и обложил купцов платежами, которых они раньше не платили.

За преступления, в которых обвинялся посадник и его «приятели», полагалось лишение имущества. Сразу с веча новгородцы пошли на их дворы «грабежом». Однако это не был грабеж, как мы понимаем это слово. Давайте обратимся к летописи. Там сказано так: «имущество их (Дмитра и его сторонников) взяли, села их и челядь распродали, а сокровища их сыскали и захватили без числа, а избыток разделили по зубу (на каждого новгородца) и на щит (на каждого воина)». Что значит «избыток»? Очевидно, сокровища Дмитра и других по приговору веча должны были идти в городскую казну. Но их оказалось так много, что какую-то часть роздали горожанам. Были у Дмитра и доски с долговыми обязательствами. Эти доски схватили, но не уничтожили, а передали князю. Конечно, кое-кто воспользовался сумятицей, но он вызвал осуждение летописца: «Если кто тайно похватал, так то один бог ведает, и от того многие разбогатели».

Народное озлобление против Дмитра было настолько сильно, что когда его мертвое тело привезли в Новгород — он умер во Владимире,— новгородцы хотели сбросить его труп с волховского моста. Так обычно казнили преступников. С трудом архиепископ удержал их от этого.

Новгородцы целовали крест, что не хотят держать у себя ни детей Дмитра, ни братьев его, ни приятелей, и избрали посадником соперника Дмитра — Твердислава Михайловича. Вместо Константина в Новгород приехал другой сын Всеволода — Святослав. Но новгородцы понимали, что, хотя Всеволод и дал им «уставы старых князей», все-таки и другой его сын будет вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Не хотели они держать у себя Святослава. Вот тогда и приехал Мстислав Удалой.

Мстислав вскоре отправился в поход «на чудь» (в прибалтийские земли). С конца XII века немецкие рыцари начали походы в Ливонию, земли ли́вов и э́стов. Их походы были планомерны, сопровождались постройкой крепких за́мков — опоры для дальнейших завоеваний, крещением населения в христианскую веру по католическому обряду и превращением жителей в крепостных. Мстислав Удалой, как бы подтвердив старинные права новгородцев, взял с чуди дань, но ничего не противопоставил немецким рыцарям.

После похода на чудь Мстислав с новгородцами пошел на юг. Этот поход не был интересен новгородцам, и Мстислав вынужден был покинуть Новгород «по своей воле», не дожидаясь, пока новгородцы «покажут ему путь».

Новгородцы послали за Ярославом Всеволодовичем. Это был третий сын суздальского князя, пришедший к ним на стол. Каждая смена князя в Новгороде сопровождалась сменой посадника, тысяцкого

и других должностных лиц. Всегда «хватали» каких-то приверженцев прежнего князя. Ярослав же был особенно крут.

Новгородскую летопись нелегко читать. Летописец писал о делах своего города и о его жителях так, будто все очень хорошо знакомы и с событиями и с действующими лицами. А мы с вами не знаем, кто был Овстрат и почему жители Прусской улицы убили его и сына, а тела их бросили в ров. Но мы можем предположить, что Овстрат был сторонником Ярослава, раз князь настолько рассердился за его убийство, что в гневе ушел из Новгорода в Торжок. Очевидно, в Новгороде разгорелась борьба двух партий. Одни стояли за суздальского князя. Они оклеветали (по словам летописца) тысяцкого Якуна и разграбили его двор. Другие отстаивали новгородские вольности и восставали против притеснений суздальского князя.

Далее летописец рисует яркую картину голода в Новгороде и возвращение Мстислава. Здесь все достаточно ясно и прибавлять, казалось бы, нечего, но вам, наверное, будет небезынтересно узнать, что мы знаем портрет Ярослава Всеволодовича.

На Нередицком холме в двух-трех километрах от Новгорода, в сторону Ильмень-озера, при князе Ярославе была построена знаменитая в истории русского искусства небольшая церковь Спаса-Нередицы (см. стр. 231). Стены ее расписали фресками. Церковь и почти все ее росписи погибли во время Великой Отечественной войны. Мы теперь можем видеть их в основном на копиях и воспроизведениях.

В нише северной стены было изображение человека в отороченной мехом княжеской шапке, в богатом узорчатом платье с широкими рукавами. Он стоял во весь рост и держал в правой руке модель церкви, которую подносил сидящему перед ним Христу. Это и есть портрет Ярослава, заказанный его сыном Александром Невским уже после гибели отца в Орде. Смотришь на властное лицо с тонким горбатым носом, длинной бородой и веришь, что именно так должен был выглядеть этот крутой и решительный князь (см. стр. 253).

ЛИПЕЦКАЯ БИТВА

К стр. 60

Рассказ — из Новгородской Четвертой летописи.

Вы помните, что в 1212 году умер могущественный князь Северо-Восточной Руси Всеволод Большое Гнездо. Незадолго до смерти он послал за старшим сыном Константином, который уже пять лет как

княжил в Ростове. Всеволод хотел дать ему после себя Владимир, а в Ростов послать второго сына — Юрия. Но случилось неслыханное. Сын не поехал по зову отца. Другой раз послал Всеволод за Константином, но тот опять не поехал. Старший сын Всеволода держался за старину. Он думал думу с ростовскими боярами, и бояре были с ним заодно. Константин украшал и обстраивал Ростов. Он поставил там новый собор Успения и церковь Бориса и Глеба. Великий книголюб, он собрал обширную библиотеку, открыл школу, где среди других предметов преподавали греческий язык. Не хотел князь покидать Ростов, но хотел «к Ростову» иметь и Владимир.

Всеволод рассердился на это. Он «созвал всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Ивана, и игуменов, и священников, и купцов, и дворян, и всех людей». После долгих размышлений Всеволод решил наказать ослушника: отдал старейшинство второму сыну — Юрию, минуя старшего, и завещал ему владимирский стол. «Вси люди» целовали крест Юрию.

Князь Константин, услышав об этом, «разгорелся яростью и поднял брови свои с гневом на князя Юрия, брата своего, и на всех думцев, которые сдумали так сделать. И много волнения и смущения было о том, и многие люди туда и сюда отъезжали, мечась».

Как только умер Всеволод, Константин начал замышлять поход на Юрия, желая «под ним взять Владимир». Удобный случай представился ему, когда Мстислав Удалой выступил из Новгорода против Ярослава Всеволодовича, младшего брата Константина. Ярослав соединился с двумя другими братьями, с Юрием и Святославом, а Константин примкнул к Мстиславу Удалому и новгородцам.

Из всех повестей о княжеских преступлениях повесть о Липецкой битве, быть может, самая яркая и самая горькая. Летописец — великий судья происходивших событий — воспринимает ее как страшное заблуждение вознесшихся в своей гордости князей, князей, забывших честь, братские чувства, то есть единство Руси, пренебрегших правдой, поступившихся ответственностью за судьбу родины.

С момента Липецкой битвы прошло много веков, но, читая летописную повесть, невольно ощущаешь горькое чувство. Эта похвальба перед боем, раздел недобытых городов, а потом позорное бегство с потерей стягов и доспехов, а с ними и воинской чести. «Слава их и хвала погибли, и полки сильные ни во что стали». Вот до чего дошли междоусобия: «Не 10 мужей было убито и не 100, но тысячи тысяч». И сам великий князь Юрий, прискакавший во Владимир в одной сорочке, загнав трех коней, униженно просит: «Дайте мне жизнь и хлебом накормите». Поистине прав был певец «Слова о полку Игореве», когда говорил: «Князья сами себе крамолу коваху».

Уже недалек был час, когда хлынут орды на Русь. Летописец будет рассматривать монголо-татарское завоевание и последующее иго как тяжкое наказание «грех ради наших». В чем же «грех», то есть, по мысли средневековых людей, преступление не только перед людьми, но и перед богом? Да вот в этих самых княжеских междоусобиях, которые облегчили монголо-татарам завоевание русских земель.

ПЕРВОЕ ИЗВЕСТИЕ О ТАТАРАХ

К стр. 69

Рассказы на стр. 69—70 — из Суздальской летописи по академическому списку.

Ужас и растерянность звучат в краткой записи летописца о приходе неведомого народа. Казалось, сбываются зловещие предсказания Мефодия Патарского о том, что при конце света явится народ, который пленит всю землю. «Откровения Мефодия Патарского», написанные в IV веке нашей эры, поражали воображение читателей средних веков мрачными картинами жестоких войн, гибелью целых государств. В последние дни, написано в «Откровениях», на скончание лета отверзятся врата северские, изыдут нечистые народы, выйдут Гог и Магог, и дрогнет вся земля от лица их. И убоятся все люди и скроются в горах и в пещерах, и погибнут многие, и некому будет погребать мертвых. Летописцу казалось, что «последние дни» наступили, «языци (народы) незнаемые» — татары — и есть те люди, которые, согласно пророчеству, пленят всю землю. Так появление татар рассматривалось им как всемирная катастрофа.

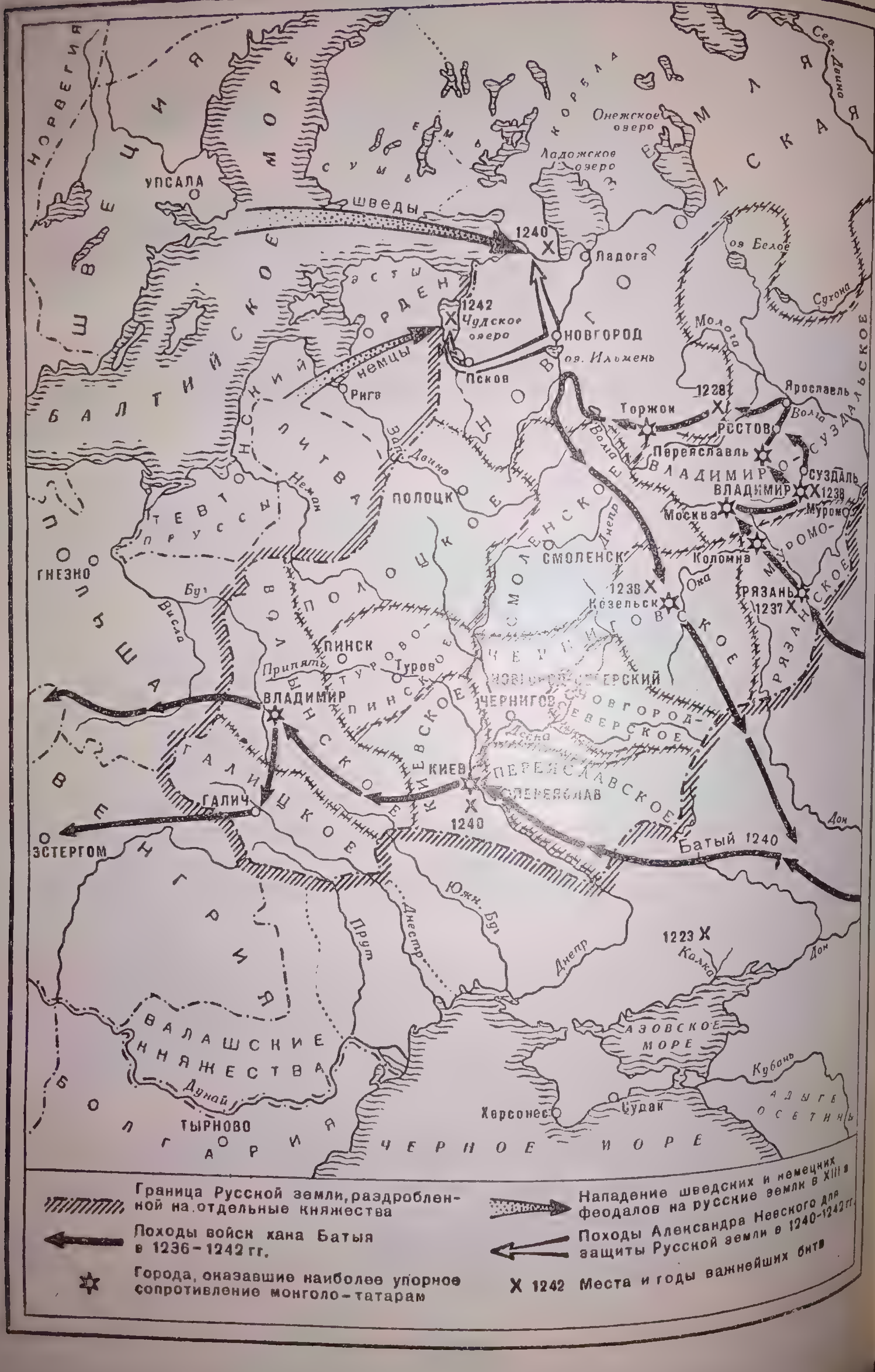
Но кто же на самом деле были «татары», хлынувшие к границам Руси?

У нас и на Западе татарами назывались монгольские племена, которые обитали в степях Центральной Азии. Монголы занимались охотой и кочевым скотоводством. В начале XIII века после длительных и кровавых войн вождь одного из монгольских племен Темучи́н покорил остальные племена. В 1206 году Темучин был избран ханом всех монголов и стал именоваться Чингис-ханом.

Чингис-хан стремился к дальнейшим завоеваниям. Его поддерживала монгольская знать, для которой война ради грабежа стала главным источником обогащения.

Лавиной хлынули монгольские орды. В 1207—1211 годах они покорили народы Сибири, а в 1215 году уже дошли до Пекина. Три

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА в XIII в. БОРЬБА С МОНГОЛО-ТАТАРСКИМИ, НЕМЕЦКИМИ И ШВЕДСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ

года — 1219—1221 — монголы опустошали Среднюю Азию. Против их натиска не устоял даже такой укрепленный город, как Самарканд. В это же время другие монгольские отряды воевали в Северном Иране. Затем татаро-монголы вторглись в Закавказье, осадили и взяли столицу ширван-шахов — Шемаху́ (в Азербайджане) и двинулись дальше на север. Горными тропами обойдя неприступный Дербе́нт, они вышли на предкавказскую равнину в половецкие степи.

Грабительские походы Чингис-хана превращали богатые, цветущие страны в пустыни. Гибли многовековые культуры. Само же Монгольское государство в основном пользовалось трудом покоренных народов. Монгольская верхушка оторвала население своей страны от производительного труда. Несколько поколений людей были брошены в чужие края, вовлечены в тяжелые походы. У покоренных народов монголы заимствовали военную технику, кое-какие технические приемы и устройство армии.

Сила Монгольского государства во время его наступления на Среднюю Азию, Кавказ и Восточную Европу заключалась в том, что оно сохранило политические формы раннефеодального единства. В странах же, на которые оно повело наступление, было уже зрелое феодальное общество, расколотое на множество удельных княжеств.

Многие подробности быта, военной организации, религиозных верований монголо-татар мы знаем по запискам итальянского монаха Пла́но Карпи́ни. Католический мир забеспокоился, когда услышал о движении неведомого народа, о котором ходили самые ужасные слухи. Римский папа направил Плано Карпини с миссией к хану. Итальянец описал все, что видел в ханской ставке, и с подробным донесением вернулся к папе. Чингис-хан превратил свою страну в военный лагерь. Все население Монголии было разделено на десятки, сотни, тысячи и туме́ны (10 тысяч). Каждый десяток должен был выставлять одного или нескольких воинов. Воинами же считались все способные носить оружие. Десяток снабжал их продовольствием и всем необходимым для похода. Войско было также разбито на десятки, сотни, тысячи и тумены. Тумены назывались на Руси тьмою, а начальник над туменом — темником.

Повеления хана передавались темникам, а от них — тысячникам, от тысячников — сотникам и т. д. Так осуществлялось единство командования. Войска не получали жалованья. Воины и их семейства, напротив, сами платили подати конями, скотом, войлоком. Их единственным вознаграждением была военная добыча.

Карпини писал о дисциплине в монголо-татарском войске. Если из десятка побежит хоть один, то остальных девять убивают. Если побежит весь десяток, то убивают ту сотню, в которую входил десяток.

Монгольское войско было конным. Их всадники, быстрые, подвижные, как все кочевники, могли делать переходы до 80 километров в сутки. Каждый воин имел, по свидетельству Карпини, два или три лука, три больших колчана, полных стрел, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. У многих воинов были копья с крюками на конце. Воины подпускали к себе противника, а потом внезапно захватывали его крюком и стаскивали с лошади. Богатые монголы были вооружены саблями. Они носили прикрытия для голеней, шлемы и латы. А некоторые имели латы и прикрытия из кожи даже для лошадей.

Вслед за воинами двигались войлочные кибитки с их семьями, стада, табуны коней. Во время передвижения жизнь в кибитках продолжалась. Женщины варили пищу на огне. Через отверстие в кровле шел дым. Казалось, движется целый город. Шла орда. На монгольском языке «орда» — значит «род», «племя».

БИТВА ПРИ РЕКЕ КАЛКЕ

К стр. 70

Весть о неслыханном поражении на Калке быстро распространилась по всем русским землям. Как случилось такое? Где же были богатыри русские? И сложилась песня, которую собиратели былин назвали «Отчего перевелись богатыри на Руси». В ней рассказывается о битве богатырей с татарами на Сафáт-реке. Силы татарской было столько, что «той силы доброму молодцу не объехать, серому волку не обрыскать, черному ворону не облететь». Но богатыри перебили всю ту силу и одержали победу. Тогда они так возгордились, что Алеша Попович сказал: «Подавай нам силу нездешнюю, мы и с тою силою, витязи, справимся». Едва он проговорил эти слова, как явились двое воителей и сказали: «А давайте с нами, витязи, бой держать». Налетел на них Алеша Попович и «разрубил их пополам, со всего плеча: стало четверо — живы все. Налетел Добрыня молодец, разрубил их пополам, со всего плеча: стало восьмеро, и живы все. Налетел на них Илья Муромец, разрубил их пополам, со всего плеча: стало вдвое более, и живы все».

«Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися их плечи могутные,
Уходилися кони их добрые,
Притупились мечи их булáтные...
А сила все растет да растет,

Все на витязей с боем идет.
Испугалися могучие витязи,
Побежали в каменные горы, в темные пещеры,
Как подбежит витязь к горе, так и окаменеет,
Как подбежит другой, так и окаменеет,
Как подбежит третий, так и окаменеет,
С тех-то пор и перевелись витязи на святой Руси».

В былине народ вынес в поэтической форме справедливый и строгий суд своим вождям. Он обвиняет их в «гордыне», в заносчивости, самоуверенности, в непонимании страшной опасности. Битва при Калке словно является естественным результатом Липецкой битвы.

ВЗЯТИЕ РЯЗАНИ ТАТАРАМИ

К стр. 75

Рассказ — из Новгородской Четвертой летописи.

Город, который мы теперь называем Рязанью, в древности назывался Переяславлем Рязанским. Это был лишь один из городов богатой Рязанской земли. Сама же Рязань, столица княжества, была расположена в 50 километрах ниже по течению Оки.

Древняя Старая Рязань — теперь небольшое село на самом берегу Оки. Круто поднимается в гору булыжная дорога. Если вы взойдете на гору, вы увидите большое ровное поле. На запад, справа от вас, оно кончается обрывом к реке, а с востока и севера его ограждают громадные валы (см. стр. 231). За валами в противоположную сторону от Оки до самого горизонта тянется гладкая, как стол, равнина, настоящее «чисто поле». Отсюда степь недалека.

На земле, огражденной валами, нет ни одного строения. От когда-то великолепных храмов не осталось даже руин. И все же здесь остро чувствуешь величие гордой Рязани, явственно ощущаешь связь былого города с окружающей природой. Природа кругом спокойна и величава. Валы могучи. Площадь, на которой некогда был город, обширна. «Эти места достойны, чтобы на них стоял столичный город»,— писал молодой В. Г. Белинский, посетивший Старую Рязань по дороге в Москву.

За валами в городе стояло три храма. Их фундаменты открыли археологи. Храмы были сложены из кирпича и украшены резным белым камнем. Внутри они были расписаны фресками. Рязань соперничала с Владимиром, и ее князья старались богато украсить свой стольный город.

Это ровное поле, окруженное валами над Окой, хранит и клады великолепных по мастерству предметов ювелирного искусства. Среди найденных вещей выделяются красотой и тонкостью работы «рязанские ба́рмы», набор из одиннадцати золотых блях, украшенных самоцветными камнями, эмалью и жемчугом. Когда-то эти предметы входили в нагрудный убор «бармы», которые носил на плечах один из рязанских князей, быть может Юрий Ингваревич. В час беды его жена могла спрятать драгоценное облачение мужа и положить с ним и свои любимые украшения, золотые ажурные бусы, цепочки, перстни, которые были найдены в том же кладе (см. стр. 242).

В 1966 году в Старой Рязани был найден клад, в котором среди других вещей обнаружены серебряные браслеты. На одном из них в рамках в виде арочек помещены изображения танцовщицы, гусляра и флейтиста. Тонко выполненные рисунки передают нам детали быта, не известные ученым ранее. Танцовщица пляшет, спустив рукава. Рукава у нее длинные, до самого пола. Когда она кончит плясать, она их подберет такими же, как этот, широкими браслетами-наручнями. Гусляр сидит, положив персты на струны, а флейтист, опустив флейту, пьет вино из кубка.

Клады Старой Рязани — немногие остатки высокого мастерства местных ювелиров. Они позволяют нам представить, как жили князья и бояре, как роскошны были их одежды, сколько тонкого вкуса было в их быту. Мы словно присутствуем на большом красивом празднике.

Бродя по Старорязанскому городищу, мы можем легко найти остатки обыденных вещей тех далеких лет. Там без труда вы соберете целую коллекцию глиняных черепков от древней посуды. Разбросанные по всему полю, они лежат на земле. На них обязательно нанесен какой-нибудь орнамент — или ряды тонких полос, или узор из небольших впадинок.

Татарское нашествие разрушило культуру древней Рязани. Город навсегда утратил былое значение и постепенно заглох.

Трагическая гибель Рязани ярко изложена в произведении начала XIV века, в «Повести о разорении Рязани Батыем». Она написана на основании народных преданий и песен, составленных под непосредственным впечатлением геройской защиты Рязанской земли. Все ее герои гибнут — и князья, и бояре, и простые воины. Но гибнут они стойкими, гордыми, мужество их вызывает восхищение даже врагов. «Повесть о разорении Рязани» — одно из лучших произведений богатого, разнообразного литературного наследия Древней Руси.

БИТВА У КОЛОМНЫ И ВЗЯТИЕ МОСКВЫ ТАТАРАМИ

К стр. 75

Рассказ — из Лаврентьевской летописи.

Из Рязани монголо-татарская орда двинулась на северо-запад. Недалеко от слияния Москвы с Окой перед ними открылись валы и деревянные стены Коломны.

Коломна расположена на важном речном пути. Она связывала верхнее и среднее течение Оки с рекой Москвой. Изначально город входил в удельное Рязанское княжество. Посмотрите на карту (стр. 168), Коломна была порубежным городом. Она стояла на самой северо-западной окраине Рязанской земли, около границ с Ростово-Суздальским и Черниговским княжествами.

В 1186 году Всеволод Большое Гнездо захватил этот важный город. Зимой 1237 года в Коломне собрались владимирские полки для отпора монголо-татарам. Сюда пришел старший сын великого князя владимирского Всеволод Юрьевич, рязанский князь Роман Ингваревич с остатками рязанских отрядов, дружины из Пронска и Москвы.

Объединенные владимирские войска, как мы узнаем из несколько более поздних русских летописей, стали лагерем перед стенами Коломны за надолбами — остроконечными кольями, вбитыми в землю, как дополнительное укрепление против конницы противника. Русские выслали вперед сторожевой отряд воеводы Еремея Глебовича. Воевода «устерег» приближение Батыевой рати и сообщил об этом русскому стану. Все было готово для встречи с противником. Начался «бой крепок». В этом бою, по сообщению восточных источников, был убит младший сын Чингис-хана — Кулькан. Монголо-татарское войско билось с особым ожесточением. Смяв русские полки, татары погнали их к надолбам. В битве погиб рязанский князь Роман Ингваревич, владимирский воевода Еремей Глебович и бо́льшая часть объединенного владимирского войска. Коломна была взята и разграблена. Когда же татары взяли и Москву, путь на стольный город Суздальской земли — на Владимир — оказался открыт.

ВЗЯТИЕ ГОРОДА ВЛАДИМИРА ТАТАРАМИ

К стр. 76

Рассказ — из Лаврентьевской летописи с привлечением Ипатьевской.

Чтобы представить себе, как монголо-татары брали Владимир и другие русские города, нам надо познакомиться с устройством укреп-

лений русских городов, с тактикой обороны русских и с приемами осады, которые использовали татары.

Городские укрепления состояли из рвов и земляных валов, на которых стояли деревянные стены. Валы достигали 9—10 метров высоты. Их внешний склон делался весьма крутым, а внутренний бывал более пологим. В нем часто устраивались ступеньки для облегчения подъема на вал защитников города. Перед валами устраивался ров. Глубина рвов достигала 10—12 метров. Иногда рвы заполнялись водой, но бывали и сухими.

До нашего времени хорошо сохранились валы и рвы многих древних городов. Они всегда производят большое впечатление. Глядя на них, поражаешься огромному труду, заложенному в них, и рисуешь себе трагические события, которые видели эти грандиозные сооружения.

На валах устанавливалась деревянная рубленая стена. Иногда стена состояла из плотно приставленных друг к другу бревенчатых срубов — горóдень, заполненных землей. На верху стены делались заборола. Слово «заборола» происходит от глагола «боронить, оборонять, забрать». Заборола защищали стоящих на городских стенах стрелков от стрел противника. Заборолами называлась также и боевая площадка на верху стен. Помните, Ярославна плакала «на забороле», то есть на городской стене в Путивле. Заборола несколько выступали из плоскости стены, чтобы позволить защитникам не только стрелять с них, но и сбрасывать вниз камни, бревна, лить кипяток («вар»). Ворота, наиболее уязвимая часть, укреплялись воротной башней. Над главными воротами обычно ставили церковь, символ небесной защиты города.

Городские укрепления, неразрывно связанные с рельефом местности, гармонично вписанные в пейзаж, являлись неотъемлемой частью русского города. Само слово «город» обозначало не только поселение, но и его ограды. Говорили: «заложить город», «срубить город», «взойти на город». Художественный облик города отражал крепость его оград. Рубленые, деревянные города не сохранились до наших дней. Но если вы когда-нибудь бывали возле каменных стен Избóрска, Смоленска и других городов, вы, наверное, испытывали чувство огромного доверия к этим стенам и башням, которые «не выдадут», и понимали, какими неприступными они казались врагам.

Когда противник «приступал» к городу (штурмовал его), обороняющиеся «затворялись в граде», то есть запирали ворота деревянными засовами. Стоя на заборолах, они пускали тучи стрел на осаждавших, не давая им приблизиться. Не ограничиваясь только защитой, осаждаемые переходили в наступление. Они «выходили из гра-

да», то есть делали вылазку. Бой у стен крепости зачастую заставлял осаждавших снять осаду, поэтому горожане предпочитали бой в открытом поле. «Беги из Киева и будешь свободен,— советовал киевский воевода своему князю.— Если будешь сидеть внутри города, пленят тебя ратные (враги). Если будешь вне города, то, ездя на коне с дружиною своею, уподобишься льву страшному, дружина же твоя будет, как медведи и волки; или уподобишься ты орлу, летящему под облаками, дружина же твоя как ястребы, и никто не сможет тогда одолеть тебя».

При приближении татар русские пробовали применить обычные приемы. Так, рязанские князья вышли навстречу татарам, думая задержать врага на границах княжества. Русские дрались за Коломну не «из города», а возле укреплений. Владимирские князья Всеволод и Мстислав тоже хотели устроить вылазку. Но при огромном численном перевесе противника надежды на успех не было. Не мудрено, что воевода, более опытный и рассудительный, нежели молодые князья, не согласился на то.

Перед тем как начать приступ, татары объезжали город, осматривая укрепления, а затем «обступали» его. Готовясь к приступу, они начинали устанавливать свои камнеметы — пороки. Они строили их тут же, перед городом, но на таком расстоянии, чтобы защитники не могли стрельбой из луков со стен города помешать работам. Когда же наступала ночь и стрелы уже не были опасны, татары «отынивали» город, то есть окружали его частоколом, который возводили в наибольшей близости к городским укреплениям. Тын ставился для того, чтобы никто не мог ни войти в город, ни выйти из него и «посечь» пороки. Но главной целью тына было служить прикрытием для пороков, которые татары теперь подвигали на колесах к самому тыну. Камнеметы могли действенно стрелять с расстояния полета стрелы, то есть со 150—200 шагов. Прикрываясь тыном от русских стрел, татары начинали метать камни в стены и в заборола. Одновременно татарские стрелки осыпали стрелами городские укрепления, чтобы осажденные не могли высунуться из-за заборол.

Стены русских городов, хотя и были деревянными, не так-то легко поддавались действию пороков. Чтобы разбить стену или даже сбить заборола со стен, татары били, не переставая, день и ночь в течение нескольких суток. Они изматывали силы защитников еще до начала решительного приступа. Это тоже был один из приемов осады. Сами они отдыхали, так как их войско делилось на несколько смен. Только после того, как камнеметы разбивали стену или сбивали заборола, татаро-монголы начинали самый приступ. Они закидывали ров примётом — мокрым хворостом или бревнами — проходили по нему и поднимались на

вал. Если бы заборола были целы, защитники стали бы сбрасывать с них камни и бревна, лить вар на рвущихся татар. Но трудно было бороться, когда заборола были сбиты, стены повреждены и враг рвался не к одному, а к нескольким проломам. Можно только удивляться, как много времени потребовалось татарам для того, чтобы овладеть русскими городами, вовсе не подготовленными к подобным ожесточенным штурмам.

После взятия Владимира начался упадок города. Больше не ведется в нем летописания, нет в городе епископа, культурная жизнь глохнет. Ни Ростов, ни Ярославль, ни Углич, ни Тверь не подверглись такому разграблению, не испытали такого беспощадного избиения своих обитателей. Владимир оставался городом стольным, великокняжеским, но не мог уже более служить опорой великокняжеской власти.

БИТВА НА РЕКЕ СИТИ И ГИБЕЛЬ ВАСИЛЬКА РОСТОВСКОГО

К стр. 79

Рассказ — из Лаврентьевской летописи.

Давайте подведем итог тому, что мы узнали о военном деле на Руси из прочитанных рассказов.

Вы помните, как сражались русские князья? Они всегда бывали вместе со своей дружиной. Смелыми речами они вселяли мужество в сердца своих воинов. Они бились впереди полков. Часто неприятель мог схватить княжеского коня под уздцы, проколоть его самого рогатиной. Многие князья бывали ранены или убиты во время сечи. «Удивительно ли, что муж пал в бою? Так умирали лучшие предки наши»,— писал Мономах. Не одной только личной отвагой отличались князья. Они были опытны в военном искусстве.

В битвах участвовали княжеские дружины. Но по «ряду» (соглашению) с вечем в поход ходили и простые «во́и» — городские ополчения, состоявшие из бояр, купцов и ремесленников. Сельское население редко принимало участие в военных делах. Бывало, что князья обращались за помощью к наемным войскам — половцам, венграм, полякам. В крупных столкновениях участвовало до 50 000 человек.

Русские войска делились на конницу и пехоту (пешцев). Пехота, состоявшая из ополчений, часто решала исход сражения и восхищала своей смелостью. Вспомните Липецкую битву.

Перед большим походом надо было собрать войска. Для этого князья иногда отправлялись сами по своим землям. Так сделал Святослав Всеволодович Киевский, готовясь идти на половцев, так сделал и Юрий

Всеволодович перед битвой на Сити. Но обычно для сбора полков князья рассылали гонцов, бирючéй, в усадьбы дружинников, в города и в соседние союзные княжества. Встанет бирюч посередине торговой площади, затрубит в трубу, и соберется кругом народ слушать глашатая князя. По миниатюрам мы можем представить себе таких бирючей (см. стр. 226).

Хорошо была поставлена у князей разведка. К ним со всех сторон Руси скакали гонцы, сообщали, что делает противник.

Был выработан и боевой порядок, и целый ряд тактических приемов и хитростей. План предстоящего боя бывал заранее точно разработан князем вместе с дружиной. Договаривались, когда какие полки вступают в бой. Иногда указывалось время, в течение которого надо было продержаться до прихода основных сил. Звуки труб и удары в бубны служили знаком для начала боя. Боевые знамена — стяги — помогали определять положение войск во время битвы, под стяги собирались воины после сражения.

В походы брали с собой двусторонние, так называемые выносные иконы. Среди них особенно распространены были иконы Спаса (Спас — простонародное от спаситель: Христос). Согласно древней легенде, изображение Спаса защитило некий христианский город от персов. С тех пор стали считать, что икона «Спас на убрýсе» (на полотенце) имеет чудесную силу защиты от восточных народов вообще. Этим и объясняется необычайная популярность этого образа на Руси. У нас сохранилась выносная икона Спаса XII века. Сейчас она хранится в Третьяковской галерее (см. стр. 246). Когда-то ее поднимали на длинном древке высоко над головами людей, носили впереди войска во время походов. В благородном лице Спаса художник отразил идеальные черты воина-вождя. Лицо исполнено воли, решительности, непреклонной силы. Напряженное, призывное, оно передавало людям стойкость и мужество, вселяло убеждение в правоте их дела, в необходимости исполнения воинского долга.

Тактика татар была совсем отличной от тактики русских. Монгольские вожди, по словам Карпини, не вступали сами в бой, но стояли в безопасном месте. Они издали следили за развитием событий, направляли движение отрядов своих войск световыми и дымовыми сигналами, подъемом флагов, звуками труб и барабанов. В первые ряды монголы ставили воинов из покоренных народов. Сами же следовали за ними. Они посылали большие отряды далеко в обход справа и слева, чтобы противник не заметил их, и, окружив его, начинали сражаться со всех сторон. А потом расступались в одном месте, давая неприятелю путь для отступления. Когда же он отделялся от своих и пускался в бегство, монголы начинали преследовать и истреблять бегущих.

Все это мы знаем из сообщений Карпини, и, очевидно, эти приемы использовали монголы в битве на Сити.

Трагическое описание битвы на реке Сити заканчивается изображением стойкого и мужественного Василька Константиновича. Это отрывок из летописи, которая велась при дворе княгини Марии, жены Василька, дочери Михаила Черниговского, одной из самых образованных женщин Древней Руси (см. стр. 17).

ВЗЯТИЕ ТОРЖКА

К стр. 81

Рассказ — из Новгородской Первой летописи.

Вы прочитали уже о взятии многих городов монголо-татарами. В сообщениях летописи говорится о том, что татары убивали все население — от стариков до «сосущих млеко», то есть до грудных младенцев. Может быть, это преувеличение? Нет. То же самое засвидетельствовал и итальянец Плано Карпини. «Предлагая жителям осажденного города сдаться,— писал он,— татары говорят им: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топорами».

Если так поступали татары с жителями сдавшихся городов, то тем более жестоки были они с населением, оказавшим им сопротивление. Но ремесленников они действительно щадили. Они брали их в плен и заставляли работать на себя. В самых различных концах татарских кочевий археологи находят типично русские вещи XIII века. Эти вещи попадали туда и в качестве военной добычи и производились там пленными мастерами. Особенно интересовались татары кузнецами и ювелирами — теми, кто умел на Руси делать луки да колчаны и дорогие украшения. Пленные ремесленники — их немало видел Плано Карпини в ставке у хана — жили впроголодь, им даже пить давали самое малое количество. Только наиболее искусные мастера жили лучше других. Карпини рассказывает об одном поразившем его русском мастере, который сделал великолепный трон для хана и пользовался известным почетом.

Русские ремесленники, которых так много было в Рязанской и Владимиро-Суздальской землях, бежали на юг и на запад. Многие города так и не оправились, вовсе перестали существовать, даже их местоположение оказалось забыто. В тех же городах, которые стали отстраиваться вновь, на многие десятилетия прекратилось каменное строительство,

исчезло мастерство тонкой перегородчатой эмали, прославившее Русь среди стран Запада. Отмерло искусство черни и зерни. Упало искусство скани.

От татарского разгрома уцелел лишь Господин Великий Новгород. Татарские орды, задержанные отважным сопротивлением русских городов, потерявшие много сил на их осаду, не успели до начала весенней распутицы двинуться на Новгород. А в апреле нечего было и думать пройти со всеми обозами болота и леса, отделявшие Новгород от Низовьей земли. Монголо-татарский отряд, преследуя беглецов из Торжка, направился было к Новгороду, «все люди секущи, аки траву» на своем пути, но, не дойдя 100 верст до города, повернул обратно.

Память об опустошительном походе этого отряда сохранилась на Селигере, где один из плесов (широких мест) озера и деревня на его берегу называются Кровотынье. Рассказывают, что татары, убивая население на своем пути, насаживали головы убитых на колья тына для устрашения тех, кто остался жив.

Новгород не был разгромлен. В нем и в XIII веке продолжали развиваться литература, искусство, ремесло. Он стал хранителем русской культуры.

Но над Новгородом нависла другая угроза: шведы и немцы стали переходить в наступление.

ОБОРОНА КОЗЕЛЬСКА

К стр. 82

Козельск — старинный город. Он упомянут впервые под 1147 годом. Каждый школьник, каждый человек, хоть сколько-нибудь знакомый с русской историей, знает город Козельск, прославившийся своей героической обороной против татаро-монголов. Семь недель упорного сопротивления обессмертили имя города и его стойких защитников. Из них ни один не остался жив.

Летописец пишет, что в Козельске князь был молод — очевидно, просто малолетний ребенок. Борьбу вели сами горожане. Даже имя воеводы не упомянуто. Оборона Козельска была поистине народным делом, и поэтому она описана в традициях народного творчества, с характерной гипе́рболой — преувеличением: горсточка горожан иссекла татарские пращи́ и перебила 4 тысячи татар; крови было пролито столько, что в ней мог утонуть маленький князь.

Битва за Козельск написана с особым патриотическим подъемом. Летописец подчеркивает ожесточенность борьбы. Бой перешел в руко-

пашную схватку. «Козляне же ножи резáхуся с ними»,— читаем мы. «Крепкодушный» ум защитников вызывал восхищение современников и потомков.

Этот рассказ, как и следующие два,— из Ипатьевской летописи.

ВЗЯТИЕ ЮЖНЫХ ГОРОДОВ ТАТАРАМИ

К стр. 83

Из разрушенных и спаленных городов и сел народ спасался как мог. Нищие и калеки ходили по дорогам, просили милостыню Христа ради. Трудно и страшно было ходить одному. Нищие собирались вместе, ходили целыми дружинами. Остановятся в деревне и начнут петь. Все же за песню скорее дадут корку хлеба. Пели «стáрины» — былины о богатырях могучих русских, победивших злого врага. Пели стихи о Егории Храбром, о стойкости и мужестве. В старинах и стихах обездоленные люди выражали веру в победу, надежду на избавление. Сюжеты для стихов брали из древних легенд, но старые образы получали новое звучание, незнакомые чуждые названия и имена заменялись понятными, близкими, всем родными. Так, воин Георгий, о котором рассказывало византийское житие, в устах нищих и калек превратился в «света Егория Храброго». Римский император Диоклетиáн, гонитель христиан, казнивший Георгия, стал «цáрищем злым Демьянищем». Слушатели узнавали в нем страшного Батыя и ждали конца стиха: кто же победит — светлый воин Егорий или темный царь? Вот как пели о Егории нищие «калики перехожие»:

«Во граде в Иерусалиме
Жила царица благоверная
Свет София Премудрая».

Было у нее три дочери и три отрока да сын Егорий Храбрый. Не обычным человеком был Егорий. В самом начале песни он уже является в чудесном обличии:

«По колена ноги в чистом сéребре,
По локóть руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная,
По всем Егории часты́ звезды».

Есть предположение, что этот образ пришел в искусство слова из иконописи. Иконы украшались серебром и золотом, жемчугом и драгоценными каменьями. Дорогие оклады и поразили певцов. Но возможно,

что образ Егория Храброго связан с более древними представлениями, с изображениями золоченых и серебряных идолов языческих богов.

Егорию было 3 года. И вот тогда:

«А из той земли из басурманские
Выступал царище злой Демьянище».

Образ злого царя так напомнил певцам Батыя, что далекий Иерусалим-город оказался забытым и вместо него появляется знакомый Чернигов-град. Певец продолжает:

«Он Чернигов-град и рубит и гает,
И рубит, и гает, и в полон берет».

Взял злодей в плен Егория и всех детей Софии Премудрой «во свою землю во неверную» и стал их «пытать, крепко спрашивать», хотел, чтобы они обратились в его «веру неверную».

«Три отрока и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царищу Демьянищу преклонилися,
Покидали веру христианскую».

Стойким оказался только «свет Егорий Храбрый». Он смело ответил:

«Я не верую врагу-дьяволу,
Не молюсь и богам я всё неверным,
Ни тебе, царище, вор Демьянище,
Вор Демьянище басурманище».

Услышав дерзкий ответ, «царище опаляется, в своем сердце разозляется» и велит предать Егория «мукам разноличным».

Далее описываются все мучения, которым подвергается Егорий. Чем страшнее изображали певцы эти муки, тем явственнее выступала перед слушателями духовная сила Егория. Его рубили топорами, пилили пилами, бросали в кипящую смолу. Но «ничего Егорью не вредилося», топоры затупились, у пил зубья позагнулися, «и смола кипит, яко гром гремит, а Егорий святой Храбрый он поверх смолы, он поверх смолы, свет, плавает».

Тогда царище Демьянище повелел вырыть «глубóк погрéб» и посадить туда Егория. Сам Демьянище погреб

«Закрывал доскáми железными,
Задвигал щитами дубовыми,
Забивал гвоздями полужеными,
Засыпал песками рудожелтыми,
Засыпал он и притоптывал,

И притоптывал, и приговаривал:
— Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью света белого,
Не обозреть Егорью солнца красного,
Не видать Егорью отца и матери,
Не слыхать Егорью звона колокольного,
Не слыхать Егорью пения церковного».

В стиле народных былин и сказок рассказывается, как Егорий просидел в погребе-темнице ровно 30 лет:

«А как тридцать лет исполнилось,
Поднимались ветры буйные,
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые,
Разнесло щиты дубовые,
Разметало доски железные,—
Выходил Егорий на святую Русь,
Завидел Егорий света белого,
Услышал звону колокольного,
Обогрело его солнце красное,
И пошел Егорий по святой Руси,
По святой Руси, по сырой земле».

Прежде всего он пошел в Чернигов, и тут он увидел картину, которую видело много русских людей, вернувшихся в родные места после Батыева разгрома:

«Чернигов-город весь разóренный,
Разоренный, развоеванный,
Нет ни старого, нет ни малого,
Только стоит церковь соборная,
Соборная богомольная».

В этой церкви, сохранившейся как символ жизненных сил Руси, Егорий увидел родную матушку, которая горячо молилась о спасении своего сына.

Егорий просит ее дать ему благословение:

«Я иду далéче во чисты́ поля,
Побить цáрище басурмáнище,
Отлить ему кровь горючую,
Утвердить веру христианскую»

На это мать ему говорит:

«Ты поди, мое чадо милое,
Ты поди далече во чисты поля,
Ты возьми коня богатырского,
Со двенадцать цепей железных
И со сбруею богатырскою,
Со востры́м копьем со булатным».

Егорий быстро ускакал на коне.

«Не видели Егорья ни сядучись,
Не видели Егорья ни едучись,
Только означается одно откопытие».

И вот начинается странствие Егория по святой Руси. На своем пути он «наезжал» «на леса на темные, на леса на дремучие». Он не мог через них проехать, но по его слову

«Разрастались леса темные
По всей земле светло-русской,
Раскидались леса дремучие
По крутым горам по высоким».

Теперь Егорий смог свободно проехать. Но тут ему встретились «горы высокие, хо́лмы широкие». Опять по слову Егория

«Рассыпа́лись горы высокие
По всей земле светло-русской,
Становились хо́лмы широкие
По степям, полям зеленым».

Далее он велит рекам:

«Ой вы, реки, реки быстрые,
Реки быстрые, текучие!
Протеките вы, реки, по всей земле,
По всей земле светло-русской,
По крутым горам по высоким,
По темным лесам по дремучим».

По слову Егорьеву

«Заселялися звери могучие
По всей земле светло-русской,
Поднялися звери рогатые
По степям-полям без числа,
Они пьют-едят повеленное,
Повеленное заповеданное».

Так едет Егорий Храбрый по широкой земле «светло-русской». Наконец Егорий повстречался со стадом змеиным. Это стадо змеиное пасут три де́вицы, три его родные сестры, которые в свое время, убоявшись сабли вострой, царищу Демьянищу поклонилися. За свое малодушие сестры наказаны. Их тела покрылись словно еловой корой, волосы у них как ковыль-трава,

«А сидят они по-звериному,
А сипят они по-змеиному».

Они «набрались духу неверного, басурманского». И только когда они по велению Егория умылись в Иордань-реке, «камыш-трава с них свалилася и еловая кора опустилася».

В конце пути подъехал Егорий «ко палатам белокаменным», где жил царище Демьянище. Царище появляется теперь тоже уже не в человеческом, а в змеином виде. Он «выходил к Егорью по-звериному, он гласом гласи́т по-змеиному».

Егорий Храбрый «вынимает меч, саблю вострую, он иссек его злодейскую голову по его могучие плечи». Так отомстил Егорий царищу за «кровь горючую христианскую».

Прекрасные картины родной природы, гордая вера в победу сильного духом героя, сочетание лирики с богатырскими образами былин сделали стих о Егории Храбром одним из лучших произведений устного творчества русского народа. Народ создал этот стих-поэму в трудные годы татарской неволи. В тяжелых испытаниях борьбы с врагом складывался народный характер, крепла любовь к родной земле, развивалось понимание красоты ее природы, и все это выливалось в форме стихов, былин и песен.

ВЗЯТИЕ КИЕВА БАТЫЕМ В 1240 ГОДУ

К стр. 83

Зимой 1240 года монголо-татары подступили к Киеву. Вы прочитали в летописи описание множества татарских войск, телег, скота. О несметной орде, которая двигалась к Киеву, пели и народные сказители.

> «Из орды, золотой земли,
> Поднимался злой Ка́лин царь Калинович
> Ко стольному городу ко Киеву
> Со своею силою с поганою.
> Зачем мать сыра земля не погнется?
> Зачем не расступится?
> А от пару было от конного
> А и месяц, солнце померкнуло,
> Не видать луча света белого,
> А от духа татарского
> Не можно крещеным нам живым быть».

Археологи восстановили картину «великой брани» — последнего боя в узких улицах древнего Киева. Среди развалин сгоревших домов они откопали множество человеческих скелетов. Одни из них лежали ничком, другие на спине, ноги широко раскинуты, руки в разных по-

ложениях. Некоторые черепа были характерной монгольской формы. Было очевидно, что люди погибли в рукопашной схватке.

А в то время как взрослые бились насмерть с врагом, дети укрывались в жилищах. Две девочки спрятались в глиняной печи. Поджав под себя ноги, они крепко прижались друг к другу. Через 700 лет археологи раскопали их останки.

На ступенях входа в одно жилище археологи нашли обломки корча́ги — большого глиняного сосуда для хранения припасов. Возле обломков были рассыпаны около полутора тысяч бусин из сердолика и горного хрусталя. Владелец, очевидно мастер, схватил корчагу с бусинами, как самое ценное свое имущество, и бросился из горящего дома. Как и многие другие, он, наверное, думал найти спасение в Десятинной церкви. Однако корчага выпала из его рук, бусины рассыпались.

Если вы бывали в Киеве, то могли видеть возле Андреевского собора, на холме у спуска к Днепру, раскопанные фундаменты знаменитого Десятинного храма — первой церкви на Руси, построенной еще при Владимире Святославиче.

Трагичной оказалась судьба людей, скрывшихся в древнем храме. Археологи открыли некоторые подробности последних минут киевлян, спасавшихся в здании. В земле под Десятинной церковью был обнаружен тайник. В нем найдены куски богатых тканей с нашитыми золотыми бляшками, с нитями мелкого жемчуга, плетеные серебряные шейные гри́вны — украшение киевской знати — и другие интересные вещи. В тайнике, видно, прятались самые богатые и знатные киевляне. Находясь в осаждаемой церкви, видя, что нет здесь спасения, они стали рыть подземный ход из тайника в сторону обрыва Киевской горы. Раскопки обнаружили этот незаконченный подземный ход. Возле него было воткнуто в землю два заступа, валялась железная дужка от деревянного ведра. Несколько выше нашли плетенные из лыка веревки. По-видимому, люди, стоявшие наверху, вытаскивали на веревках ведра с землей. Они не успели закончить подземного хода, даже не подняли часть уже вырытой земли, как рухнул храм. Обвалившиеся стены и своды засыпали доверху и тайник, и подземный ход, и людей.

После гибели Десятинной церкви татары овладели Киевом. Город превратился в груды развалин и пепла.

Разорив Киев, монголо-татары устремились далее на запад, в Галицко-Волынские земли. Взяв Галич и Владимир Волынский, они опустошили Польшу, воевали в Венгрии. Но героическая борьба русского народа ослабила натиск татарских орд, и Батый повернул в приволжские степи, где и основал свою ставку.

О значении сопротивления русского народа в истории Европы писал А. С. Пушкин: «России определено было великое предназначение.

Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего востока».

УБИЕНИЕ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО И БОЯРИНА ЕГО ФЕДОРА В ОРДЕ

К стр. 85

Рассказ — из Симеоновской летописи.

«Татары,— пишет Плано Карпини,— веруют, что огнем все очищается. Поэтому, когда к ним приходят послы или вельможи, или какие бы то ни было лица, то им самим и приносимым им дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла».

На основании описаний Карпини мы можем себе представить, что увидели в Орде князь Михаил Всеволодович Черниговский и его боярин Федор. На повозке перед ставкой хана стоял идол Чингис-хана. Ему приносили татары многие дары и в полдень, стоя лицом к югу, поклонялись ему, как богу. Поодаль пылали два костра, возле каждого стояло по копью, воткнутому в землю. К верхушкам копий была привязана веревка, с которой свисали какие-то обрезки из букара́на (тип ткани). Под этой веревкой между копьями и кострами проходили люди и животные для очищения, а две женщины, стоящие по обе стороны, опрыскивали их водою, произнося какие-то заклинания. Был в ставке и священный куст, посаженный ханом, с которого запрещали срезать ветки.

Самого Батыя Михаил и его боярин не видели. Никто, кроме его семьи, не смел подойти к его шатру иначе, как по приглашению. Батый жил в большой роскоши. У него были красивые шатры из льняных тканей. Его обслуживали лица всяких чинов. Во время приемов и разных церемоний Батый сидел на возвышенном месте с одною из своих жен. Братья его и сыновья, а также другие младшие лица сидели ниже него на скамье, а прочие люди — сзади них на земле: мужчины — направо, женщины — налево.

Есть у Плано Карпини интересные замечания о религии татар. Он писал, что они веруют в единого бога, но не чтут его каким-либо обрядом. «Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческому, и они ставят их с обеих сторон ставки и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплод скота. Сверх того, они поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде

и земле. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем,— продолжает итальянец,— не заставляли отказаться от своей веры или закона за исключением Михаила».

Плано Карпини был в ставке Батыя, когда там замучили черниговского князя. Он пишет, что русский князь отказался поклониться на юг идолу Чингис-хана, заявив, что христианам не подобает поклоняться изображению мертвого человека и что он лучше умрет, чем сделает это. Тогда он и его воин были убиты жестокой казнью посланными от хана телохранителями.

Карпини же рассказывает и об убийстве в Орде Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского. Его пригласила мать хана. Как бы в знак почета она дала ему есть и пить из собственных рук. Когда же он вернулся в свое помещение, то тотчас занемог и через 7 дней умер, а все тело его посинело. Говорили, что его отравили, чтобы свободнее и окончательнее овладеть его землею.

Русские люди ценили стойкость Михаила Черниговского и его боярина. Церковь причислила их к лику святых, к мученикам за правду. Их образ вдохновлял впоследствии [illegible] поколений людей на борьбу с татарами.

ПОЕЗДКА ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО В ОРДУ

К стр. 88

Рассказ — из Ипатьевской летописи.

Рассказ о поездке Даниила Галицкого в Орду — лишь один из эпизодов ярко и красочно написанного жизнеописания этого князя. Жизнеописание Даниила — блестящий по мастерству образец литературы Галицкой земли середины XIII века.

Галицкая и Волынская земли стали возвышаться с половины XII века, а на рубеже XII и XIII веков они объединились под властью Романа Мстиславича. Вскоре Роман овладел и Киевом и стал «самодержцем» Руси.

Судьба Галицко-Волынского княжества XIII века во многом напоминает судьбу Владимиро-Суздальской земли XII века. Здесь было также сильно боярство. Даже еще упорнее сопротивлялись бояре усилению княжеской власти. Князьям приходилось вести с ними трудную борьбу во время сложных междукняжеских распрей и постоянных войн с соседями. Галицко-волынские князья, так же как и владимиро-суздальские, опирались на широкие слои горожан.

Автор жизнеописания Даниила Галицкого открывает свое повествование историческим вступлением, восхваляющим отца Даниила — Романа, «приснопамятного самодержца всея Руси». О Романе Галицком летописец рассказывает, используя уподобления, заимствованные из песен, певших хвалу князьям. «Роман Галицкий одолел весь поганский народ,— пишет летописец (а может быть, так пел певец),— устремлялся на поганых как лев, сердит же был как рысь и врагов губил как крокодил. Их землю пересекал как орел, храбр был как тур».

Затем автор рассказывает о детстве Даниила. После смерти Романа осталось два сына — Даниил и Василёк. Одному было 4, другому 2 года. «Льстивые», то есть лживые, галицкие бояре — иначе их не называет летописец — подняли мятеж. Вдова Романа бежала с детьми из Галича во Владимир Волынский. Бояре же «безбожные» потребовали у владимирцев выдать им «Романовича» — маленького Даниила. Тогда княгиня-мать ночью бежала с детьми в Ляхи, то есть в Польшу.

Через несколько лет мать вернулась со старшим сыном в Галич. Бояре торжественно посадили мальчика на княжение. Но вскоре произошла драматическая сцена: «беззаконные» галичане решили выгнать княгиню. Мальчик же не хотел расставаться с матерью и плакал. Тогда один галицкий тиун схватил Данилова коня за повод. Юный князь извлек меч, замахнулся на тиуна и ранил его коня. Мать взяла меч из рук сына и умолила его остаться в Галиче, а сама пошла в Белз, оставив Даниила «у неверных галичан».

Перед тем как описывать трудную жизнь уже взрослого князя, летописец дает нечто вроде зачина, запева, в котором рассказывает о предмете своего дальнейшего повествования: «Начнем же сказати бесчисленные рати, и великие труды, и частые войны, и многие крамолы, и частые восстания, и многие мятежи». Вот так же и какой-нибудь певец, «гудец», перебирая струны, предварял свою песню запевом, чтобы привлечь внимание своих слушателей.

Даниил в изображении летописца был дерзок и храбр, он прославил себя и свое войско победами. С искренним воодушевлением описывает автор галицкую пехоту, по обеим сторонам которой шли стрельцы, а впереди ехал Даниил: «Щиты их были как заря, шеломы их яко солнце восходящее, копья в руках их яко трости многие; стрельцы же, идя по обе стороны, держали в руках луки свои, положив на них стрелы свои против ратных. Даниил же сидел на коне и рядил (возглавлял) воев».

Враги не решились вступить в бой с войском галицкого князя и бежали. Даниил же «многих христиан от пленения избавил, и песнь славну пели ему». И пришел со славою в землю свою, наследовав путь отца своего великого князя Романа, «иже бе (который) изострился на поганые яко лев, им же половцы детей устрашали».

В другом месте жизнеописания Даниила летописец в возвышенном стиле описывает вооружение его войск. «Были кони в личинах и в попонах кожаных и люди в латах. И была полков его светлость велика от оружия блистающего»,— пишет он. Был под Даниилом конь «дивлению подобен, и седло из жженого золота, и стрелы и сабля золотом украшены и иными хитростями на удивление. Кожух же из греческой шелковой ткани обшит золотом, и сапоги из зеленой кожи шитые золотом. Немцы же смотрели и много дивились».

Речи Даниила — образцы высокого ораторского искусства Древней Руси. Вот он обращается к оробевшим полякам, своим союзникам: «Почто ужасаетесь? Разве не знаете, что войны́ без павших мертвых не бывает? Не знаете ли, что на мужей на ратных пришли, а не на жен? Если муж убит на рати, то какое в том чудо? Иные и дома умирают без славы, сии же со славою умерли. Укрепите сердца ваши и подвигните оружие свое на ратных».

Таким изобразил летописец-дружинник своего князя. Понятно, что он скорбит о его унижении в Орде. Но и в Орде Даниил сумел держать себя с достоинством и ценой всех испытаний обеспечил некоторую независимость своей земли от татар.

После поездки Даниила в Орду значение Галицко-Волынской земли сразу поднялось. Венгерский король, давний враг Даниила, направил к нему посольство с предложением мира. Союз был скреплен женитьбой княжича Льва Даниловича (основателя города Львова) на дочери короля. Папа Иннокентий IV обещал Даниилу помощь против татар и в залог предложил ему королевский титул. Даниил короновался в Дрогичине на Буге в 1254 году. С тех пор его стали именовать «король Даниил».

ПОСТРОЙКА ГОРОДА ХОЛМА ДАНИИЛОМ ГАЛИЦКИМ

К стр. 90

Рассказ — из Ипатьевской летописи.

О богатстве Галицко-Волынской земли пелось в былине о Дюке Степановиче. Дюк снаряжался в Киев

> «Из славного города из Галича,
> Из Волынь-земли из богатые».

В пя́ты стрел его было вставлено «каме́нье самоцветное, все яхонты». Се́длышко Дюково стоило 2 тысячи, а попона была оторочена в 3 строки: красным золотом, чистым се́ребром и медью-каза́ркою.

У сударыни, у его матушки

> «Над воротами было икон до семидесяти,
> Все иконы были на золоте...
> Во дворе стоят столбы все серебряные,
> Продернуты кольца позолоченные».

Товарам и деньгам в амбарах и в погребах нельзя было «и сметы дать».

В самом деле Галицко-Волынское княжество было богатым и сильным. Из всех южнорусских земель оно меньше других пострадало от татарского нашествия. В северо-западных областях Волыни — в Холме, Берестье (Бресте), Каменце (Каменец-Литовске) и в других городах продолжалось обширное строительство даже в те годы, когда над всею Русью нависло татарское иго. О строительстве князя Даниила Романовича в те трудные времена с воодушевлением рассказывает летописец.

Постройка каждого нового города-крепости была связана с большой подготовкой. Прежде всего тщательно выбиралось место. Города ставили на холмах, в излучинах рек, на островах. Города строились на водных или сухопутных дорогах, в местах, обильных естественными богатствами. Так, описывая местоположение одного из городов, древнерусский книжник писал: «Место пренарочито и красно вельми́, и скотопажитно, и пчелисто, и всякими земными семенами родимо, и овощами преизобильно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодья много». Летописцы всегда отмечали красоту расположения городов. Особенно любили место «высоко и красно», чтобы было «на все окрестные страны (стороны) смотреть удобно».

Не только русские люди, но и иностранцы, приезжавшие в нашу страну, восхищались красотой расположения русских городов. И мы теперь, бывая в наших древних городах, поражаемся тем же. Нас удивляет соразмеренность построек с природой, их вписанность в окружающий пейзаж. Гармоничное единство города и местности, где он расположен, делает неповторимым его облик.

Для выбора места князь посылал опытного горододельца, «мужа хитрого», который «при отце его многие города рубил». Этот горододелец отправлялся с местными жителями и, подыскав годное (летописец писал «стройное») место, возвращался к князю. Тогда сам князь ехал осматривать место и только после этого отдавал приказ о постройке. Начинали размечать, где пойдут стены, где будут расположены въезды. Все это делалось не на бумаге, не на чертеже, а тут же, на строительной площадке. Одновременно с закладкой городских стен начинали строить главный храм. Церковь строили на самом высоком месте. Она была «отовсюду зримой» и становилась композиционным центром городского ансамбля.

Так было и в городе Холме. Но, помимо великолепных, столь богато и искусно изукрашенных церквей, в облике Холма значительное место заняла вежа — башня, построенная Даниилом. От зданий Холма уцелели лишь остатки, доступные только археологам. Но о красоте и величественности холмской башни мы можем судить по Белой Веже в городе Каменец-Литовске Брестской области. По этой башне получила свое название Беловежская пуща, расположенная поблизости. Одинокая башня — вежа в Каменец-Литовске, гордо стоящая высоко над рекой Лесной на насыпи, господствующей над окружающей местностью, и теперь вызывает восхищение и удивление. Прав был летописец, когда записал, что этот «столп камен» «подобен удивлению всем зрящим на нь (на него)».

Во многих других городах Волыни в те же годы, то есть в конце XIII века, воздвигались подобные башни. Их строительство исследователи связывают с появлением новых осадных машин — пороков. Каменные башни, с которых можно было «бить», то есть стрелять, на большое расстояние во все стороны, служили мощной защитой против пороков.

Галицко-Волынское княжество, расположенное на западной границе русских земель, имело оживленные культурные связи с Венгрией, Чехией и Балканами. Зодчие Даниила Галицкого и его преемников использовали многие черты архитектуры этих стран. В постройке столпа с изваянием орла и в богатом скульптурном убранстве церкви Ивана Златоуста сказалось влияние Запада. «Цветные стекла» — витражи — тоже взяты у соседей. Это характерная принадлежность западноевропейских костелов.

Однако при всех иноземных заимствованиях искусство Галицкой земли было тесно связано с традицией Киева и Владимира на Клязьме.

В XIV веке Галиция и Волынь стали заметно слабеть и вскоре попали в руки польских и литовских князей, надолго потеряв связь с русскими землями.

ТАТАРСКАЯ ПЕРЕПИСЬ В 1257 ГОДУ

К стр. 95

Рассказ — из Симеоновской летописи.

Летописная запись кратка, но за нею стоят важные события. Недаром приехали численники на Русь. Они пересчитали население, чтобы обложить его податями, собрали дань и уехали в Орду, однако они оставили на Русской земле не только десятников, сотников и прочих, но

и баска́ков. Слово «баскак» Плано Карпини переводит — «наместник». Баскаки следили за порядком в стране, проверяли уплату дани и выполнение разных повинностей в пользу татар. Русские люди должны были теперь давать татарам подводы, устраивать почтовую связь, содержать ханских послов и т. д.

Баскаки возглавляли отряды, которые набирались частично из русского населения, частично из «бесерме́н», так называли у нас мусульман. Отряды баскаков жили в особых слободах. Много зла они приносили русским людям.

Плано Карпини писал о баскаках: «Как князьям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то баскаки заявляют, что они неверны татарам, и разрушают их город или землю, а людей убивают при помощи сильного отряда татар».

Вот какие страшные бедствия принесли численники. Началось татарское иго. Это была целая система властвования монголо-татарских завоевателей. В эту систему входили и поборы, и повторяющиеся кровавые набеги, во время которых «и хлеб в уста не шел от страха», как писал летописец.

Русских князей монголо-татары стремились натравливать друг на друга, одних одаривали, других держали у себя в качестве заложников, иных убивали. Хотя князья продолжали княжить на своих землях, они зависели от татарских ханов. Их власть утверждалась «пожалованием царевым», то есть ханским, вручением ханского ярлыка (грамоты) на княжение. Монголо-татары не облагали податями только духовенство. У них не было своей развитой религии, и они боялись: вдруг русский бог разгневается и обратится против тех, кто тронул его служителей. Вся тяжесть поборов легла на народные плечи. А львиная доля доходов от этих поборов шла не простым монголо-татарским ратникам, а кочевой военно-феодальной знати — нойонам.

Бедствия Русской земли ярко передал Серапион, епископ владимирский, в своих полных скорби «Словах». «Страшно, чада, впасть в грех божий! — писал он.— Какие наказания не принимаем мы от бога? Разве не пленена земля наша? Не взяты города наши? Не пали ли отцы и братьи наши трупами на землю? Не уведены ли жены и дети наши в плен? Не порабощены ли мы, оставшиеся в живых, в горькое рабство иноплеменниками? Вот уже 40 лет продолжается томление и муки, и дани тяжкие на нас, и всласть хлеба своего съесть не можем. И воздыхание наше и печаль сушат кости наши».

В другом «Слове» Серапион рисует такую картину: «Бог навел на нас народ немилостивый, народ лютый, народ, не щадящий красоты юных, немощи стариков, молодости детей... Крепость воевод и князей

наших исчезла. Храбрецы наши, исполнившись страха, бежали. Множество братьев и детей наших в плен были уведены. Села наши поросли лесами. И величие наше смирилось, красота наша погибла. Богатство наше досталось врагам. Труд наш поганые наследовали. Земля наша стала достоянием иноплеменников...»

Владимирский епископ проявил в своих проповедях замечательное качество — глубоко любя свою родину, он с уважением отметил достоинства чужого народа: «Поганые хотя и не знают закона божия, однако не убивают своих единоверцев, не грабят, не запираются в чужом. Никто из поганых не продает брата своего, а если кого из них постигнет беда, то выкупают его и дадут на промысел. Что находят, о том на торгу (на торговой площади) заявляют».

Чтобы полнее понять настроения русских людей в трудные столетия татарской неволи, посмотрим две иконы. Они обе относятся к XIII веку, обе отражают мысли того времени.

Перед нами икона То́лгской Богоматери из Ярославского историко-художественного музея (см. стр. 248). Посмотрите, какое у нее скорбное лицо. Блики подчеркивают полные глубокого горя глаза. Концы губ печально опущены, словно она подавляет рыдания. Рука прижата к груди. А младенец прижимается к матери будто в испуге. Он обнимает ее шею, прильнул лицом к ее щеке. На его лбу складки, лицо напряжено. Образ матери, скорбящей о своем сыне, всегда особенно привлекал людей в дни бедствий. Они видели в ее образе свою тоску и скорбь, искали в ней сочувствия и сострадания своим бедам. Когда смотришь на эту икону, вспоминается и «Плач земли», и легенды о Богоматери, оплакивающей гибель русских людей.

Но скорбь не была единственным чувством, владевшим русскими людьми в те времена. В Русском музее в Ленинграде есть икона—Георгий с житием. На полях, на клеймах изображены сцены из жизни Георгия, того самого Егория Храброго, о котором пели калики перехожие. В этих сценах преобладают мучения, страшные пытки. Но вы не чувствуете их ужаса. Вы видите, что сила духа Егория настолько велика, что, несмотря на все мучения, «ничего Егорью не вредилося». Икона изображает не столько муки и страдания, сколько победу добра и света, торжество стойкости и мужества. Икона написана в яркой гамме тонов. Она радостная, праздничная. Много надо было иметь духовных сил, чтобы написать такую вещь в те страшные годы, когда баскаки рыскали по Русской земле.

ТАТАРСКАЯ ПЕРЕПИСЬ В НОВГОРОДЕ

К стр. 96

Рассказ — из Новгородской Первой летописи.

Перед нами текст Новгородской Первой летописи, интересный тем, что поднимает сословные, социальные вопросы, столь острые для Новгорода.

Посмотрим на город с какой-нибудь высокой башни. Волхов делит Новгород на две стороны. Левая (западная) называлась Софийской. На ней в каменном Детинце — Кремле стоит Софийский собор. Правая (восточная) сторона называлась Торговой; там был расположен торг, рядом вечевая площадь и Ярославово двори́ще. Обе стороны соединялись Великим мостом. Весь город был укреплен кольцом валов, которые и сейчас окружают его древнюю часть. Но, конечно, самым надежным укреплением был Детинец.

Город делился на пять «концов». На Софийской стороне были Нере́вский конец, Лю́дин, или Гончарский, и Загородский. На Торговой стороне был Сла́винский конец и Плотницкий. Каждый конец имел конча́нского старосту, вече и главный храм, где собирались не только на молитву, но и для обсуждения разных дел, где прятали припасы, ценности, творили суд. Улицы имели улича́нских старост, вече и свою церковь. Ремесленники, занятые одним и тем же промыслом, селились вместе, один подле другого. Среди них были и мастера и подмастерья. Их интересы объединялись общностью производства, но социальное неравенство разъединяло их, и часто беднота выходила против богачей.

Сословная вражда обострилась в Новгороде при известии о татарской переписи. «Чернь», городские низы не хотели давать «числа». Как им было платить дань, когда они ничего не имели. Бояре, вя́тшие, или лучшие, то есть зажиточные люди, требовали согласиться на перепись. Они боялись, что в случае отказа придет татарская рать, возьмет Новгород и расхитит все их добро. Так, задолго до прихода татарских численников в Новгороде начались волнения. Они, видно, были не малыми, раз беднота убила посадника, ставленника великого князя Александра Ярославича (Невского). Александр стремился к миру с Золотой Ордой, так как русские земли не имели в те времена сил для свержения монголо-татарского ига.

Когда татарские послы явились в сопровождении самого князя Александра, новгородцы ограничились дарами, но десятины и тамги не дали (тамга́ — пошлина с торговых сделок). Лишь через 2 года после первых слухов, под угрозой похода татарских отрядов, новгородцы согласились принять численников. Но как только в Новгород приехали ор-

дынские послы Беркáй и Касáчик с Александром, новгородцы снова возмутились.

Заметили ли вы, что новгородский летописец стоит на стороне «черных», «меньших» людей? Он говорит о них: «Кто добрый, тот за святую Софию и дома ангельские». Вя́тших, бояр, он называет злыми. «По совету злых новгородцы согласились на перепись»,— пишет летописец.

О новгородском черном люде, его выступлениях против князя и бояр певцы пели в былинах. Вы, наверное, помните, что увидел Василий Буслаев, когда он, схватив «ось тележную, железную», прибежал на мост через Волхов, где только что закончилась потасовка:

> «Стоит дружина по колен в крови,
> Головки шалы́гами прощелканы,
> Платками руки перевязаны,
> И ноги кушаками перевязаны».

А может быть, нечто такое случилось и при татарских послах, и дрогнуло их сердце, когда они увидели,

> «Как собирались мужики увалами,
> Увалами собирались перевалами,
> С теми шалыгами подорожними».

Вот и «стали они смерти бояться» и просить Александра дать им сторожей. Больше того, татары задумали настоящий поход на Новгород. Пользуясь зимним временем, они хотели двинуться от Городища, где, как вы помните, был двор князя. Они задумали идти через озеро на Софийскую сторону и одновременно ударить и на Торговую. В городе поднялась паника. Люди стали переправляться на Софийскую сторону. Там можно было надеяться отсидеться за крепкими стенами Детинца. Но, видно, и татары понимали, что без сильной рати им не осилить Новгорода, и ушли прочь. Тут бояре взяли верх. Страшась, что вскоре придут большие полки татарские, они убедили меньших и согласились на перепись, которая тяжело легла на народные плечи. Недаром летописец пишет: «И творили бояре себе легко, а меньшим зло».

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ТАТАР НА РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛЕ В 1262 ГОДУ

К стр. 97

Рассказ — из Софийской Первой летописи.

Татарскую дань собирали на Руси откупщики. Это было страшным народным бедствием. Тем, кто не мог уплатить, они давали деньги в

рост, а недоимщиков уводили в рабство. Таким откупщиком был мусульманин Титян, чьим «поспе́хом» действовал Зоси́ма.

Насилия откупщиков вызывали народные восстания, которые вылились в форму городских вечевых волнений. Выступления вспыхнули одновременно, словно был подан знак. Действительно, в одном из списков летописей есть на то указание: «И прииде на Устюг грамота от великого князя Олександра Ярославича (Александра Невского), что татар бити». Очевидно, Александр Невский принимал участие в подготовке городских восстаний.

Волнения 1262 года открыли ряд восстаний против ордынского владычества во второй половине XIII и в начале XIV века. К сожалению, нам мало о них известно. Осторожный летописец говорит о них глухо или вовсе умалчивает.

Народная борьба с татарскими насильниками не прошла напрасно. Восстания привели к тому, что из русских земель исчезли «бесермены» — откупщики даней. Дань, «татарский выход», как ее называли, стали собирать сами русские князья. Они, конечно, тоже злоупотребляли своим положением и оставляли излишки в своей казне. Но эти средства они могли использовать на пользу стране. Можно было начать залечивать раны, нанесенные врагом.

ПОВЕСТИ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

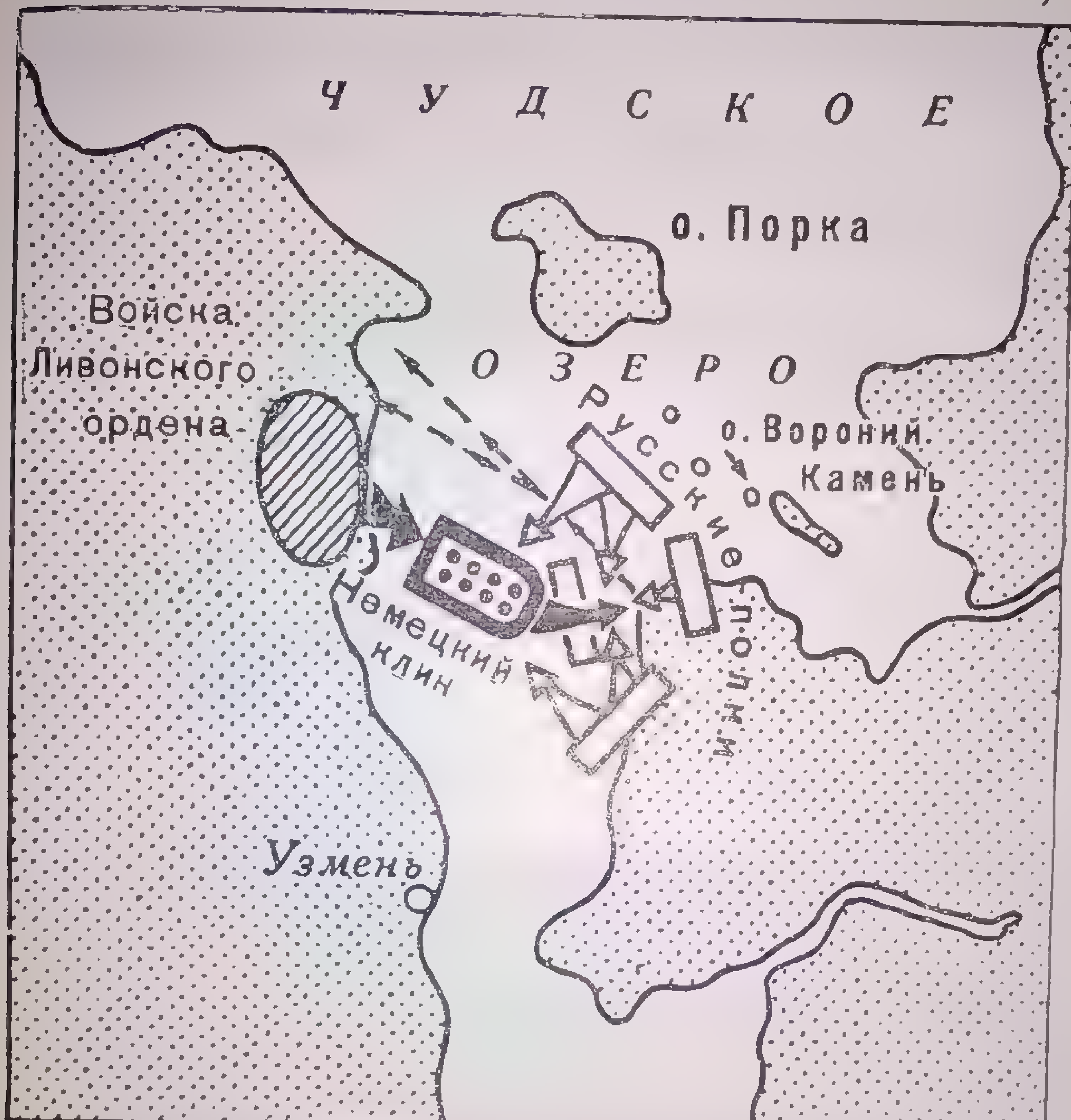
К стр. 98

Рассказ реконструирован по нескольким спискам летописей ученым Ю. К. Бегуновым.

«Повесть о житии (то есть о жизни) и о храбрости великого князя Александра» рассказывает нам устами современника о подвигах нашего национального героя. Автор был близок Александру Невскому, мог расспрашивать его о Невской сече и Ледовом побоище. Он разговаривал с другими участниками великих битв, узнавал от них подробности и передал то, что слышал, потомкам. Рассказ «очевидца», современника великого князя, не может не быть интересен для нас. Но «Повесть» ценна не только этим. Она является прекрасным памятником искусства слова второй половины XIII века. Она свидетельствует о том, что даже в этот тяжелый век нашей истории русская культура не угасала, литература могла подниматься до высот истинной поэзии.

Автор «Повести об Александре Невском» — человек широко начитанный — писал в соответствии с лучшими образцами мировой литера-

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ (5.IV 1242 г.)

туры, известными ему и образованному кругу его читателей по переводам. Он был знаком с жизнеописанием Александра Македонского, во многих списках ходившим на Руси под названием «Житие и жизнь и деяния и вся бранна Олександра, царя македонского». Ему были хорошо известны «Троянские деяния» — изложение событий троянской истории. Мы их знаем по бессмертной «Илиаде» Гомера или — что чаще — по сокращенным пересказам, а он по переложению византийского историка Мала́лы. Наконец наш писатель читал исторические книги Библии, «Историю Иудейской войны» знаменитого историка Древнего Рима Иосифа Фла́вия и повести о византийском герое-богатыре Дигéнисе Акри́те, прекрасном Дивгéнии, как его называли на Руси.

В этих произведениях автор «Повести» находил деяния, подобные подвигам Александра Невского; случаи жизни, близкие к его жизни; поэтические образы, достойные для восхваления своего героя. Описывая действительно имевшие место события, автор приподнимал их, облекал в пышные риторические формы, придавал им значительность. Он создал литературное произведение, стоящее в одном ряду с произведениями мировой литературы средних веков.

Обратите внимание на стройность рассказа. Прекрасно согласованы лирическое вступление и эмоциональный конец «Повести». После вступления мы читаем блестящую характеристику князя. Писатель уподобляет Александра известным героям Библии и античности. Гипербола, сравнения, приподнятый стиль, умело подобранные цитаты — вот те художественные средства, которые должны создать образ исключительного героя.

Далее автор последовательно рассказывает о трех подвигах Александра: о битве на Неве, о Ледовом побоище и о поездке в Орду. Два первых подвига — бранные, последний — подвиг самопожертвования. Александр поехал к хану «отмолить людей от беды», чтобы татары не заставляли русских людей нести воинскую службу. Существует предположение, что смерть Александра на обратном пути из Орды вызвана отравлением в ханской ставке.

С искренней теплотой обрисованы сподвижники князя — от простого ижорянина Пелгусия до дружинников. «Шесть мужей храбрых» вызывают восхищение писателя. Они — реальные люди того времени. О многих из них мы знаем из упоминаний в новгородских летописях.

Повесть об Александре Невском известна в списках и вне летописи. В нескольких из них перед «Повестью» имеется статья под названием «Слово о погибели Русской земли». Многие исследователи считают ее введением к жизнеописанию Александра. Это небольшое по объему произведение — один из лучших памятников литературы нашей древности. Оно полно такой большой, такой глубокой и искренней любви к родине, что может быть поставлено в один ряд только со «Словом о полку Игореве».

Начинается «Слово о погибели» задушевным обращением к Русской земле: «О светло-светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами удúвлена еси: озерами многими, удивлена еси реками и клáдезями (источниками) месточтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами монастырскими, домами (храмами) церковными и князьями грозными, боярами честны́ми, вельможами многими — всем ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!»

Русская природа изображена в этом произведении так же обобщенно и поэтично, как на древних иконах. Поэт использовал искусство слова. А живописцы передавали те же образы красками и мягкими, певучими линиями.

На страже «светло-светлой земли Русской» и стоял Александр Невский. Его основная историческая заслуга перед родиной — оборона Руси против врагов — прекрасно понималась современниками. В минуту опасности русские люди всегда с благодарностью вспоминали великого защитника родины и благоговейно хранили в своем сердце его образ, с таким подъемом нарисованный древнерусским книжником.

СКАЗАНИЕ О БЛАГОВЕРНОМ КНЯЗЕ ДОВМОНТЕ И О ХРАБРОСТИ ЕГО

К стр. 105

Рассказ — из Псковской Второй летописи.

Если вы бывали в Пскове, то, конечно, слышали название Довмонтов город, видели Довмонтову башню, стену Довмонта.

В те времена, о которых рассказывается в повести, Псков уже считался древним городом. На высокой скале при слиянии бурной Псковы́ с полноводной Великой стоял Кремль. Кром — называли его псковичи. Кремль и теперь является гордостью и украшением города. За его стенами высится Троицкий собор. Он построен в XVII веке, но стоит на месте одноименного собора, поставленного здесь в XII веке. Троицкий собор был не единственным каменным зданием Пскова во времена Довмонта. Еще в 1156 году на другой стороне Великой был сложен и расписан фресками Спасо-Миро́жский храм. В XII веке также в За́вличьи был поставлен торжественный Ивановский собор Ивановского монастыря. Эти здания вы можете увидеть в Пскове и теперь.

Ко второй половине XIII века город настолько разросся, что стена Крома более не ограждала всего посада. Тогда при князе Довмонте была построена вторая стена. Она замкнула площадь, названную Довмонтовым городом. Все стены Пскова были сложены из местной известняковой плиты. Теперь в Довмонтовом городе нет построек. Это заповедник. Там проводятся интересные раскопки. Археологи находят руины храмов, остатки хозяйственных помещений, большое количество каменных ядер и разные старинные предметы.

Псков был «пригородом» Господина Великого Новгорода, псковичи приезжали на вече в Новгород, и постановления веча были обязательны для Пскова. Уклад жизни в Пскове был демократичнее, чем в Новгороде. Псковская земля тянулась узкой полосой вдоль западных гра-

ниц Руси. Боярство не имело больших земельных владений и не обладало той влиятельностью, что в Новгороде. Ремесленников же было много в этом пограничном городе, и их голос громко звучал на вече. Постоянные войны с западными соседями, с прибалтийскими племенами, Литвой и ливонскими рыцарями, от которых псковичам приходилось отстаивать свою землю, сплачивали население. Посадские люди и жители сел, кто «в доспехах, а иные нази́е» (нагие, без доспехов), воевали с «безбожными», «погаными иноплеменниками» и обращали в бегство «со многим стыдом и срамом» сильнейшего противника.

Голос простого народа слышим мы и в псковских летописях.

Речь Довмонта — казалось бы, обычная речь князя перед битвой, но она обращена не к дружине, а к жителям псковских посадов и сел, которые пошли с ним. Князь призывает их «потягнуть за святую троицу, за святые церкви, за свое отечество», то есть за свой город, свои дома, свою землю. Слово «отечество» означает здесь не «отчина» князя, а отечество, родина простых людей, и не князь борется за свое «отечество», а псковичи под руководством князя отстаивают честь и независимость своей земли. Народный характер борьбы псковичей за свою землю отразился и в ряде других народных мотивов повести о Довмонте. На повесть несомненно повлияло «Житие Александра Невского». Но народная струя пробивается через литературные заимствования.

Время княжения Довмонта — героический период псковской истории, период блестящих побед псковичей. Недаром меч Довмонта, надетый на него игуменом перед битвой с ливонскими рыцарями, сохранялся в виде реликвии на гробнице князя в Троицком соборе и позже изображался на знамени Пскова. Сам же князь считался местночтимым святым, покровителем Пскова «от безбожных немец».

ВОССТАНИЕ В НОВГОРОДЕ ПРОТИВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

К стр. 108

Рассказ — из Новгородской Первой летописи.

Когда мы читаем о восстании против Ярослава, перед нами ярко встает вечевой строй Великого Новгорода. И мы представляем себе, как грянул колокол на Ярославовом дворище и новгородцы заспешили со всех концов города на площадь. С веча доносятся до нас гневные выкрики, прерывистые вопросы-обвинения: зачем сделал то, зачем сделал это? А потом простая, спокойная развязка: «Не можем терпеть твоего насилья. Поеди от нас, а мы себе князя промыслим». А вот выходит посол в длинном кафтане. Поднимается на степень — деревянный по-

мост. Он истово крестится на Софийский собор за рекой и на новгородские храмы кругом. Затем низко кланяется на все стороны, касаясь пальцами правой руки досок настила, и начинает говорить от лица князя: «Кланяюся святой Софьи и мужам новгородцам». И снова кланяется медленно, не спеша. Только после этого он начинает «править посольство», то есть переходит к деловой части своей речи.

Посольские речи (вы их много уже читали) — интересные образцы русского ораторского искусства, выработанного в глубокой древности. Переговоры велись, как правило, устно. Посылавший, «отряжая» посла, говорил ему: «Иди туда-то и скажи то-то». И далее передавал послу свою речь от первого лица. Посол, достигнув места назначения, начинал речь: «Так говорит тебе князь» — и затем произносил речь от первого лица. Слушатели видели перед собой посла, но говорил с ними сам князь, его пославший: «Слышал есмь, аже Ярослав идет на Новгород». Ответ послу также передавался в такой форме, словно разговор велся с самим князем: «Княже, сдумал еси на святую Софью».

Оскорбить посла означало оскорбить пославшего. Поэтому послов обычно принимали и провожали с честью, их «кормили», то есть обеспечивали всем необходимым, давали «пово́з» — коней и подводы; когда же не соглашались на их предложения, послов задерживали. Послами были «лепшие», или «лучшие», то есть знатные лица, сыновья князей, чаще бояре, иногда духовенство. Они были широкообразованны, зачастую вели летопись, ведали княжеским или городским архивом.

Но перед новгородским вечем выступали не только послы. Каждый мог подняться на «степень» или говорить с места. Перед большой толпой под открытым небом надо было говорить кратко, всем понятно, так, чтобы слова запоминались, убеждали. Вот и создалась лаконичная речь, запечатленная в новгородских летописях. Она пересыпа́лась пословицами, поговорками, была образна, ритмична, нередко строилась на антите́зе — противопоставлении. «Ты собе, а мы собе»,— говорили новгородцы неугодному князю. «Твой меч, а наши головы»,— отвечали они на угрозу идти против них ратью и деловито готовили город к защите. «Куда ты очами взглянешь, туда мы бросимся головами своими» — так выражали они готовность биться за князя.

Князь был нужен новгородцам. Он был начальником их дружины. Но они заботились о том, чтобы он не вмешивался в их внутренние дела. Вот что пишет о положении князя в Новгороде советский историк академик Б. М. Греков: «Князя сжали со всех сторон: он даже на охоту ездить не мог, куда хотел, не мог пасти своих лошадей на не указанном заранее месте, рыбу впрок мог заготовлять только там, где разрешило ему вече, предварительно оговорившее все эти и подобные мелочи в договорной грамоте, на которой князь должен был целовать крест».

Поэтому и возникали постоянные споры и ссоры новгородцев с князьями. «Тяжело, брат, с этими людьми,— жаловался один из князей.— Не хочу быть с ними. Посылай к ним кого хочешь». Но чаще бывало так, что князья искали новгородского стола «добром или лихом». Еще бы, Господин Великий Новгород был богатейшим городом Древней Руси. Его купцы торговали с Западом, держали свои дворы в разных городах Европы. А в Новгороде имели свои дворы купцы «иноземцы». Новгородские ушку́йники ходили по Волге и торговали с восточными странами. Слово «ушкуйник» происходит от «ушкуй» — вид ладей, на которых ходили новгородские «гости»—купцы. Земли Великого Новгорода простирались на Урал. Понятно, почему Ярослав не хотел лишиться новгородского стола.

ВОССТАНИЕ В ТВЕРИ ПРОТИВ ТАТАР В 1327 ГОДУ

К стр. 110

Рассказ — из Рогожского летописца.

В исторических песнях народ пел о событиях, особенно его поразивших. Пели песню о подвиге Авдотьи Рязаночки — молодой женщины, прошедшей дальнюю дорогу, пересекшую широкие реки, дремучие леса, не побоявшуюся ни разбойников, ни непогоды и выведшую из татарского полона русских людей. Пели песню и о Щелка́не Дюде́нтьевиче. Прочитайте ее, вы поймете, что в ней поется о том восстании в Твери против злого Шевкала (Чол-хана), о котором написано и в летописи. В песне поется, что царь Азвя́к одаривал своих шурьев городами стольными. Одного он не пожаловал — любимого шурина Щелкана Дюдентьевича. Щелкана не было в то время в Орде. Он был занят другими делами:

«Брал он, млад Щелкан,
Дани невыходы, царски невыплаты:
С князей брал по сто рублев,
С бояр по пятьдесят,
С крестьян по пяти рублев,—
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет».

Когда Щелкан вернулся к царю с богатою данью, стал он просить его:

«Пожалуй ты меня
Тверью старою, Тверью богатою».

Царь выполнил просьбу Щелкана. И «млад Щелкан он судьею насел в Тверь ту старую, в Тверь богатую». Щелкан надругался над тверичами. Тогда «мужики-то старые, мужики-то богатые, мужики-то посадские» пошли от народа с поклоном и с подарками. Щелкан

> «Подарки принял от них,
> Чести не воздал им,
> Втапоры млад Щелкан
> Зачванился он, загординился,
> А они с ним раздорили —
> Один ухватил за волосы,
> А другой за ноги,
> И тут его разорвали.
> Тут смерть ему случилася,
> Ни на ком не сыскалося».

Так пел народ о ненавистном Шевкале. В песне поется не только о борьбе тверичей против татарского ига. В ней воспевается богатство древней Твери.

В XIV веке Русь все еще состояла из ряда княжеств; из них наиболее крупными были Московское, Тверское, Рязанское и Суздальско-Нижегородское. Великий Новгород и Псков продолжали быть центрами феодальных республик. Тверское, Московское, Рязанское и другие княжества назывались великими. Во главе их стояли великие князья. Но «старшим» князем всей Русской земли был тот, кто получил от золотоордынского хана ярлык (грамоту) на общерусское великое княжение. В Успенском соборе во Владимире, построенном Андреем Боголюбским и Всеволодом Большое Гнездо (см. стр. 32 и 236), князья торжественно сажались на великое княжение. Поэтому они назывались великими князьями владимирскими, хотя на самом деле они продолжали сидеть в своих городах, то есть в Твери, Москве или Нижнем Новгороде и т. д.

Тверь известна по письменным источникам с начала XII века. При брате Александра Невского Ярославе Ярославиче она была стольным городом самостоятельного княжества. Тверь была тесно связана торговлей с Великим Новгородом и Литвой. Тверичи ездили в Киев, Шемаху, Бездеж (Пятигорск), Дербент и в Царьград. Тверское княжество быстро окрепло. Сын Ярослава Михаил Ярославич стал великим князем и носил титул «великого князя всея Руси».

Михаил Ярославич начал каменное строительство. Первый каменный храм, построенный в Северо-Восточной Руси после монголо-татарского нашествия, был храм Спаса, воздвигнутый в Твери Михаилом Ярославичем.

Но судьба богатого княжества сложилась трагично. Оно страдало от внутренних усобиц, от татарских опустошений, от кровавой борьбы с соперницей Москвой.

Трагична была и судьба тверских князей. Михаил Ярославич и сын его Александр Михайлович сложили свои головы в Орде. Уезжая в Орду, они шли в собор Спаса, служили там торжественные молебны, а выходя из храма через «красные ворота», становились «на высоком крыльце на степени перед церковью и кланялись всем людям, прощения у них прося». Гибель тверских князей в Орде, подробно описанная в летописях, послужила источником для больших и интересных повестей.

Тверь имела большое значение в русской истории. В ней в XIV веке зарождаются идеи объединения русских земель. Но Твери не было суждено их осуществить, и она должна была уступить «старшинство» своей сопернице Москве.

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

К стр. 112

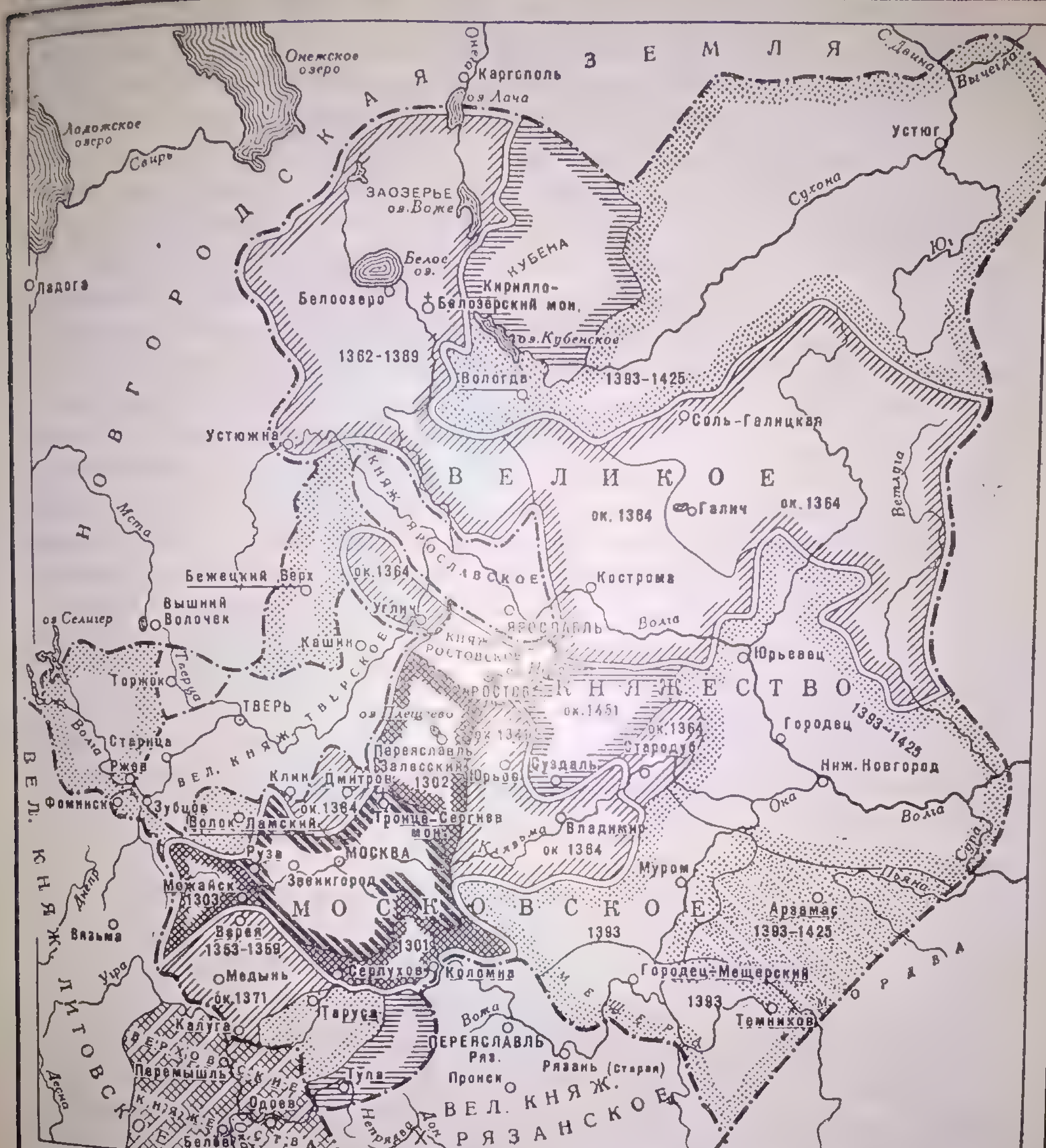
Рассказ — из Рогожского летописца.

Москва после смерти Александра Невского досталась его младшему сыну — Даниилу Александровичу. В начале XIV века к Московскому княжеству были присоединены Коломна, Переяславль-Залесский и Можайск. Взгляните на карту, вы сами поймете значение этих городов: все течение реки Москвы отошло к московскому великому князю. В истоках стоял Можайск, в устье — Коломна. Богатое Переяславское княжество стало житницей Москвы.

В первой четверти XIV века московские князья начали борьбу с тверскими за титул великого князя владимирского. Под игом татар эта борьба приняла особенно уродливые формы. По наговору московского князя Юрия Даниловича в Орде был казнен великий князь тверской Михаил Ярославич. В Орде погиб и сам Юрий Данилович. Ярлык на великое княжение владимирское получил Александр Михайлович Тверской, о котором вы читали в предыдущем рассказе.

В 1325 году на московский стол сел Иван Данилович Калита. Это был дальновидный политик. Ему удалось склонить на свою сторону главу русской церкви, митрополита всея Руси. Первым митрополитом московским и всея Руси был выходец с Волыни Петр. Он перенес свою кафедру в построенный им в Москве Успенский собор. Это имело большое политическое значение. В церковном отношении митрополиту подчинялись все епископы, сидевшие в других, часто враждовавших с Москвой, городах. Светская и церковная власть не была разделена. Через московского митрополита великий князь мог влиять на дела других княжеств.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ в XIV – СЕРЕДИНЕ XV вв.

- Территория Московского княжества в 1300 г
- Присоединения 1300–1340 гг
- Границы территории Московского княжества при Иване Калите (с включением временно зависевших земель)
- Присоединения 1340–1389 гг.
- Присоединения 1389–1425 гг.
- Присоединения 1425–1462 гг.
- 1302 — Годы присоединений
- Вологда — Совместные владения Москвы и Новгорода Великого (до присоединения их к Московскому княжеству)
- Территории, сохранявшие местное самоуправление
- Территория Верховских княжеств, временно переходивших в подданство Москвы
- X — Место Куликовской битвы
- Границы Великого княжества Московского и его соседей в 1462 г.

Иван Калита использовал тверское восстание 1337 года для борьбы со своим соперником. Он отправился в Орду и приехал оттуда вместе с карательной ратью, которую прислал разъяренный хан Узбéк. Все русские земли были разорены, нетронутыми остались лишь земли Ивана Калиты. В сознании современников страдания Твери послужили искупительной жертвой, спасли и возвысили Москву. Перечитайте летопись: «Великий же Спас заступил (защитил) благоверного князя великого Ивана Даниловича и его град Москву и всю его вотчину от иноплеменных, поганых татар». «Спас» — собор Спаса, главный храм в Твери. Он олицетворял весь город Тверь и ее земли. Подставьте вместо слова «Спас» слово «Тверь», и вам станет ясна мысль летописца.

Древнейшее московское летописание велось при кафедре митрополита. Именно поэтому церковное влияние в нем сильнее, чем в летописании предшествующего времени. Церковный автор превратил крутого и жестокого Ивана Калиту в набожного благоверного князя. Однако общая характеристика Ивана, данная летописцем, исторически верна.

Иван Калита использовал многие коварные средства для борьбы со своими врагами. Но в течение его сорокалетнего княжения не было ни одной татарской рати. Целое поколение людей не знало ужасов татарских вторжений. Вот почему с такой благодарностью вспоминает о нем летописец. Окрепло великое княжество Московское, стало собирать вокруг себя разрозненные русские земли, чтобы, скопив силы, сбросить татарское иго. С именем Ивана Калиты мы связываем начало возвышения Москвы и вместе с тем начало единения Руси.

ЗАВЕЩАНИЕ МАГНУША, СВЕЙСКОГО КОРОЛЯ

К стр. 114

Рассказ — из Новгородской Четвертой летописи.

Если вы думаете, что «Рукописание», или «Завещание», которое вы только что прочитали, написал шведский король Магнус Эриксон, или Магнуш, как его называли на Руси, вы ошибаетесь. Этот любопытнейший документ составлен новгородским книжником конца XIV или начала XV века, хорошо знавшим историю родной земли. События, упоминаемые в «Рукописании», действительно имели место.

Нападения шведов на новгородские владения, пресеченные князем Александром Невским, возобновились в конце XIII века, когда шведы построили крепость Выборг и довольно скоро захватили почти всю Карелию. В 1323 году московский князь Юрий Данилович (брат Ивана Ка-

литы) и новгородцы заключили со шведским королем Магнусом договор о «вечном мире». Однако Магнус нарушил договор. В 1348 году он прислал в Новгород послов с неожиданным предложением поспорить о вере. «Если ваша будет вера лучше,— заявил он,— то я перейду в вашу веру. Если же наша вера лучше, то вы переходите в нашу веру, и будем все как один человек». В случае отказа «Магнуш, король Свейской земли», грозил выступить против новгородцев со всею своею силою.

Новгородцы чувствовали себя более уверенными в бою, нежели в богословских спорах, и предложили королю направить своих послов в Царьград к патриарху, объяснив, что они приняли «правоверную веру» от греков и спорить с королем не хотят.

Этого было достаточно. Повод нашелся. Магнус собрал шведов, а также датских и голштинских наемников и в 1348 году начал войну. Поход Магнуса по размаху можно сравнить только с походом Биргера против Александра Невского в 1240 году. «Свейский» король осадил и взял Орехов. Но вскоре новгородцы взяли Орехов обратно. На следующий год Магнус вновь высадился на русских берегах. Однако услышав, что на него идет новгородская рать, он ушел в море, где буря потопила его корабли.

Шведы и после этого пытались нападать на Новгород, но все их попытки кончились поражением. Так и создалась легенда о том, что сам могущественный Магнус предупреждал детей своих и братьев и всю Свейскую землю не наступать на Русь, не нарушать клятвы о вечном мире.

БИТВА ПРИ РЕКЕ ПЬЯНЕ

К стр. 116

Рассказ — из Новгородской Четвертой летописи.

В середине XIV века возвысилось Суздальско-Нижегородское княжество. Столицей княжества стал Нижний Новгород, основанный в 1221 году князем Юрием Всеволодовичем. Город, поставленный при слиянии Оки и Волги, имел большое значение в заселении русскими людьми земель по этим рекам. В первой половине XIV века Нижний стал крупным торговым и экономическим центром, посредником между Русью и Востоком. Нижний Новгород сделался и центром культуры. В 1350 году нижегородский князь Константин Васильевич заново отстроил возведенный еще при Юрии Всеволодовиче собор Спаса.

В конце XIV века в Нижнем Новгороде работал знаменитый византийский живописец Феофан Грек. Его полные могучей силы фрески сохранились теперь только в Новгороде Великом. В Нижнем была и своя

иконописная мастерская. Выходцем из нижегородских живописцев был известный Прохор с Городца (Городец — город на Волге), друг и сотоварищ Андрея Рублева.

Деятелям Нижнего Новгорода мы должны быть благодарны за Лаврентьевскую летопись. Она была написана в 1377 году Лаврентием «мнихом» по благословению епископа Дионисия для нижегородского князя Дмитрия Константиновича (см. вступительную статью, стр. 3).

Возвышение Нижнего Новгорода и Суздальской земли связано с общим экономическим и культурным подъемом русских княжеств в XIV веке. Этот подъем привел впоследствии к объединению Руси и к успешной борьбе против татарского ига. Но в середине XIV века до объединения было еще далеко. Суздальско-Нижегородское княжество боролось с Москвой за великое княжение.

В 1359 году в Москве умер сын Ивана Калиты — Иван Иванович Красный. У него осталось два сына. Дмитрию Ивановичу, будущему победителю Мамая, было всего 9 лет, а второму и того меньше. Вот когда наступила пора для соседних князей добиваться великого княжения владимирского.

В 1360 году суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович получил ярлык на великое княжение «не по отчине и не по дедине», то есть не по праву. Но Москва оказалась достаточно сильной, чтобы даже при малолетнем князе постоять за себя. Из среды московских бояр выдвинулся один из крупнейших государственных деятелей XIV века — митрополит Алексей. Вместе с группой бояр он стал во главе правления. Он отправился в Орду и получил для Дмитрия желаемый ярлык. Дмитрий Константинович Нижегородский не захотел отдать владимирского стола. Тогда московские бояре посадили на коней своих юных княжичей и двинули войска на Дмитрия Константиновича Нижегородского. До битвы, однако, дело не дошло. Дмитрий Константинович бежал, и одиннадцатилетний внук Ивана Калиты стал старшим князем всей Русской земли.

Скоро обстоятельства заставили Дмитрия Константиновича обратиться к московскому князю за помощью. Союз обоих князей был скреплен браком. Дочь Дмитрия Константиновича Нижегородского Евдокию отдали замуж за Дмитрия Ивановича Московского. С тех пор московские и нижегородские полки действовали совместно.

В 70-х годах XIV века участились татарские набеги на русские земли и усилились притеснения со стороны Орды. В ответ на это в городах поднимались восстания. Наиболее значительным было восстание в Нижнем Новгороде в 1374 году. В этом году «новгородцы Нижнего Новгорода побили послов Мамаевых, а с ними татар тысячу», а «старейшину» татарского — Сарайку «руками яша (взяли в плен) с дружиною».

Сарайке и его дружине удалось бежать «на владычнин двор» (на двор епископа). Оттуда он стал стрелять «в людей», то есть в горожан, многих людей «язви стрелами, а иных смерти предасть». Но в конце концов горожане перебили всех татар. «Татарове ту (там) вси избиены быша, и ни един от них не избысть (не уцелел)».

Нижегородское восстание было наиболее сильным антитатарским движением после восстания в Твери 1327 года.

Ханский темник Мамай, чьего посла убили нижегородцы, отправил против Нижнего Новгорода царевича Ара́пшу. (Араб-шаха.) О злосчастной битве с Арапшей на реке Пьяне вы прочитали в летописи. Летописец не скрывает горестного поражения русских войск. Но ответственность за поражение он, подобно авторам первых повестей о татарском нашествии, возлагает на русских вождей. Рассказ написан в тоне сатиры. Летописец с едкой и злой насмешкой относится к беспечным московским и нижегородским военачальникам, которые погубили русское войско.

Из рассказа о битве на реке Пьяне мы узнаём о важных переменах, происшедших в нашей стране в течение XIV века. После восстания в Твери в 1327 году Иван Калита в союзе с татарами разгромил Тверь. После восстания в Нижнем Новгороде в 1374 году внук Ивана Калиты выступает в союзе с нижегородским князем против татар.

О ПОБОИЩЕ НА РЕКЕ ВОЖЕ

К стр. 118

Рассказ — из Новгородской Четвертой летописи.

После поражения на реке Пьяне русские князья начали готовиться к новой битве с татарами. Уже в следующем, 1378 году всесильный ханский темник Мамай направил на Русь большое войско во главе с мурзо́й (князем) Бегичем. Дмитрий Иванович Московский сам выступил навстречу татарам и вошел в Рязанскую землю. Битва произошла на реке Воже, притоке Оки.

Читая рассказ об этой битве, мы видим, как изменилось соотношение русских и татарских сил. Татарские войска, недавно безнаказанно грабившие русские земли, теперь несколько дней стояли в нерешительности. Великий же князь Дмитрий Иванович проявлял хладнокровие и выдержку. Он выстроил свои полки в боевом порядке и выжидал на левом, высоком берегу реки, малоудобном для передвижения татарской конницы. Когда же татары наконец переправились, великий князь смял их стремительное наступление объединенным ударом своих трех полков.

Не только военный талант великого князя Дмитрия Ивановича решил исход битвы на реке Воже. Большое значение имело то собирание сил вокруг Москвы, которое медленно, но неуклонно происходило с самого начала XIV века.

Удельные князья постепенно становились князьями «служебными», то есть обязанными нести великокняжескую военную службу. Взаимоотношение удельных князей с великими оговаривалось в договорных грамотах. Вот что пишет, например, московский великий князь Дмитрий в договорной грамоте со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским: «Тобе, брату моему молодшему, мне служити без ослушания (то есть «ты должен мне служить без ослушания»), а мне тобе кормити по твоей службе» («кормить» — то есть «награждать»). Князь Владимир Андреевич с честью выполнил свой договор в битве с Мамаем на Куликовом поле.

Князья договаривались «быти заодно до живота (до конца жизни)» и заключали между собой военные союзы. «А кто будет брату нашему старейшему (то есть великому князю) недруг, то и нам недруг. А кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг».

Великие князья требовали военной помощи от своих союзников: «А где ми будет (мне придется) всести на конь, всести (садитесь) вы со мною. А где ми будет самому не всести, а будет ми вас послать, всести вы на конь без ослушания»,— писал московский великий князь. Так великий князь становится верховным военачальником. Не только удельные князья, но и такие сильные государи своих земель, как нижегородский князь, тверской и другие, бывали вынуждены подчиняться воле московского князя.

Как и в других русских княжествах, войска в великом княжестве Московском состояли из княжеского «двора» (личной дружины князя), из боярских дружин и из «рати» (ополчения). Но в Московском княжестве численность войск все возрастала. Лишившиеся политической самостоятельности былые удельные князья вступали в ряды московского боярства вместе со своими «дворами». Бояре соседних княжеств нередко переходили на службу к более сильным московским князьям и приводили с собой своих слуг.

Московская рать состояла главным образом из горожан — купцов и ремесленников. Но в случае нужды она пополнялась и сельским населением. Земли Московского княжества становились все обширнее. Увеличивалась и московская рать. Собирались, накапливались силы для решительного боя с татарами. А его было не миновать. Все понимали, что Мамай после поражения своих войск на реке Воже выступит с отмщением.

О ПОБОИЩЕ НА ДОНУ И О ТОМ, КАК ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ БИЛСЯ С ОРДОЮ

К стр. 119

Рассказ — из Новгородской Четвертой летописи.

«Мамаево побоище» — так обычно называли на Руси Куликовскую битву — показало силу объединения русских земель. Победа была одержана над общим для всех врагом. Поэтому битва на Дону, хотя в ней участвовали не все русские земли, имела общерусское значение.

Под знаменами Дмитрия Донского собралось огромное войско. Современники считали — 150—200 тысяч человек. Тут были владимирцы и суздальцы, ростовцы и ярославцы, отряды с далекого Белого озера. На помощь пришли и западные земли — полочане и брянцы, были и псковичи. Среди убитых указано 70 бояр рязанских. Положение Рязанского княжества было очень трудным. Рязанская земля вот уже полтора столетия принимала первые удары татарских орд, часто служила заслоном для остальных русских земель, в том числе и для Москвы. Но Москва посягала на самостоятельность Рязани. Московский летописец в запальчивости политических страстей, не жалея красок, чернит рязанского князя Олега. Даже весть Олега Дмитрию Донскому о походе Мамая он называет «лживою». Положение Олега Рязанского было трудным. Он знал, что его земли, граничившие с татарской степью, пострадают первыми. Поэтому он боялся открыто выступать против татар. Поведение Олега Рязанского было двойственным. Он оповестил московского князя о планах татар, а сам обещал помощь Мамаю, но с этой помощью не спешил и не пришел вовремя.

Русские войска во главе с великим князем московским собрались в Коломне и двинулись к верховьям Дона. По пути к ним присоединялись все новые полки. В ночь на 8 сентября (21 сентября по новому стилю) войска переправились через Дон и вышли на Куликово поле.

Куликовская битва происходила к юго-востоку от Тулы. Во времена Дмитрия Донского тут были необжитые земли, начало задонской степи. Место битвы пересекается оврагами с речками и ручьями. Здесь негде было развернуться быстрой татарской коннице. У речки Непрядвы, впадающей в Дон, находилась «Зеленая дубрава», за которой Дмитрий Иванович поставил засадный полк. На «Красном Холме» был разбит шатер Мамая.

Куликовской битве посвящено много повестей и сказаний. Вы прочитали летописную повесть. Она излагает события на основании документов — по разря́дным книгам и сино́дикам — поминальным спискам убитых, по рассказам участников и под влиянием более древних исторических повестей, прежде всего повести об Александре Невском.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА 1380 г.

Вскоре после Донской битвы было создано поэтическое произведение «Задонщина» — «Писание Софония, старца Рязанца». «Задонщина» написана под несомненным влиянием «Слова о полку Игореве». Она близка ему по плану, образам, основным мыслям. Софоний Рязанец иногда прямо повторяет строфы «Слова о полку Игореве». Обращение к «Слову» не случайно. «Слово» — призыв к единению. «Задонщина» — прославление великой победы, осуществленной благодаря единению.

Подобно «Слову о полку Игореве», «Задонщина» проникнута горячей любовью к родине. «Для нас земля Русская подобна милому младенцу у матери своей»,— пишет Софоний.

«Задонщина» не дает последовательного изображения событий, связанных с Куликовской битвой. Это лирическая похвала героям сечи, прославление и величание Русской земли, «жалость» о погибших ее сынах. Она отвечала настроениям и чувствам читателей, но не удовлетворяла их желания знать подробности событий. Эти подробности не были достаточно полно отображены и в летописной повести. И вот на основании летописной повести и ряда устных преданий, не без влияния «Задонщины», было создано третье литературное произведение — «Сказание о Мамаевом побоище».

«Сказание» подробно описывает ход событий и дает ряд дополнительных сведений, по которым мы и знаем, как подготавливался и происходил Куликовский бой. «Сказание» — чрезвычайно ценный исторический источник и выдающийся памятник литературы.

Первым значительным эпизодом в «Сказании» является поездка Дмитрия Донского в монастырь св. Троицы к основателю и игумену этого монастыря Се́ргию Ра́донежскому. Сергий был выдающимся общественным деятелем второй половины XIV века. Согласно «Сказанию», он не только благословил великого князя на битву, но и предсказал ему, что ценой жизни многих и многих русских людей будет добыта победа. В помощь Дмитрию Сергий дал двух иноков своего монастыря — Пересве́та и Осля́бу.

Далее описывается, как собравшиеся в Москве воины Дмитрия прощаются со своими женами. Полки выступают в поход. Русские воины сравниваются с охотничьими соколами, которые возлетают под синие небеса.

Дмитрий выезжает из Москвы. «Впереди ему солнце добре сияет, а за ним кроткий ветерок дует» — так сама природа ласково, сочувственно относится к князю.

Войско продолжает свой путь по «великой, широкой дороге». Оно представлено единым, сплоченным. «Грядут русские сыны» пить «медвяные чаши» (чаши с медом) и есть «виноградные лозы», «хотят чести добыть и славного имени». Битва — пир, это обычный образ народной поэзии, и «сыны русские» идут на смертный бой, словно на по́честен пир. Войска перешли Дон.

И вот Дмитрий выстраивает полки, с высокого места обозревает их. «Умильно видеть,— пишет автор,— и жалостно смотреть на такое собранное и устроенное войско. Все были единодушны, один за одного, друг за друга хотели умереть».

Великий князь, упав на колени перед черным знаменем великого

полка с изображением Спаса, стал молиться о победе, а потом сел на коня и объехал с князьями и воеводами полки, обращаясь к ним по обычаю с речью. Речь Дмитрия построена на символике народной поэзии. «Гости наши приближаются,— говорил он,— утром нам с ними пить общую чашу, ее вы, друзья мои, еще на Руси возжелали».

Самым поэтичным местом «Сказания» является рассказ о «приметах» Дмитрия Бобро́к-Волы́нца. Дмитрий Волынец был крупным полководцем. Он возглавлял один из полков московского князя. Согласно преданию, ночью перед боем он предрек великому князю победу. Рассказ о приметах Дмитрия Волынца начинается с описания осенней ночи перед боем на Куликовом поле.

Уже пришла ночь светоносного праздника Рождества святые Богородицы. Осень тогда долго продолжалась, и дни светлыми еще сияли. Была же в ту ночь теплота велика́ и тихо вельми́ (очень), и заморозки росные явилися.

Вот в эту-то ночь Дмитрий Волынец сказал великому князю: «Хочу, государь, в ночь сию примету свою испытать».

И уже заря померкла, ночь глубока́ была. Дмитрий же Волынец, взяв с собою великого князя и выехав на поле Куликово и став посреди обоих полков (русского и татарского) и обратившись к полку татарскому, услышал стук велик и клич и вопль, аки (будто) торги снимаются (начинается торг), аки град зиждется и аки гром великий гремит. Позади же полка татарского волки воют грозно вельми́. По реке же Непря́две гуси и лебеди, крылами плеская, необычную грозу предвещали. Сказал же князь великий Дмитрию Волынцу: «Слышу, брате, гроза велика вельми». И сказал Волынец: «Призывай, княже, бога на помощь». И обернулся Дмитрий Волынец к полку русскому — и была тихость велика. И сказал Волынец: «Видишь ли что, княже?» Он же сказал: «Вижу, полыхают многие огненные зори». И сказал Волынец: «Радуйся, государь, добрые это знамения».

Однако Дмитрий Волынец решил испытать еще одно гадание. «И еще есть у меня примета»,— сказал он великому князю. Сойдя с коня, он надолго приник к земле правым ухом. И тут он услышал, как земля плакала на два голоса. На татарской стороне будто некая жена, тщетно плачущая о чадах своих языческим гласом. На русской стороне — как некая де́вица — возопила плачевным гласом, будто свирель некая. Волынец растолковал слышанный им плач земли так: «Чаю я победу на поганых татар,— сказал он.— А твоего христолюбивого воинства много падет, но твой верх, твоя слава будет».

Героями «Сказания о Мамаевом побоище» были не только князья да воеводы, но и простые служилые удалые люди. Все встали на борьбу с врагом. Автор «Сказания» считает защиту родины от «поганых» де-

лом святым. Тем, кто погибнет, «плетутся венцы мученические», то есть уготовано царствие небесное.

Интересен эпизод «Сказания» — «переодевание Дмитрия Донского». Наутро, утвердив полки, Дмитрий подъехал под свое знамя черное, пересел на другого коня, снял с себя одежду царскую, а в простую облачился. Своего же коня он дал Михаилу Андреевичу Servu Бренику и одежду свою возложил на него, ибо любил его паче меры. И то знамя черное повелел рыделю (оруженосцу) своему над ним возить. Под тем знаменем и убит был Бреник за великого князя. А князь, сражавшийся в одежде простого воина, остался жив.

Согласно «Сказанию», Куликовская битва начинается эпическим единоборством «старца», то есть монаха, Пересвета с татарским исполином Телебеем. Телебей выехал из великого полка татарского, показывая свое мужество передо всеми. Его наружность описана в стиле былин: «пяти сажен высота его, а трех сажен ширина его». Навстречу татарину выехал Александр Пересвет. На нем был монашеский клобук вместо шлема и схима вместо доспехов. И ударились они крепко копьями, едва земля не проломилась под ними. И упали оба с коней на землю и скончались. Пересвет своею смертию спас многих русских воинов, которые пали бы от руки исполина-татарина. Его единоборство с татарином воспринималось как победа духа над грубой физической силой.

После поединка Пересвета и Телебея вступили в бой оба войска и крепко бились. Не только от оружия погибали люди, но и от великой тесноты задыхаясь. Ибо не могли они вместиться на том поле Куликовом: место то тесно было между Доном и Непрядвою. На том поле сошлись сильные полки, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сильные молнии от блистания мечей. И был треск от ломления копий и от сечения мечей. Во един час, во мгновение ока сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий божиих, восклицает автор.

В шестом часу татары начали одолевать. Многие сановитые мужи были убиты. Богатыри же русские и воеводы и удалые люди, как древеса дубравные, клонились на землю под конские копыта.

В это время в засаде находился полк князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Боброк-Волынца. Владимир Андреевич и его воины рвались в бой, точно званые на свадьбу, чтобы пить сладкое вино. Дмитрий же Волынец удерживал их, говоря: «Подождите немного, удалые сыны русские, будет ваше время, чтобы утешиться, есть вам с кем повеселиться!»

Когда подошел седьмой час, потянул сзади нас южный ветер. Воскликнул тогда Волынец: «Княже Владимир, наше время приспело. Братья мои, друзья, дерзайте!» И выскочили из дубравы зеленой единомысленные друзья его, как соколы ученые, ударились на великие стада

журавлиные, на ту великую силу татарскую. А стяги их направлял крепкий воевода Дмитрий Волынец. И начали поганых татар сечь без милости. Татары увидели свою погибель и показали плечи и побежали. Сыны же русские гнали их и секли, склоняли, как лес.

Таково основное содержание «Сказания о Мамаевом побоище». Описывая великое сражение, автор «Сказания» часто обращается к историческому прошлому Руси. В разной связи он вспоминает победы Ярослава Мудрого и Александра Невского. Донская битва изображается им как одно из звеньев в цепи русских побед. Ее значение ярче выявляется на фоне прошлого. Вспоминает писатель и поражение на реке Калке. После битвы на Калке и до сих пор «Русская земля уныла». Но Куликовская победа вселила уверенность в собственной силе, и «по Русской земле распространилось веселие и отвага, и вознеслась слава русская над позором поганых».

Русские воины как носители светлого начала противопоставляются в «Сказании» темным силам татар. Но тем не менее «Сказание о Мамаевом побоище» глубоко гуманно. В нем выражено сочувствие страданиям врагов. Дмитрий Волынец слышит не только, как Русская земля скорбит о русских сынах, но и как татарская сторона плачет о своих чадах. «Видя перед очами смерть», «многие люди с обеих сторон унывают». Война — великое бедствие для всех, это прекрасно понимает русский писатель.

«Сказание о Мамаевом побоище» полюбилось русским читателям. Его усердно переписывали, дополняли подробностями. Оно дошло до нас во множестве списков. Поэты, драматурги, романисты, живописцы обращались к «Сказанию» для изображения героев Куликовской битвы.

Древнерусская литература во многом отличается от литературы нового времени. Но мы подчас не подозреваем, какое огромное влияние оказали ее образы, ее высокие идеи на последующую литературу и искусство. Знакомство с произведениями древнерусской книжности не только открывает нам достижения художников слова тех веков, но помогает лучше, полнее и глубже понять литературу и искусство XIX—XX столетий.

РОДОСЛОВИЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ

РОД ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Ярослав Мудрый,
сын Владимира Святославича,
княжил в Киеве с 1019 г.,
ум. 1054

- **Святослав,**
  кн. Черниговск., ум. 1075
  - **Олег,**
    прозванный автором «Слова о полку Игореве» Гориславичем, кн. Черниговск., ум. 1115
- **Всеволод,**
  кн. Переяславск., ум. 1093, был женат на греческой царевне из рода Мономахов
  - **Владимир Мономах,**
    княжил в Переяславле (Южном), с 1113 г. в Киеве, ум. 1125

РОД ОЛЬГОВИЧЕЙ

(сыновей и внуков Олега Святославича Черниговского)

Олег Святославич,
кн. Черниговск.,
ум. 1115

- **Всеволод,**
  кн. Черниговск., воевал с Ярополком за Киев, стал киевск. князем с 1139 г., ум. 1146
  - **Святослав,**
    кн. Киевск., ум. 1194
    - **Мстислав,**
      кн. Козельск., погиб в битве при Калке в 1223 г.
    - **Всеволод,**
      ум. 1215
      - **Михаил,**
        кн. Черниговск., убит в Орде в 1246 г.
  - **Ярослав,**
    кн. Черниговск., ум. 1198
- **Святослав,**
  кн. Новгород-Северск., союзник Юрия Долгорук., ум. 1167
  - **Олег,**
    кн. Черниговск., ум. 1180
    - **Святослав,**
      кн. Рыльск., участник похода Игоря
  - **Игорь,**
    кн. Новгород-Северск., герой «Слова о полку Игореве», ум. 1202
    - **Владимир,**
      участник похода Игоря, ум. 1212
  - **Всеволод,**
    кн. Трубчевск., «Буй тур» «Слова о полку Игореве», ум. 1196

РОД ВЛАДИМИРОВИЧЕЙ, ИЛИ МОНОМАХОВИЧЕЙ

(сыновей Владимира Мономаха)

Владимир Мономах,
1053—1125

- **Мстислав Великий,** княжил в Великом Новгороде. После смерти отца занял киевский стол. Вел успешную борьбу с половцами, ум. 1132
- **Ярополк,** после смерти брата занял киевский стол. Боролся со Всеволодом Ольговичем Черниговским, ум. 1139
- **Юрий Долгорукий,** кн. Владимиро-Суздальск. и Переяславля-Южного. Устроитель Владимиро-Суздальск. земли. Боролся за Киев с племянником Изяславом Мстиславичем, ум. в 1157 г. киевским князем

РОД ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

(сына Владимира Мономаха)

Юрий Долгорукий,
ум. 1157

- **Андрей Боголюбский,** кн. Владимиро-Суздальск., ум. 1175
  - **Мстислав,** возглавил поход на Киев и Новгород в 1171 г., ум. 1172
- **Глеб,** кн. Переяславск., ум. 1173
- **Всеволод Большое Гнездо,** кн. Владимиро-Суздальск., ум. 1212
  - **Константин,** кн. Ростовск., ум. 1219
  - **Юрий,** кн. Владимирск., погиб на Сити в 1238 г.
  - **Ярослав,** кн. Переяславля-Залесского, погиб в Орде в 1246 г.
  - **Святослав,** кн. Юрьева-Польского, ум. 1253

РОД МСТИСЛАВА ВЕЛИКОГО

РОД МСТИСЛАВА ВЕЛИКОГО

(сына Владимира Мономаха)

- **Мстислав Великий,** ум. 1132
  - **Всеволод,** кн. Новгородск., изгнан в 1136 г., ум. 1138
  - **Изяслав,** кн. Волынск., боролся за Киев с Ю. Долгоруким, ум. 1154
    - **Мстислав,** возглавил поход на половцев в 1170 г., ум. 1171
      - **Роман,** кн. Владимиро-Галицк., ум. 1205
        - **Даниил,** кн. Галицк., ум. 1264
          - **Лев,** основатель города Львова
        - **Василек,** кн. Владимиро-Волынск., ум. 1265
          - **Владимир,** кн. Владимиро-Волынск., ум. 1289
    - **Ярослав,** кн. Луцкий
  - **Владимир,** ум. 1174
  - **Ростислав,** кн. Смоленск., ум. 1168
    - **Роман,** кн. Смоленск., ум. 1180
      - **Мстислав,** кн. Киевск., убит на Калке в 1223 г.
        - **Всеволод**
    - **Рюрик,** ум. 1215
      - **Ростислав,** ум. 1218
      - **Владимир,** кн. Смоленск., ум. 1239
    - **Давыд,** ум. 1197
    - **Мстислав Храбрый,** ум. 1180
      - **Мстислав Удалой,** кн. Торопецкий, княжил в Новгороде. В 1218 ушел в Галич. Участник битвы на Калке, ум. 1228

РОД КОНСТАНТИНА

(сына Всеволода Большое Гнездо)

Константин,
ум. 1219

- **Василек,** кн. Ростовск., женат на Марии, дочери Михаила Черниговского. Убит татарами на р. Сити в 1238 г.
  - **Борис,** находился в Орде, когда туда прибыл Михаил Черниговск., ум. 1277
  - **Глеб,** ум. 1278
- **Всеволод,** кн. Ярославск., участник битвы на р. Сити, ум. 1279
- **Владимир,** кн. Углицк., участник битвы на р. Сити, ум. 1249

РОД ЮРИЯ

(сына Всеволода Большое Гнездо)

Юрий,
ум. 1238

- **Всеволод,** бился с татарами за Коломну. Убит во Владимире в 1237 г.
- **Владимир,** схвачен татарами в Москве. Убит у стен Владимира в 1237 г.
- **Мстислав,** убит во Владимире в 1237 г.

РОД ЯРОСЛАВА

(сына Всеволода Большое Гнездо)

Ярослав,
ум. 1246

- **Александр Невский,** победитель шведов на Неве в 1240 г., ливонцев на Чудском озере в 1242 г., ум. 1263
- **Андрей,** собирал полки в Переяславле для похода в 1242 г. на ливонцев, ум. 1264
- **Ярослав,** кн. Тверской, княжил в Новгороде с 1264 г. Вызвал против себя восстание в 1270 г., ум. 1272
- **Василий,** кн. Костромск., заступился за новгородцев в 1270 г. против Ярослава Тверск., ум. 1276

РОД АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

(сына Ярослава Всеволодовича)

- **Александр Невский**, 1220—1263
  - **Андрей**, кн. Городецк., воевал со шведами, ум. 1304
  - **Дмитрий**, кн. Переяславск., сел в Новгороде в 1257 г., воевал с ливонцами в союзе с кн. Довмонтом Псковским. Изгнан в 1264 г., ум. 1294
  - **Даниил**, кн. Московск., ум. 1303
    - **Юрий**, кн. Московск., соперник Михаила Ярославича Тверск. Боролся со шведами и ливонцами. Построил в 1323 г. Орехов. Погиб в Орде в 1325 г.
    - **Иван Калита**, кн. Московск. с 1325 г., великий князь Московск. с 1328 г., ум. 1341
      - **Семен Гордый**, кн. Московск., ум. 1353
      - **Иван Красный**, кн. Московск., ум. 1359
        - **Дмитрий Донской**, 1359—1389
      - **Андрей**, кн. Серпуховск., ум. 1353
        - **Владимир**, кн. Серпуховск., сподвижник Дмитрия Донского в Куликовской битве, ум. 1410

РОД ЯРОСЛАВА ТВЕРСКОГО
(сына Ярослава Ярославича Тверского)

Ярослав Тверской,
ум. 1272

Михаил,
кн. Тверск., погиб в
Орде в 1318 г.

Дмитрий
Грозные Очи, великий князь Тверск.
с 1319 по 1325 г.
Убит в Орде в 1325 г.

Александр,
княжил в Твери во время
восстания против татар в 1327 г.
Бежал в Псков
и в Литву. Убит в Орде
в 1339 г.

Михаил,
кн. Тверск.,
ум. 1399

Александр,
кн. Тверск.,
ум. 1389

Константин,
ум. 1346

РОД АНДРЕЯ ЯРОСЛАВИЧА
(сына Ярослава Ярославича Тверского)

Андрей Ярославич,
ум. 1264

Василий,
кн. Суздальско-Нижегор.,
ум. 1309

Константин,
кн. Суздальско-Нижегор.,
ум. 1355

Дмитрий Константинович,
тесть Дмитрия Донского,
ум. 1383

ПРИЛОЖЕНИЕ

КУЛЬТУРА РУСИ XII—XIV ВЕКОВ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

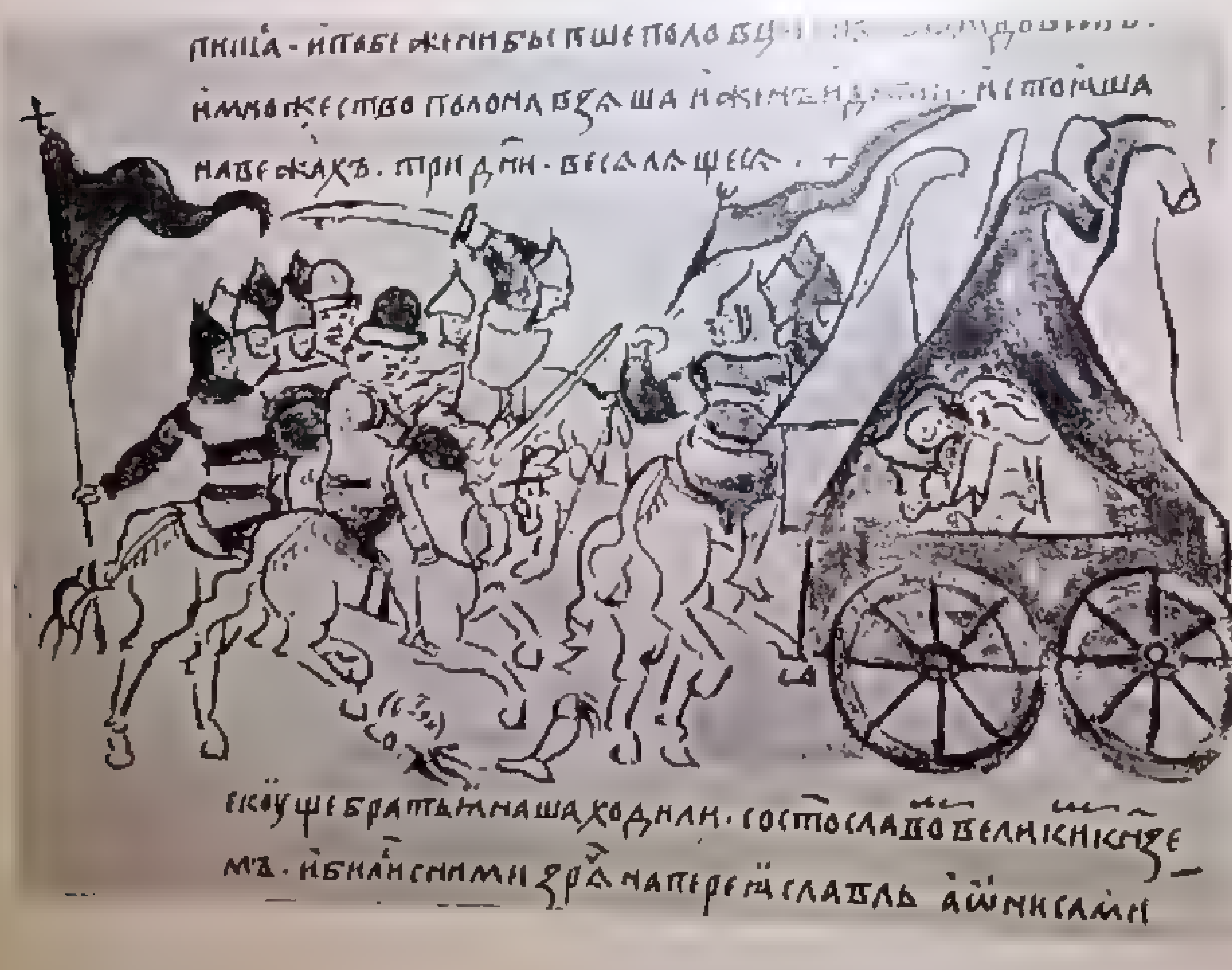
В древности любили и ценили книги, делали для них дорогие, искусные оклады. Оклад Мстиславова Евангелия XII века можно увидеть в Историческом музее в Москве.

В заглавных буквах, которыми новгородцы украшали свои книги, художники изображали ремесленников, глашатаев, скоморохов, музыкантов, а иногда и причудливых птиц и зверей с человечьими головами.

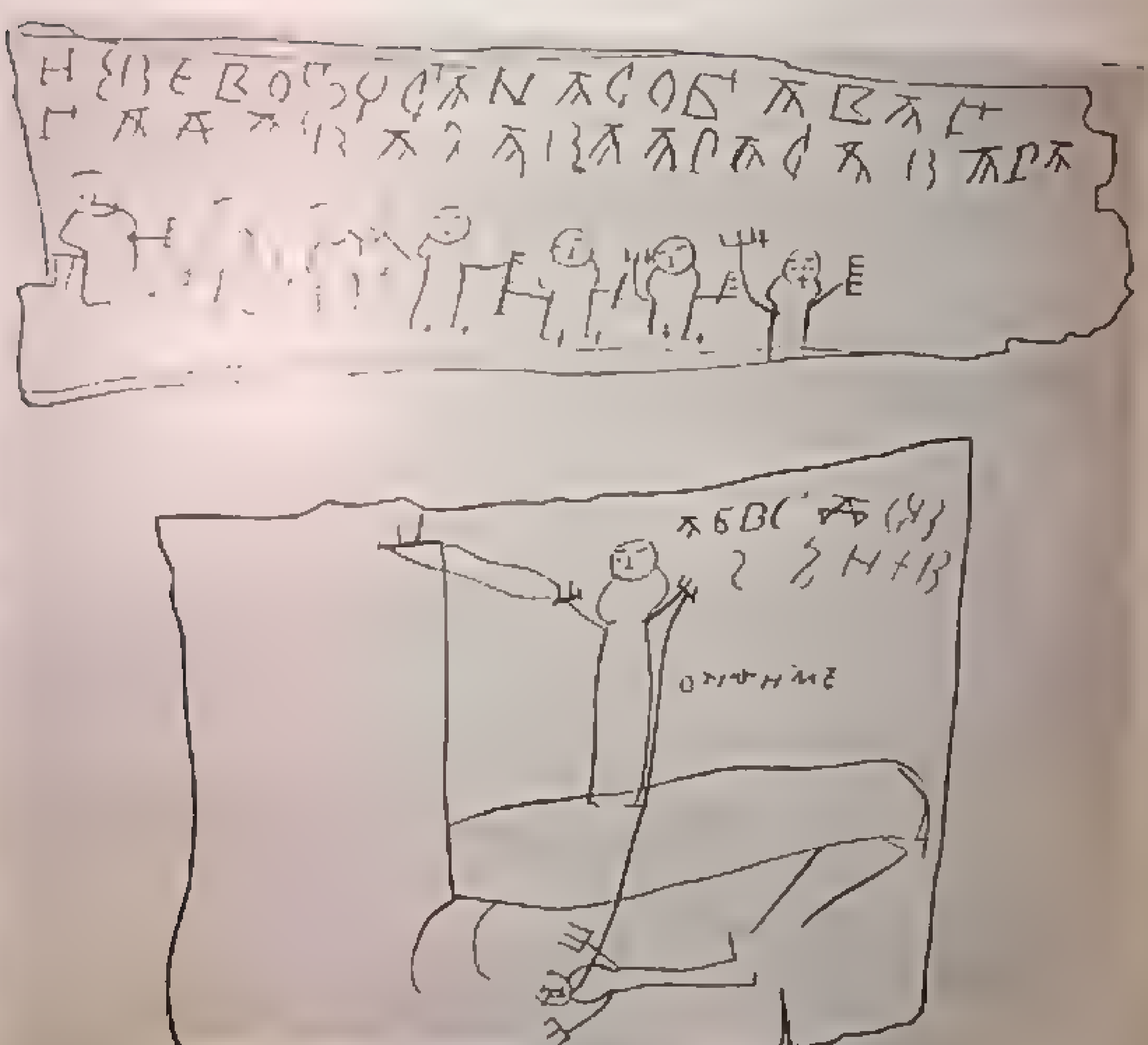

Две миниатюры Радзивиловской летописи изображают сцены из похода князя Игоря Новгород-Северского, воспетого в «Слове о полку Игореве».

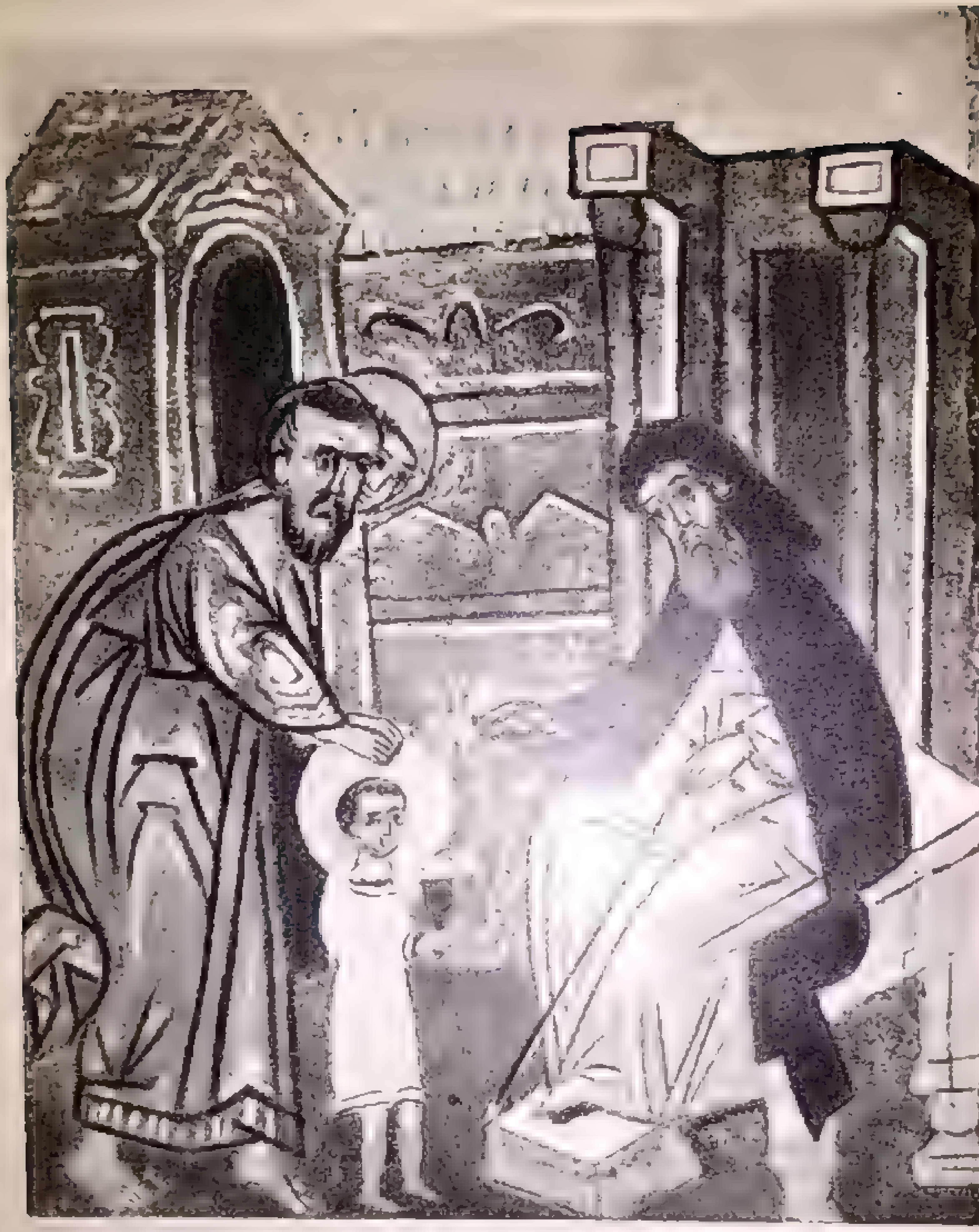

Богато украшались книги тонкими заставками.

Дети всегда рисовали. Но мы теперь рисуем на бумаге, а новгородский мальчик Онфим рисовал на бересте. Он изобразил себя, и своих друзей, и всадника, поражающего врага.

Стремление к знаниям, благоговейное отношение к учению передано на клейме «Приведение в учение» на иконе XV века «Никола в житии» из Третьяковской галереи. Любопытна маленькая деталь: мальчик держит дощечку, на которой будет учиться писать. Такие дощечки находят теперь археологи.

Как красив этот шлем. Сама его форма, изображенный на «челе» стоящий в рост Михаил Архангел — предводитель небесного воинства — все выражает силу. Этот шлем был найден на поле Липецкой битвы.

Жизнь давно ушла из древней столицы Рязанского княжества. Только мощные валы свидетельствуют теперь о могуществе когда-то богатого и цветущего города. За валами поле. Здесь в 1237 году мчалась татарская конница.

В трех километрах от Новгорода, на высоком берегу Волхова, безымянный мастер поставил в 1198 году церковь Спаса-Нередицы. Строитель нашел гармоничное соотношение объемов храма и высоты берегового откоса, поставил здание так, чтобы оно гляделось в гладь реки.

Почти напротив Нередицы стоит Георгиевский собор — бессмертное творение мастера Петра (XII век). В могучем ритме его каменных масс словно застыли величавые строфы русских былин.

За высокими валами Переяславля-Залесского вырастает из земли белокаменный собор Спаса (XII век).

На берегу извилистой реки Нерли и тихой заводи, поросшей золотыми кувшинками, стоит самое стройное, самое возвышенное и поэтичное здание Древней Руси — церковь Покрова (1165).

Представьте себе Золотые ворота с городской стеной на валах, и вы увидите, каким величавым, полным гордой силы был торжественный въезд во Владимир.

На крутом берегу Клязьмы высится Успенский собор—воплощение мощи и славы Владимиро-Суздальской Руси.

Параден статный собор Дмитрия Солунского во Владимире. В солнечный день игра светотени четко выделяет его белокаменную резьбу.

Перед нами лестничная башня палат Андрея Боголюбского в селе Боголюбово. Прекрасно прорисованы все детали. Безукоризненна кладка белокаменных плит. Из трехчастного окна, обращенного к заречным далям, князь Андрей мог любоваться церковью Покрова.

В сложной технике золотой наводки по меди выполнен тонкий рисунок южных врат собора в Суздале. Медную пластину покрывали лаком, процарапывали рисунок и протравливали кислотой. Затем наносили амальгаму золота в ртути и нагревали пластину. Ртуть испарялась, а тонкий слой золота плотно приставал к протравленным местам.

Ручка Золотых врат в Суздале сделана в виде кольца, вставленного в пасть зверя. Что это за зверь? Кошка? Пантера? Какая богатая фантазия была у мастера!

Произведения тонкого ювелирного искусства свидетельствуют о высоком мастерстве ремесленников. Серебряные украшения, которые вы видите, найдены в Старой Рязани.

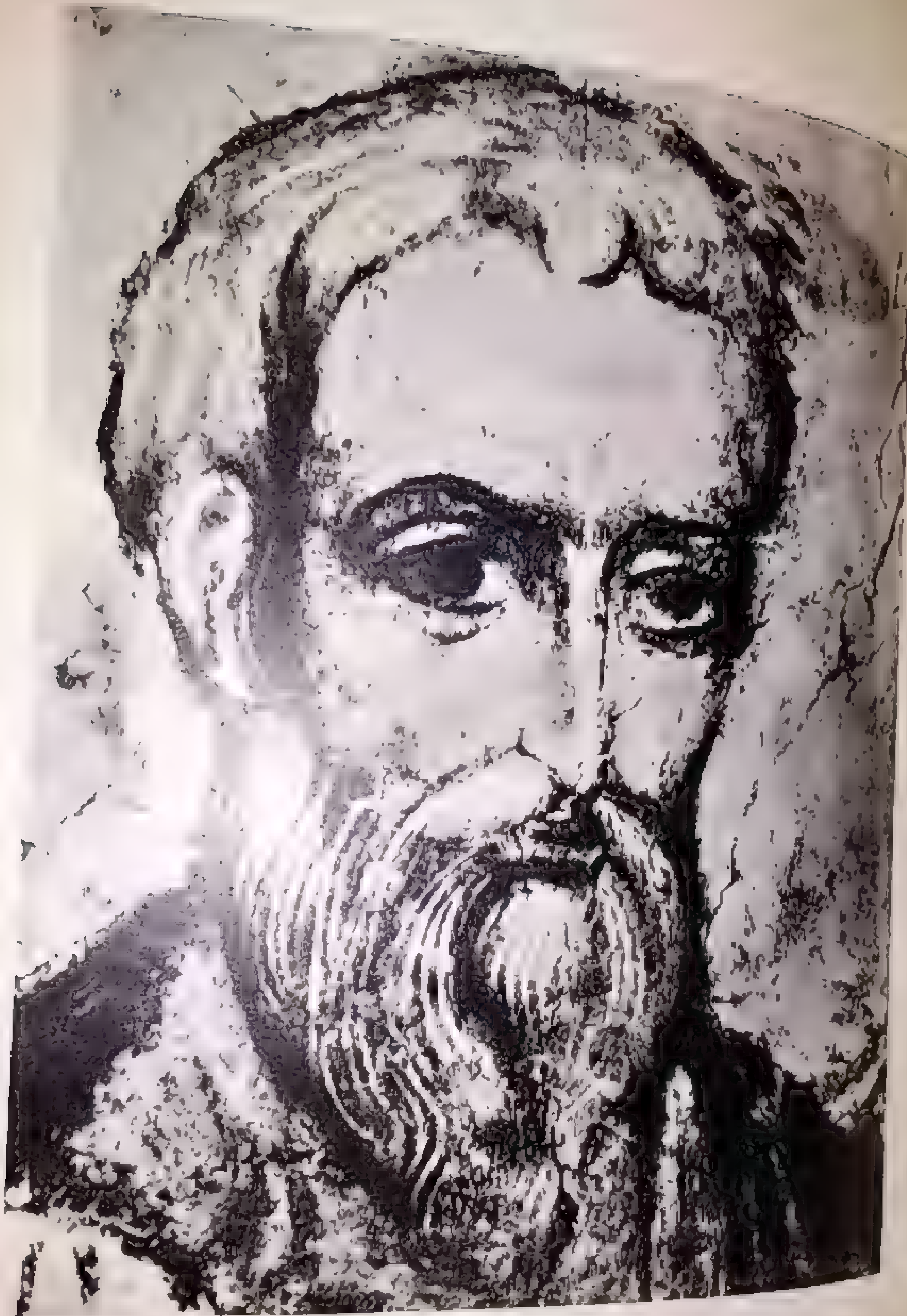
«Се сосуд Петрилов и жены его Варвары», «Господи, помози рабу своему Флорови, Братило делал» — по этим надписям на кратире — сосуде для вина — мы узнали, что его делал мастер Братило для новгородского посадника Петра (1130—1134).

Бáрмы (оплечье) XIII века состоят из серебряных блях с изображением «расцветшего креста» — символа жизни. Бармы служили и украшением и «оберёгом» (охранником).

Простой резчик по дереву изобразил Герасима, вынимающего занозу из лапы льва. Эта сцена дружбы человека со зверем украшает Людогощенский крест 1359 года, который хранится в Новгородском художественном музее.

На фресках и иконах мы видим, каким рисовался человек художникам Древней Руси. Мыслитель и поэт с добрыми и умными глазами изображен на фреске XII века Дмитриевского собора во Владимире.

Напряженные лица Бориса и Глеба полны сильной воли, мужества и непреклонной убежденности в правоте своего дела. К этой иконе XIV века приходили воины перед битвой. Теперь она находится в Русском музее в Ленинграде.

Лицо Спаса призывное, исполненное решимости и силы. Недаром эта икона XII века служила боевым знаменем против степных врагов.

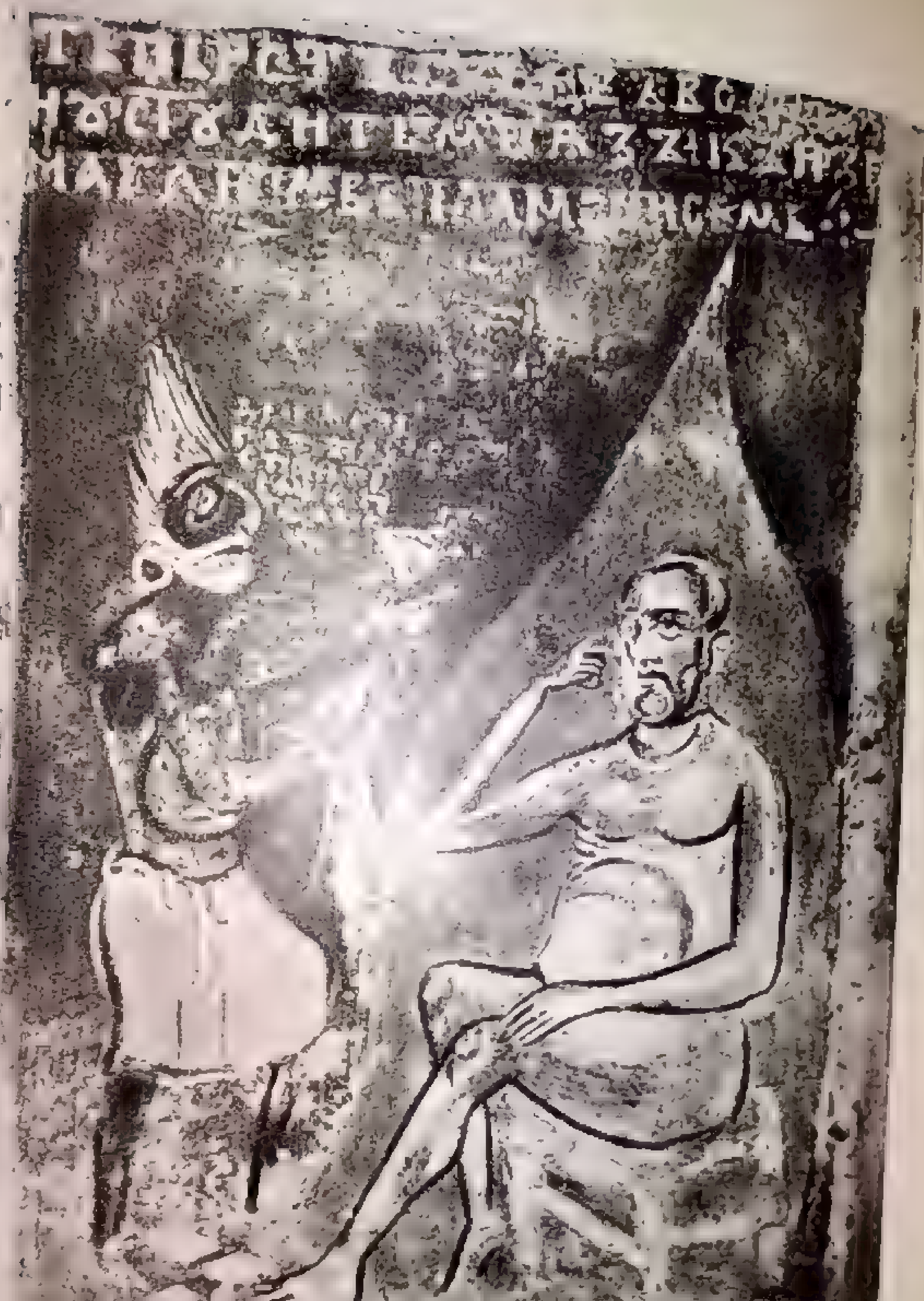
В величавом образе на иконе XII—XIII веков представление о матери бога соединилось с представлением о матери-земле.

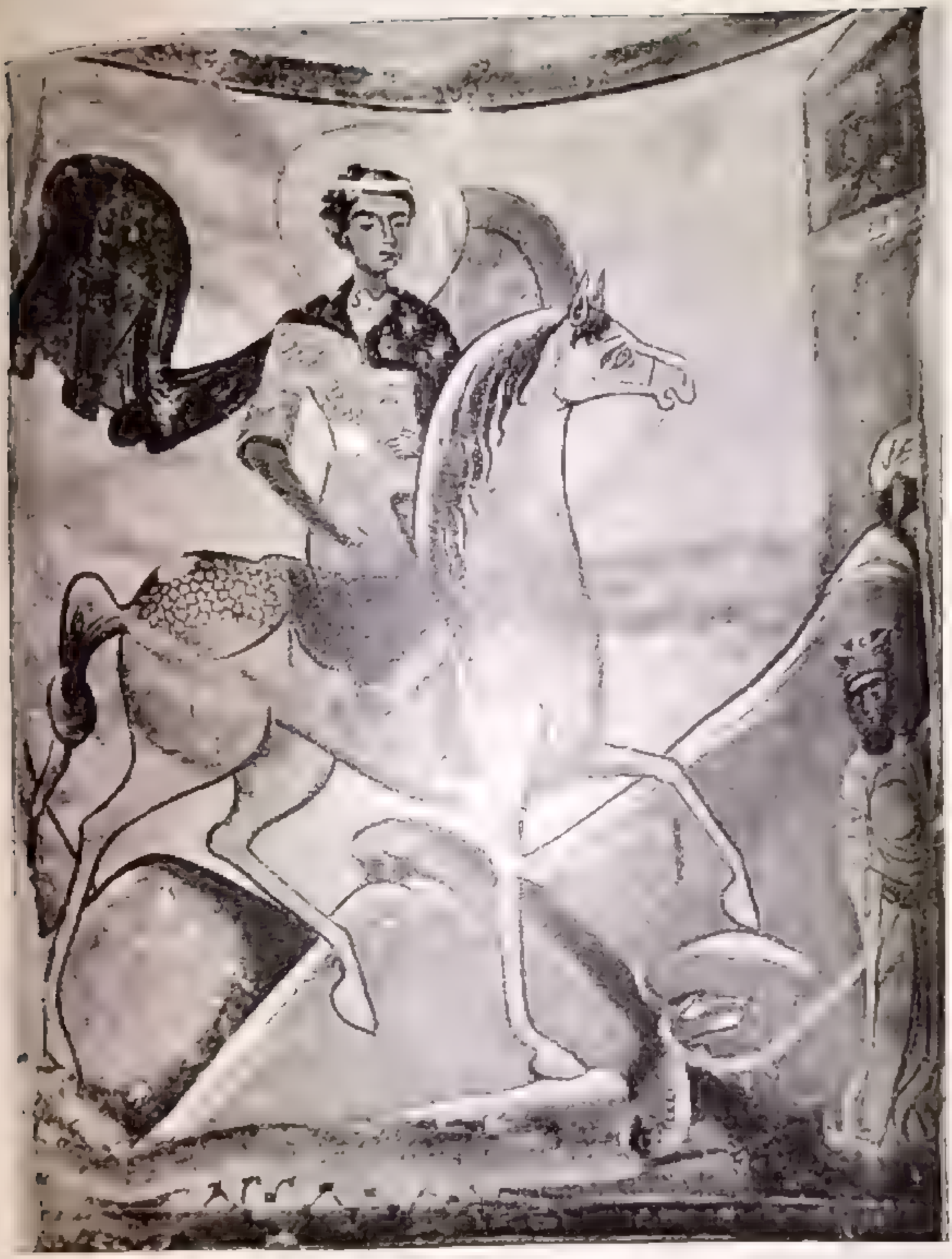
Много раз обращались художники к теме страдающей матери. Эта тема становилась особенно близкой в годы бедствий. Икона Толгской богоматери написана в 1314 году.

Перед вами «русский бог», созданный в годы татарской неволи. Его глаза светятся любовью и состраданием.

Зло представлялось жителю Древней Руси безобразным даже внешне. Перед вами богатый Лазарь в аду с фрески Спаса-Нередицы.

Возвышенный облик Георгия Храброго на фреске XII века собора в Старой Ладоге отражает красоту его духовного мира. Добро победило зло: страшный змий, от которого Георгий избавил Прекрасную Елизавету, кротко и покорно идет на веревочке за царевной.

Всеволод Большое Гнездо мог принимать иноземных послов в такой же величественной позе, в которой изображен Дмитрий Солунский на иконе XII—XIII веков (Третьяковская галерея)

Художник изобразил на фреске в церкви Спаса-Нередицы князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, облаченного в праздничную одежду князей того времени.

На иконе XV века «Битва суздальцев с новгородцами» представлено, как из церкви Спаса на Торговой стороне в Новгороде выносят икону Знамение, несут ее через мост в Детинец. В среднем ряду, в центре, послы ведут переговоры. Сзади суздальцы стреляют в Детинец. А в нижнем ряду из городских ворот вылетают новгородцы. Впереди них святые воины: Борис, Глеб, Георгий и Александр Невский. Суздальцы бегут.

СОДЕРЖАНИЕ

Для средней школы

РАССКАЗЫ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XII—XIV вв.

Составление Татьяны Николаевны Михельсон

Ответственный редактор Н. В. Белякова. Художественный редактор А. В. Пацина. Технический редактор Г. Е. Гафт. Корректоры Т. П. Лейзерович и З. С. Ульянова. Сдано в набор 4/XI 1972 г. Подписано к печати 26/III 1973 г. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 16. Усл. печ. л. 14,88. (Уч.-изд. л. 11,72+16 вкл.=13,39). Тираж 150 000 экз. Заказ 5079. Цена 64 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 64 коп.